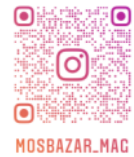

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

MOSBAZAR.MAG

№ 4 (39) 2021

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2021

О счастье, его индексе и немножко о генетике

«Счастье – это когда тебя понимают», – написал в своем сочинении герой известного фильма. – «И всё?» – «И всё!»

Только почему-то нам всегда этого мало. Мало иметь крышу над головой – хочется, чтобы она была большая и красивая, желательно из дорогих материалов и лучше на собственном доме. Мало теплой комнаты, когда за окном мороз, и валит снег, или льет дождь, – нам подавай камин, да чтобы в парадном зале. Мало простой и добротной пищи на столе. Негоже счастливым людям есть картошку с салом и квашеной капустой. Очень фуа-гра охота. И ананасов в шампанском. А еще хочется быть успешным: чтоб зарплата достойная, чтоб отпуск на яхте в океане, машина приличная. И чтоб дети поступили в

престижный вуз (за ценой не постоим), карьеру сделали, удачно выбрали партнера по жизни. Вот сколько всего надо, чтоб быть счастливым! Вот такой пазл должен сложиться! А если хоть одной детали не хватает, то все разваливается – неполноценное получается счастье, недоделанное какое-то. Зато есть к чему стремиться!

В преддверии Нового года хочется поговорить о счастье. А то под бой курантов при первом глотке шампанского желаем друг другу и себе счастья, а толком и объяснить не можем, что такое – счастье. Да и существует ли оно? Может, это просто наши фантазии и мечты о несбыточном...

Любой нейрофизиолог скажет вам, что счастье – это химический процесс, в результате которого образуются «гормоны счастья», самыми важными из которых являются серотонин, дофамин, норадреналин и эндорфины. Ответственность за выработку гормонов несут гены, которые достались нам от родителей. Так что в какой-то степени счастье – это наследство, полученное нами при рождении. Наиболее изучен ген 5-HTTLPR, ответственный за распределение серотонина в клетках мозга. Существует две различные формы этого гена: длинная (L) и короткая (S). У каждого человека есть два вида гена, которые называются аллелями, и каждый из них унаследован от родителей. Вот только проблема в том, что унаследовать мы можем как два длинных гена, так и два коротких. Ну или L и S. И если родители наделили вас двумя длинными аллелями, считайте – вам повезло, вы счастливчик! И счастья вам занимать не придется! А вот у кого два S...

Впрочем, не будем расстраиваться по пустякам! Мы-то с вами знаем, что никакие нейрофизиологи не смогут объяснить, почему человек долгое время имел и богатство, и успех, а счастлив не был. Но вот появился в его жизни любимый человек, или ребенок, или маленький пушистый друг – и все вдруг изменилось. Ведь не могли же гены удлиниться! Нет, ничего эти ученые не знают!

Или возьмем индекс счастья. Каждый год исследовательский центр «Институт Земли» при Колумбийском университете составляет рейтинг стран по уровню счастья, для чего и используют этот индекс. В 2021 году самыми счастливыми странами стали Финляндия, Дания и

Александр Дудин. Ёлка

Швейцария. И в то же самое время именно в этих странах ежегодно фиксируется самый большой уровень самоубийств. Какое же тут счастье?!

Все-таки счастье штука эфемерная, никакими индексами не измеримая. И у каждого оно свое, ни с каким другим не сравнимое. Сколько на свете людей, столько и вариантов счастья. Невозможно счастье измерить – нет такого измерительного прибора, который определит его размеры, выявит, большое оно или маленькое, круглое или квадратное, плоское или объемное. Счастье не имеет ни цвета, ни запаха, ни вкуса, его не видно и не слышно, не пощупать его, не погладить, не разглядеть даже в самый совершенный микроскоп. Однако когда оно приходит, мы безошибочно пониманием это – без подсказок и намеков. Вдруг ощущаем каким-то неведомым чутьем, что мы

счастливы. И тогда жизнь неожиданно становится прекрасной. Вот вчера еще было сумрачно, а сегодня краски стали яркими, воздух сладким, дыхание легким. Вдруг выясняется, что вовсе не обязательно иметь большой дом, можно обойтись и маленькой квартирой с уютной теплой кухней, где вечерами можно пить с друзьями вино, а картошка с салом и квашеной капустой – это невероятно вкусно. И никакая яхта не заменит прогулку по аллее осеннего сада с духовно близким человеком, с которым можно часами говорить обо всем, собирая опавшие кленовые листья, и скучно не будет. Или в морозный солнечный день пробежать на лыжах километров этак десять, смертельно устать, а потом достать из рюкзака термос и пить горячий крепкий чай, в котором плавают лимон, снежинки и слепящее зимнее солнце. Или вдруг словить откуда ни возьмись прилетевший снежок, в ответ слепить такой же и устроить маленькую снежную войнушку с мальчишкой из соседнего подъезда.

Хитрое оно, счастье это. Не знаешь, когда появится. Вот не ждал, не гадал, а оно взяло и явилось: «Здравствуйте! Я ваше счастье!» И да: «счастье – это когда тебя понимают».

От имени редакции журнала хочу пожелать нашим читателям счастья. Пусть оно будет таким, как вы ждете. Или неожиданным. Это не важно. Главное – пусть оно будет.

БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

И пусть наступающий 2022 год принесет всем нам мир, покой, благополучие, большие и маленькие радости и, конечно же, СЧАСТЬЕ!

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- СИМА И ГАЛЬПЕРИН, или ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭКСПРОМТА
(Из книги «Внуково. “Московский писатель”. В тени больших деревьев»)

7

ИНТЕРВЬЮ

«МНЕ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО ДАВАТЬ ЗРИТЕЛЮ ПИЩУ ДЛЯ УМА...»

Интервью с художником Ольгой Гуревич специально для «Московского BAZARa». Беседу ведет писатель Мария Сидлер

11

ПРОЗА

БААДУР ЧХАТАРАШВИЛИ (Тбилиси, Грузия)

- ЛЕСУ НЕТ КОНЦА

ВАЛЕРИАН МАРКАРОВ (Тбилиси, Грузия)

- ГОЛУБАЯ МЕЧТА ОДЕССКОГО ЮВЕЛИРА
- ПАДАЕТ СНЕГ

ВЛАДИСЛАВ КУРАШ (Польша)

Рассказы из сборника «Моя вторая Одиссея» цикла «Это безумно безумная жизнь»

- МЫ УБЕГАЕМ
- УЕЗЖАЮ

ДРАГИ МИХАЙЛОВСКИЙ (Македония)

- ЖИТЕЛЬ ЧАИРА, КОТОРЫЙ ПОУМНЕЛ ПОСЛЕ ТОГО, КАК СТАЛ ЛАСКОЙ. Перевод О. Панькиной

ТАТЬЯНА ПОПОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ГНЕЗДО

19

24

34

39

41

43

47

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ИВАН ПОМНЯЩИЙ

52

ПОЭЗИЯ

В этом номере рубрика посвящается поэту Евгению Агуфу

ЕВГЕНИЙ АГУФ (МОССАЛИТ, Москва)

ГАЛИНА БУЛАТОВА (Казань)

ЭДУАРД УЧАРОВ (Казань)

ДМИТРИЙ БАКАМИНОВ (Санкт-Петербург)

МАРИНА НОСОВА (Москва)

ВЛАДИМИР НАБОЕВ (Калининград)

55

58

61

66

69

72

VazART

ТВОРЧЕСКИЙ ДУЭТ:

**ЕЛЕНА ПАНОВА (КОЛЬЦОВА) (Красноярск), художник
и АЛЕКСАНДР ПОЛИКАРПОВ (СТРЕЛЬЦОВ) (Москва), поэт**

- ГРАЖДАНКА РЫБИНА
- МОДЕЛЬ
- КУЗЯ
- МУХА ЛЕТАЛА
- РУМЯНЫЙ СЛОН
- СИНЯЯ ПТИЦА
- СТАРАЯ КРЫСА
- ТОБИК И БОБИК

76

СМЕХОТЕКА

ЕФИМ ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)

- **НОВОГОДНИЕ НОСТАЛЬГУШКИ**
Иронические рассказы для тех, кому склероз не страшен

82

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЛЮДМИЛА ЛЕВИНА (Москва).

Зимние стихи (для детей от 6 до 9)

СВЕТЛАНА ТЮРЯЕВА (г. Петушки, Владимирская обл.).

Рассказы для детей

- РЫБАЛКА
- ЗАЙЦЫ
- ЛОТО

ЕФИМ ГАММЕР (Иерусалим, Израиль). Рассказы для детей

- ИЕРУСАЛИМСКИЙ СКАЗОЧНИК
- ИЕРУСАЛИМСКИЙ СКАЗОЧНИК И ВЕСЕЛАЯ КОМПАНИЯ
ГНОМИКОВ
- ГНОМИК ИКС И ПЕРВАЯ КРАСАВИЦА

МАРИЯ ЧУГРОВА (Нижний Новгород). Рассказы для детей

- СУДАРЫНЯ ВЬЮГА

90

93

95

96

98

102

103

104

ПУБЛИЦИСТИКА – ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

**ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, Самарская область, с. Старая
Балыкла)**

- **ПРИТЧА: РЕАЛЬНАЯ СКАЗКА ИЛИ СКАЗОЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?**

107

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- **ХРАМ ИЛИИ ПРОРОКА во ВНУКОВЕ**

110

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

*В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. Эшера, А. Дудина, О. Гуревич, Е. Пановой;
фотографии из семейных и авторских архивов О. Грушевской.
На обложке: Ольга Гуревич. Зимние забавы. 2015 г.*

Руководитель проекта *Ольга Грушевская*

Главный редактор *Светлана Сударикова*

Редактор-корректор *Ирина Чижова*

Художественный редактор *Ольга Грушевская*

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова, Всеволод Круж

«Поэзия» – Алексей Казарновский, Ольга Уваркина, Андрей Баранов

«Культурное наследие» – Ольга Грушевская, Светлана Сударикова

«Частная территория» – Светлана Сударикова

«Публицистика», «Голос прошлого – литературная критика» – Петр Дубенко

«VazArt» – Ольга Грушевская

«Записки на манжете» – Ольга Рыбакова, Ирина Чижова

«Детское чтение» – Ольга Уваркина

О. Гуревич. Серия «Селфи. Революция». Аврора 1917–2017

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

www.moscowbazar.com

© МОССАЛИТ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

СИМА и ГАЛЬПЕРИН¹

История одного экспромта

*Любовь от себя никого не отпустит.
Над каждым окошком поют соловьи.
Любовь никогда не бывает без грусти,
А это приятней, чем грусть без любви.
Из песни «Всё стало вокруг голубым и зелёным»,
муз. Ю. Милютина, сл. Е. Долматовского*

Из воспоминаний С. С. Титовой, (расшифровка аудиозаписи 1998 года)

Серафима Семеновна Титова, сестра киносценариста З. С. Маркиной. Долгие годы работала Руководителем курсов повышения квалификации директоров и управляющих гостиничным хозяйством г. Москвы. Выйдя на пенсию, жила во Внукове, отдавая все силы и душу внуковскому дому и воспитанию внуков и правнуков.

В семейном архиве мы наткнулись на пожелтевший листок с необычными стихами. Содержание было возвышенно и замысловато, говорилось о тиаре, лавровом венке, о Лорелее Гейне, о Парках – нам было мало что понятно. Очевидным было только то, что стихотворение, а точнее экспромт, как назвал его автор, был написан 18 июля 1938 года и посвящался бабушке Симе – С. С. Титовой. Мы долго пытались разгадать, что же скрывалось за прекрасными словами, но лишь расшифровывали символику слови никак не могли уловить смысл. Под стихотворением стояла подпись: Мих. Гальперин.

Гальперины жили на углу улиц Полевой и Маяковского, и дача их граничила с участком Гусевых. Сквозь штaketник в глубине леса виднелся высокий красивый дом, и слышался лай собаки.

Все прояснилось, когда были прослушаны записи, прозорливо сделанные бабушкой на диктофон в 1998 году. Вот так и получилось, что Сима сама поведала нам эту историю, впрочем, как и историю дружбы с Михаилом Петровичем Гальпериным. Ниже приводится текст с минимальной редакторской правкой

¹ Статья из книги «Внуково. “Московский писатель”. В тени больших деревьев» под ред. О. Грушевской.

Михаил Петрович Гальперин (1882–1944) – поэт, журналист, драматург, переводчик. Входил в Московский литературный кружок «Среда» (впоследствии «Молодая среда»), в Московский литературно-художественный кружок, в Союз деятелей искусства АЛАТРЪ, член Союза писателей СССР.

Родился в Киеве в семье часовщика. В семнадцать лет поступил вольнослушателем в Киевский университет и был принят в Киевскую консерваторию. Первое стихотворение было напечатано в 1899 году. Работал журналистом, приобрёл опыт военного корреспондента на русско-японской войне. Позже много писал о музыке, литературе, печатался в различных изданиях и, в частности, в журнале «Мир искусств». В 1908 году переехал в Петербург, а затем жил в Москве, где печатался в литературных сборниках и изданиях «Жемчужины русской поэзии», «Чтец-декламатор», «Творчество», «Кулисы», «Жизнь искусства». В 1912 году выходит первый сборник стихов Михаила Гальперина «Мерцания»

Михаил Петрович был талантливым переводчиком: знал несколько европейских языков, свободно владея стихосложением. В 1913 году его переводы из Гёте вошли в собрание сочинений Гёте под редакцией А. Е. Грузинского.

В сотрудничестве с драматическими театрами сделал новые переводы пьес «Слуга двух господ» Гольдони, «Тартюф» Мольера, «Игра интересов» Бенавенте, «Лауренсия» («Овечий источник») Лопе де Вега, «Уриэль Акоста» Гуцкова, «Копилка» Лабиша, «Два веронца» Шекспира и др.

Отдельным направлением творчества Михаила Гальперина было создание либретто для музыкальных постановок. Михаилом Петровичем были написаны новые либретто для первых спектаклей Музыкальной студии МХТ, созданной В. И. Немировичем-Данченко (с 1926 по 1941 год – Музыкальный театр имени Вл. И. Немировича-Данченко): «Дочь мадам Анго» Ш. Лекока (1920), «Перикола» Ж. Оффенбаха (1922) и «Джонни» Э. Кшенека (1926, совместно с Геркеном).

М. П. Гальпериним были написаны новые либретто оперетт «Продавец птиц» Целлера и «Герцогиня Герольштейнская» Оффенбаха (Московский театр оперетты, 1934 и 1937), «Прекрасная Елена» (Музыкальный театр им. Вл. И. Немировича-Данченко, 1937), либретто оперы «Шах-Сенем» Глиэра (Театр оперы и балета им. Ахундова, Баку, 1927), новый текст музыкальной комедии «Соломенная шляпка» Эжена Лабиша и Марк-Мишеля (Музыкальный театр им. Вл. И. Немировича-Данченко, 1927; Московский театр оперетты, 1938; Театр им. Евг. Вахтангова, 1939), оригинальное либретто оперы «Сын Солнца» Глиэра (Большой театр, 1929), новые тексты опер «Лакме» Делиба (Большой театр, 1930), «Бал-маскарад» Верди (Ленинградская Большая опера), либретто балета «Треуголка» Василенко и де Фальи для Музыкального театра им. Вл. И. Немировича-Данченко (1935), либретто оперетты «Шестьдесят шесть» Оффенбаха (Московский театр оперетты, 1940), совм. с В. Я. Типотом «Девичий переполох» (Ленинградский театр музыкальной комедии, 1945) и многие другие.

Однажды приключилась интересная история. Иду со станции на дачу. Смотрю, впереди меня идёт какая-то пара – мужчина и женщина, а навстречу нам – большое стадо коров. Раньше были стада до 50-70 голов. Всех коров сгоняли в одно стадо со всех деревень. Был такой у нас молочный район. Пасли коров пастухи верхом на лошадях, сена было много. И молоко получалось хорошее, жирное, недорогое. И вот такое огромное стадо идёт нам навстречу. Мужчина и женщина прижались друг к другу и не знают, что делать. Испугались, стали под деревья прятаться. А я... какая-то странная: смелая была, наверное, молодая. Иду себе прямо через всё стадо, и коровы меня не трогают, а расходятся в разные стороны. Я той паре говорю: «Идите за мной, не бойтесь. Я вас сейчас провожу». А они спрашивают: «Вы не знаете, где дачный посёлок "Московский писатель"?» А я отвечаю: «Я живу там, идите за мной».

**Зарисовки внуковской жизни, ул. Гусева:
сценарист Ольга Бобылева (слева),
кинодраматург Зиновия Маркина (стоит
справа), математик Юрий Титов (сидит)**

Вот так я познакомилась с Михаилом Петровичем Гальпериным. Причём что это Гальперины, я узнала потом, когда мы стали дружить. А тогда я их просто проводила, но по дороге мы разговорились. Они сказали, что хотят приобрести в «Московском писателе» дачу. В то время на соседней улице, на Маяковской, была как раз трёхэтажная деревянная дача – высокая, на солнце такая красивая! Мне так нравилась! Я им говорю: «Во-о-н там, в конце улицы, – а жили мы тогда не на Гусева, а на Лебедева-Кумача, там, где дача Любовь Петровны Орловой, это мы потом поменялись с ней участками, – так вот, я им говорю: – В конце улицы есть очень красивая высокая деревянная дача, и она продаётся. Пройдите туда, посмотрите».

Они пошли, посмотрели, и она им тоже очень понравилась! А вскоре они купили её. Так что, можно сказать, сосватала эту дачу Гальпериным я.

Так мы и познакомились. Потом долго дружили семьями. Ходили друг к другу в гости, общались. Вспоминаются разные истории.

Тогда на дачу во Внуково к нам часто приезжал наш двоюродный брат Александр, он был старше нас с Зиной, всегда выглядел солидно – когда-то в юности служил управляющим у какого-то помещика. Позже стал писать, написал два толстых романа. Но, по сути, Саня был милым чудачком, чуть наивным и каким-то возвышенным, и часто всё преувеличивал. И надо было такому случиться, что он в силу своего романтического характера влюбился в Александру Борисовну, жену Гальперина. И более того, почему-то решил, что может на Александре Борисовне жениться! Одним словом, чудак. Он столько цветов дарил ей и преклонял колена! Саша даже вообразил, что и она симпатизирует ему. Михаил Петрович, несмотря на всю свою значимость – такой большой писатель, обеспеченный человек, это с нашим Саней было просто несоизмеримо, – всё равно хмурился и чуть-чуть ревновал, а жене его все эти чудачества только льстили. Вот как-то раз наш Саша заявился к Александре Борисовне с цветами, но не успел он и слова сказать, как пришёл из сада муж, сам Гальперин. Александр вернулся домой расстроенный. «Я немножко опоздал, – говорит. – Ещё бы чуть-чуть, и мог бы объясниться в любви. Но пришёл муж и все испортил». Мы так долго смеялись. Но потом все забылось...

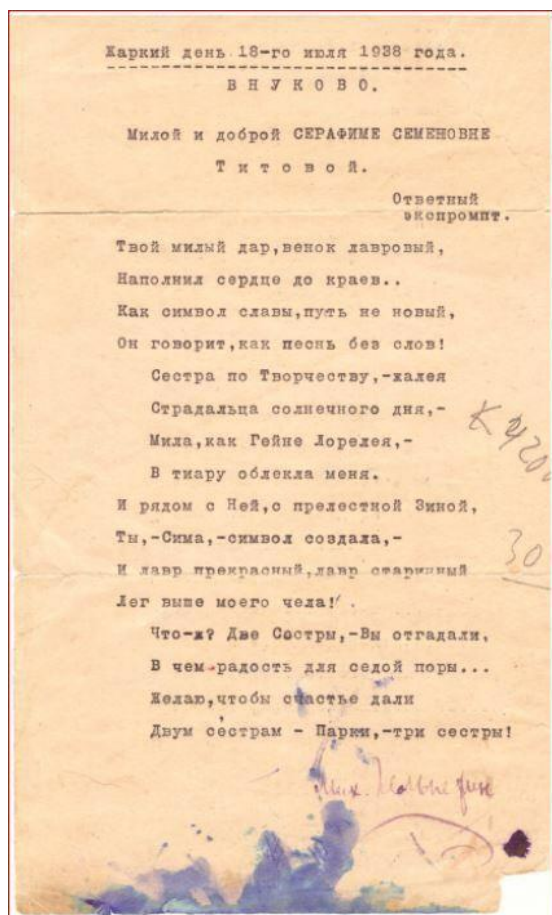
Была и другая история, которая осталась в памяти, и связана она со стихами.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

Однажды приходит Зина от соседей и говорит: «Я была у Гальпериных, там у них на участке так жарко! Михаилу Петровичу нечего на голову надеть, поищи-ка у нас». А день и действительно был солнечный, жаркий.

Я нашла беленькую шапочку на голову, чтобы не пекло. А на эту шапочку из лавровых листьев сделала венок, чтобы эту шапочку украсить и показать Михаилу Петровичу, что он заслужил венок из лавровых листьев.

Зина эту шапочку отнесла и, конечно, в красках рассказала, как я украшала шапочку. А Михаил Петрович в ответ, через некоторое время, такой экспромт прислал!

**Жаркий день. 18-го июля 1938 года.
ВНУКОВО.**

Милой и доброй СЕРАФИМЕ СЕМЁНОВНЕ
Титовой.

Ответный
экспромт.

Твой милый дар, венок лавровый,
Наполнил сердце до краёв...
Как символ славы, путь не новый,
Он говорит, как песнь без слов!

Сестра по Творчеству, – жалея
Страдальца солнечного дня, –
Мила, как Гейне Лорелея, –
В тиару облекла меня.

И рядом с Ней, с прелестной Зиной,
Ты, – Сима, – символ создала, –
И лавр прекрасный, лавр старинный
Лёг выше моего чела!

Что-ж? Две Сестры, – Вы отгадали,
В чём радость для седой поры...
Желаю, чтобы счастье дали
Двум Сёстрам – Парки, три сестры!

Мих. Гальперин

Между прочим, у меня эти стихи хранятся столько лет... с тридцать восьмого года. И они всё лежат под руками... Я их укладываю то там, то там – в фотокарточки, книги. Уже война прошла, а они все со мной, вместе с фотокарточками сохраняются.

Редакция О. Грушевской. Расшифровка аудиозаписи Е. Образцовой, А. Ковалевского. Текст стихотворения приводится с сохранением авторской пунктуации.

ИНТЕРВЬЮ

«МНЕ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО ДАВАТЬ ЗРИТЕЛЮ ПИЩУ ДЛЯ УМА...»

Интервью с художником Ольгой Гуревич
специально для **МВ**.

Беседу ведет писатель Мария Сидлер, член Московского
салона литераторов

В гостях у «Московского BAZARa» Ольга Гуревич.

Родилась в 1977 году в Москве.

Живописец-монументалист, выпускница Московского государственного академического художественного института им. В. И. Сурикова (красный диплом), член Московского союза художников, Творческого союза художников России, победитель и участник множества арт-проектов, участник более чем 70 выставок, в том числе персональных. Преподаватель со стажем более 15 лет. Дважды награждена медалью Академии художеств и Московского союза художников «За заслуги в развитии изобразительного искусства».

Кинохудожник, участник росписи конференц-зала в театре де Шатле в Париже.

Из рецензии доцента МГАХИ им В. И. Сурикова Екатерины Лебедевой на творчество Ольги: «Уникальное мироощущение, абсолютное бесстрашие пластических решений и мощное исполнение делает творчество Ольги Гуревич пронзительным и запоминающимся. Ольга – художник с яркой индивидуальностью и безупречным вкусом – всегда верна своему острому, ироничному, порой жесткому взгляду на мир. Со временем и развитием художника могут меняться темы, подход к живописному языку, палитра, но неизменным остается этот личный взгляд, отношение, которое художник передает зрителю с необычайной настойчивостью.

Ольга Гуревич из тех немногочисленных женщин-художников, кто не ищет задумчивых пейзажей и романтических сюжетов, а напротив, ее любимые персонажи – механизмы, конструкции, живые и неживые животные, монументы – все, что является носителем в первую очередь пластической информации. Ольга словно извлекает из видимого мира четкую конструкцию и после строгого отбора нанизывает на нее только необходимое, руководствуясь отнюдь не сюжетом. Для обостренной выразительности Ольга удаляет лишнее, не работающее на образ, а оставшееся снабжает непоколебимыми пластическими связями; выразительность достигается и путем бесстрашного обращения с цветом.

Форсированные (в работах последних лет – до условности) цвет и фактура, жесткие ритмические композиционные построения, анализ и подчинение видимого логике необходимости – визитная карточка художника Ольги Гуревич».

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Ольга, расскажи немного о своем становлении как художника. Почему именно художник, а не иная творческая профессия?

– Сколько себя помню – рисовала всегда. Видимо, у меня с рождения на подкорке это записано – быть художником. Я не мыслила себя в другой профессии. Даже творческой. Всегда хотела именно писать картины.

Помню, в детском саду на уроке рисования, где нужно было нарисовать, кем ты хочешь быть, я нарисовала балерину. Просто потому, что решила, что это эстетично. Я вообще рисовала постоянно. Мне не нужны были другие игрушки, кроме бумаги, фломастеров и карандашей.

В один прекрасный день родители отвели меня в художественную школу. Там и началось мое становление как художника. Дальше было Московское государственное академическое художественное училище памяти 1905 года (сейчас МАХУ). Ну и конечно, весомый вклад в мое формирование внесли годы обучения в Московском государственном академическом художественном институте имени В. И. Сурикова. В институте как раз дают полностью развиться личности художника. Что я и сделала на диплом с отличием.

– Художник-монументалист – звучит очень мощно для хрупкой женщины. Скажи, почему именно монументальная живопись привлекла тебя в свое время?

– Всегда тяготела к большим форматам. В училище частенько за это прилетало от преподавателей – куда лезешь. Как раз в училище я и написала первое большое полотно «Пир во время чумы». Картина была примерно метр на метр. Помню, во время работы в мастерскую зашел преподаватель и удивился – какой большой холст! А мне нормально.

Меня не смущают большие холсты. На маленьком формате сложнее выписывать детали. Монументальная работа предполагает большую свободу для художника. Но требуется время.

Ольга Гуревич. Слезы. 2013 г.

Ольга Гуревич. Москва-Сити. 2018 г.

Ольга Гуревич. Серия «Селфи»: Мама, я в Иерусалиме

Ольга Гуревич. Серия «Селфи»: Мама, я пока в Иерусалиме

Масштаб – это полет мысли. Нужно увидеть все в целом, охватить пространство. Это интересно очень. Кстати, я единственный художник в семье.

И потом, в институте я попала в мастерскую Никонова Павла Федоровича. А там в равных степенях была работа и со станковой, и с монументальной живописью.

Хотя, конечно, для женщины монументальная живопись – это физически тяжело. Поэтому приходится заниматься спортом. Шутка!

– К какому художественному стилю относишь свое творчество?

– Хотелось бы к концептуальному, в котором предполагается смысловая нагрузка. Мне очень интересно давать зрителю пищу для ума.

Например, моя серия «Селфи», посвященная Израилю. У нее концепция – отсылка к моим корням, напряженность места. Поясню. Напряженность места – это когда в автобусе ездят люди с автоматами, когда в любой момент может случиться теракт. В Израиле постоянно напряженно. И в картинах я это показываю. Не в сюжете, а косвенно – в цветовом решении, например. Для этого в серии использовала резкие краски.

А вообще, разные работы, серии – разные концепции.

– Твои учителя вдохновляли тебя своим творчеством? Кто именно являлся признанным тобой авторитетом и вдохновителем?

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– В этом плане я темный человек. Во всех моих преподавателях меня в первую очередь интересовала их личность и то, какие знания они могут дать мне. Если личность интересна, то интерес к работам возрастает, они воспринимаются глубже. К счастью, у меня все преподаватели были думающими, серьезными художниками, ориентированными на музей.

Если говорить про персоналии, то в училище у меня был преподавателем прекрасный художник Шелегеда Анатолий Михайлович (<https://studylib.ru/doc/307154/shelegeda-anatolij-mihajlovich>). Именно он сформировал мое художественное мышление. К сожалению, его уже нет в живых.

Еще среди моих учителей хочется выделить Сергея Константиновича Александрова-Сидельникова – он не навязывал свою систему ученикам, а давал большую творческую свободу и самостоятельность, помогая развиваться индивидуальности.

Ну и конечно, Павел Федорович Никонов (https://ru.wikipedia.org/wiki/Никонов,_Павел_Федорович), фигура легендарная для отечественного искусства. Именно он дал мне возможность раскрыться как художнику в Суриковском.

Но, несмотря на мое искреннее уважение и восхищение Никоновым, я никогда не ориентировалась на его живопись. Да и сам Павел Федорович всегда предлагает своим ученикам искать собственную дорогу в искусстве. Хотя, конечно, его «суровый» стиль не мог не найти отражения и в моем искусстве. Но это не подражание и не влияние, а скорее общность мышления. Никонов всегда видел в учениках состоявшихся художников и вел разговор с нами на равных.

Когда я пришла учиться в его мастерскую, то, как и большинство, была знакома только с ранним периодом творчества Павла Федоровича. Яркий пример работ того времени – это, конечно же, картина, которая представлена в постоянной экспозиции Третьяковки – «Геологи» (1963). Позже творчество учителя раскрылось для меня гораздо шире и глубже.

Хочется вспомнить и Николая Ивановича Андропова (https://ru.wikipedia.org/wiki/Андронов,_Николай_Иванович) – я лично его не знала, но его работы, тоже, конечно же, в «суровом» стиле, очень повлияли на мое формирование. И, наверное, не случайно именно Никонов возглавил его мастерскую после смерти Николая Ивановича.

Сейчас мне вообще хочется попробовать себя в каком-то новом стиле. Наверное, это творческий кризис. Или взросление. Меньше стараешься расплескиваться, хочется точечной работы.

Ольга Гуревич. Серия «Селфи»: Мама, я была в Иерусалиме, а теперь я на Мертвом море

Ольга Гуревич

– Насколько ты погружаешься в мир своих работ?

– Когда вынашиваешь идею, ищешь пути воплощения замысла будущей картины, то этот процесс всегда параллельно идет с реальностью. Иногда даже во сне не отпускает. Например, в реале не идут эскизы, а во сне приходит готовое решение. А иногда срабатывает триггер. Идешь по улице, и вдруг какая-то мелочь погружает тебя в творческий замысел. Зачастую картины – это

выплеск эмоций. Так, например, «Формула любви» и более поздняя «Слезы» – это квинтэссенция моих эмоций, которые я вложила в работы, когда писала их. А вот картины морской тематики дают мне энергию и релакс. Я ведь очень люблю море.

– Какую главную мысль или идею ты хочешь донести до зрителя своим творчеством?

– В первую очередь хочется, чтобы зритель понял задумку. Не просто подошел, посмотрел, понравилось или нет, отошел. А хотя бы задумался на том, что хотел сказать ему художник.

Самое ценное для художника это то, как зрители считывают его картины.

– Есть ли у тебя какие-нибудь ритуалы, которым ты следуешь, прежде чем начать творить? Приметы, в которые веришь?

Ольга Гуревич. Спуск в море. 2014 г.

– Для работы мне нужно спокойствие, чтобы никто не дергал, не мешал, не звонил. Я убираю все гаджеты. Только музыка для фона и настроения. Чашка кофе – справиться с мыслями. А больше ничего. Особых ритуалов и примет нет.

– Насколько ты считаешь верной фразу: «Художник должен быть голодным» из советского детского фильма «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» (Мосфильм, 1974, режиссер Ролан Быков)?

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Не считаю и никогда не считала это верным. Художник должен быть сытым и обласканным. Не должен думать о куске хлеба. Творчество не идет в голову, когда нет надлежащего финансирования. Думаешь, где и как заработать, а не о творчестве.

– Какое место в твоей жизни и творчестве занимают книги? Последняя прочитанная тобой книга и впечатления о ней? Вдохновляют ли тебя истории об известных художниках?

Ольга Гуревич. Черногория, маяк

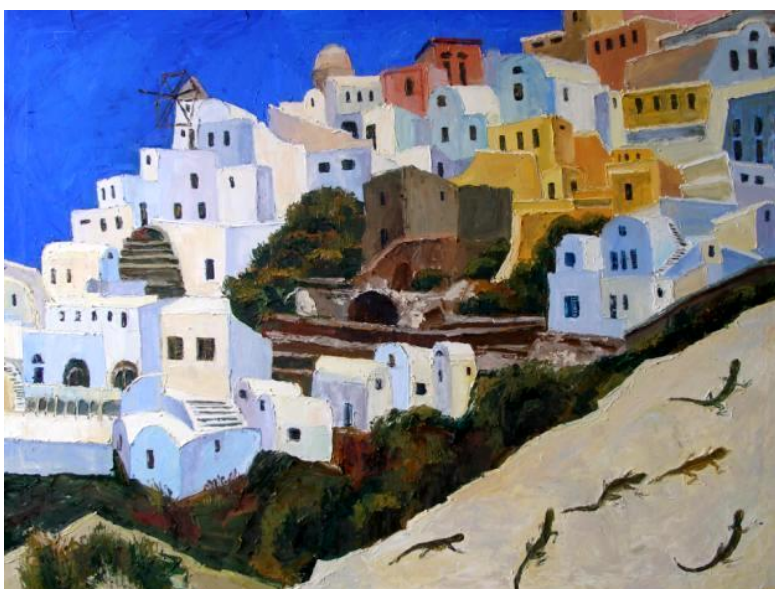
– Книги люблю, особенно Чехова, но если честно, то последнее время читаю мало художественной литературы. Сейчас как раз читаю книгу Ольги Грушевской «Город». Был период, когда я много читала по рекомендациям людей из своего окружения, в том числе и современных авторов. А сейчас потерялась в них. Да и времени особо нет. Сейчас время электронных гаджетов, читаем с телефона.

Мне ближе визуальное искусство. Больше люблю качественный сложный синематограф. На хороший фильм не жалко потраченного времени. Слежу за новинками, обязательно иду смотреть интересный мне фильм в кинотеатр. Потому что именно там создается нужная атмосфера для просмотра.

– С кем из художников прошлого тебе бы хотелось встретиться?

– Мне с Марком Ротко (https://ru.wikipedia.org/wiki/Ротко,_Марк, американский художник российского происхождения, 1903–1970) было бы интересно пообщаться. У него очень вдумчивые вещи. Выстраданные картины. Кстати, их не так и много. Чувствуется титанический труд художника. Это очень хорошие абстрактные полотна. Интересно узнать, что происходило с ним в момент, когда он создавал свои картины.

– Выставочная деятельность в современных реалиях – сложное мероприятие?

Ольга Гуревич. Вид с Санторини. 2004 г.

– Очень сложное. В первую очередь важна финансовая составляющая. Сейчас большинство выставок делается на деньги художника. Кроме этого, тяжело найти хороший зал, где правильные свет и развеска. Фактически нет пиара и освещения выставок в СМИ.

Частные галеристы не заинтересованы искать новые таланты, предпочитая работать с уже раскрученными художниками, которые гарантированно приносят доход.

Остаются музеи и коллекционеры. Но и они предпочитают вкладывать деньги в известных художников. С моей точки зрения, когда художник часто выставляется – это не очень хорошо. Серьезные художники работают годами, чтобы сделать выставку, отражающую его творчество.

Я также не люблю большие выставки. Выставки должны быть камерными, потому что картины мощных авторов теряются, когда их много в одном месте. Их не видят и не понимают зрители. По мне, правильное соотношение такое: одна стена – одна работа. Особенно это касается больших форматов. Ну не могут два монументальных полотна висеть рядом.

– Как считаешь, твои картины будут когда-нибудь в собрании Третьяковки?

– Для Третьяковки я еще слишком молода. Скорее я войду в историю искусства как ученица Павла Федоровича Никонова. Шучу.

Путь художника к музею – это очень долгий процесс. Только годам к пятидесяти начинает формироваться публика, которая благоволит художнику. Галеристы и коллекционеры начинают присматриваться к полотнам. В общем, редко кому везет попасть в музей при жизни.

– А в каком музее мира тебе самой бы хотелось представить свои картины?

– Музей Соломона Гуггенхайма (<https://www.guggenheim.org/> Музей искусства в США, созданный меценатом и коллекционером Соломоном Гуггенхаймом. Находится в Нью-Йорке).

– Когда твою картину покупают, какие эмоции испытываешь?

– Только позитивные. Всегда искренне рада, что находят люди, которым действительно нравится мое творчество. Искренне интересующиеся люди всегда сразу соглашаются с ценой. Понимают, что на самом деле искусство бесценно. И вообще приятно, когда твоя работа висит в хорошем интерьере у хороших людей.

– Часто ли современному художнику приходится писать на заказ, чтобы прокормить себя?

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Я всю жизнь кормлюсь не с творчества, а работая с учениками и выполняя заказы, чаще всего на роспись стен. Но сейчас и это сложно. Писать картины в интерьер и портреты я редко беру. Ведь заказчик видит то, что он хочет видеть, а не мое творчество. Никогда не беру попсовые заказы. Любая работа должна быть мне интересна. Например, у меня как-то случился заказ на шаржи. Я раньше никогда их не рисовала. Но бросила себе вызов – и получилась целая серия. Клиенты остались довольны. Я тоже.

Периодически работаю на кино.

– Считаешь ли ты такие заказы частью своего творчества?

– Нет. Чисто зарабатывание денег.

– Продолжи фразу: я никогда не напишу картину...

– ...скучную, пошлую, неинтересную.

– Как современный художник, скажи, по какому пути пойдет искусство в будущем?

– Искусство постоянно эволюционирует вместе с человечеством. Меняются стили, но суть остается. Появилась фотография, но и портретная живопись не исчезла. Появился синематограф, но и театры по-прежнему дают спектакли. И так во всем.

Искусство – не для того, чтобы отражать реальность, а для того, чтобы создавать эмоции. Искусство должно потрясать и поэтому пробует разные методы для того, чтобы потрясать заново.

Современное искусство идет в ногу с техническим прогрессом. Многие художники уходят в диджитал. Сейчас активно развивается искусство инсталляций, особенно компьютерных.

Для примера рекомендую посмотреть инсталляции Платона Инфанте (<https://www.platoninfante.com>). Его интересует граница между разными измерениями действительности. Например, что может произойти на границе между виртуальным (иллюзорным) и реальным мирами, как они могут интерпретировать друг друга сегодня. Диджитал-искусство не обесценивает классическое искусство. Просто расширяются границы. Вернее даже сказать – стираются. И этому новому искусству нужен немного другой, более прокачанный, уровень восприятия.

“Решетка”, 90X120 х. м. 2001г.

“The Grid”, 90X120, oil on canvas, 2001

“Скворечники”, 100X120 х. м. 2002г.

“The Nesting-boxes”, 100X120, oil on canvas, 2002

“Аничков мост”, ~90X120, 2001г.

“Anichkov bridge”, ~90X120, oil on canvas, 2001

ПРОЗА

Баадур Чхатарашвили

(Тбилиси, Грузия)

ЛЕСУ НЕТ КОНЦА

Как я в лесу очутился? А кто у Сухова в друзьях ходит, тот, считай, канатоходец...

Звонок:

– Дело есть на миллион...

– Как в прошлый раз?

– Не гони туфту, дело серьезное, жду утречком.

В «прошлый раз» Сухов свел меня с итальянцами – возили в Москву пошитую в Польше французскую обувь, попутно интересовались «мокросолом». Сговорились по три доллара за кило, до десяти тонн в месяц.

Под Клином я арендовал амбар, подрядил пару тружениц скрести и солить шкуры, нанял водилу – объезжать окрестные скотобойни, купил пару центнеров соли. Дело пошло – к концу второй недели в сарае кисли тонны три просоленной говяжьей кожи.

На третью неделю заявили братки, предъявили гроссбух, в коем была зарегистрирована каждая здравствующая буренка в радиусе двухсот верст, после чего вознамерились оперативно засолить мою собственную шкуру.

Ну, ситуацию я разрулил, еще хватило наглости содрать с бандитов себестоимость заготовленного продукта с передачей всего хозяйства из рук в руки. К матюкам моим Сухов отнесся философически, мол, сам дурак: я тебе дело дал, остальное – твои заботы...

Ладно, поглядим, чего нового этот поц надумал.

Поц надрывался в телефон. В предбаннике Софа, перемещая перед заплаканным носиком миниатюрное зеркальце, припудривала свежий синяк.

– Опять?

– Ага, – Софа отложила пуховку, – компьютер в окно выкинул, бухгалтершу вышиб, стулья переломал. Вчера к полудню очухался. Не могу больше, брошу я его...

– Софочка, ангел мой, не мне вас учить: коли еврей получился запойный, это хуже атомной войны...

Сухов орал за дверь:

– Передай этому неббеху², ежели он не понял, может сделать мне фелляцию... Фелляция есть удовлетворение сексуальных потребностей мужчины путем энергичного посасывания его детородного органа... Овидия почитай, гониф³, в его элегиях сей процесс подробно описан ...

² Растяпа (идиш).

³ Вор, плут (идиш).

Я толкнул дверь:

– Лехаим⁴, морж.

– С каких это пор я морж? – Сухов бросил трубку.

– С детства. Это я так сокращаю: морда жидовская.

– Что ни день, то праздник: тридцать лет тебя знаю, а за антисемита никогда не держал.

– А как я перебрался в Москву, так скоро сделался интернационалистом: я нынче одинаково ненавижу все нации. А как с тобой подельничать затеялся, так вдобавок стал юдофобом...

– Как был ты жлобом, так им и остался. Интернационалист!.. Ладно, давай о деле: есть бензин – шестьсот тонн. В Перми. Разлит в цистерны, документы справные.

– С кем работать?

– В Перми – Шония Пармен Владиленович. Фирма «Элко», подставная, естественно.

– Где ты этого Шонию откопал?

– В Мингрелии, не в Мексике же.

– А он два слова связать может?

– Смоктуновский перед ним – дитя малое.

– Сухов!..

– Слушай, все под контролем: бензин есть, документы чистые, – Сухов протянул мне папку. – Здесь «рыба» контракта, реквизиты, железнодорожные накладные под отгрузку, счет. Оплата по безотзывному...

– Сухов, ты, видать, не проспался после запоя. Ежели бензин есть, оплата по аккредитиву, я тебе на кой нужен?

– Ну, бензин есть... Бензин-то есть, но он не совсем наш, нам его... одолжили на время, так что после оплаты мы бензин отправим хозяевам.

– Ясно. Шиве⁵ по мне сидеть будешь?

– Еще и кадиш⁶ прочту.

– Нужен мне, православному, твой кадиш. Сухов, у меня дети малые, если что, с того света достану.

Я пристроил папку под мышку и двинулся к дверям.

– Слушай, кого думаешь лохануть?

– Ваху.

– Это который на Милюкова похож?

– Ага.

– Сердце Гагарина у тебя, за то и уважаю...

Ситуацию надо было обдумать, посему я направился в «Би Би Кинг», съел бифштекс, проглотил пару рюмок текилы, и, просматривая бумаги, смягчил нутро «Гиннесом»...

Ваха подъехал через час. Выслушал, вывернув дикий глаз, вскочил:

– Поехали к нашим...

⁴ Привет (*идиш*).

⁵ Траурный обряд (*идиш*).

⁶ Молитва по умершему (*идиш*).

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

Матерясь по-вайнахски, Ваха крутил руль «ягуара», сзади дышал чесноком в затылок абрек-телохранитель. У побитых картечью стен Дома Советов Ваха тормознул:

- Слушай, а бензин есть?
- Конечно есть.
- А где гарантия?
- Я – гарантия.

На Таганке остановились у солидного здания. Буркнув что-то сидящим у дверей амбалам, Ваха потащил меня к лифту. У лифта нас догнали, заломили руки, и, прижав носами к стене, приставили к спинам стволы. Дверцы разъехались в стороны, появился высокий, седой:

- Ваха, сколько раз говорить? Это не аул, это банк! Отпустите, – приказал охране.

Я подобрал с пола папку, мы поднялись в офис, седой провел нас в кабинет; у длинного стола сидел еще один, в белом костюме. Сразу он мне не понравился: костюм не в ГУМе куплен, по обшлагам видно, галстук ручной работы, подобран со вкусом. Глаза серые, спокойные – тертый товарищ.

Мы расселись. Я протянул седому папку. Тот проглядел, передал Костюму.

- Как платить? – Седой уставился на меня.
- Безотзывной.
- Твой интерес?
- Я с той стороны.
- Ваха, – седой повернулся к головорезу, – а бензин есть?
- Я поеду в Томск, бензин будет.

– Если поедешь ты – будет кровь, а бензина не будет. Он поедет, – седой указал на сероглазого.

Костюм ласково мне улыбнулся:

- Правильно, поедем мы с тобой, прямо сейчас.
- Слушайте, – диспозиция складывалась скверная, – что за пожар? Позвоним в аэропорт, узнаем, когда рейс, я тем временем съезжу домой, бритву, зубную щетку прихвачу...
- Не будем время терять, – Костюм встал, – что надо, в дороге купим.

Прямого самолета не было, летели с пересадкой. Костюм глаз с меня не спускал. Начал прихватывать легкий мандраж: не люблю работать без стройной схемы, приходится импровизировать, а это чревато проколом.

Добрались к утру. Пармен Владиленович оказался что надо, не соврал Сухов: вальяжный, одет с иголочки, кабинет обставлен с неброской роскошью. У подъезда – серебристая «ауди», водитель при галстукке.

До полудня лазали по шпалам, сверяли номера цистерн, после вернулись в офис – оформлять контракт. Костюм позвонил в Москву, велел открыть аккредитив. Сговорились на завтра, после банковского подтверждения, завизировать отгрузку. Обмывать сделку Костюм отказался, и мы отбыли в гостиницу.

Ужинали в номере, и тут мой цербер совершил ошибку – решил меня подпоить. После первой бутылки я чуть заплел язык, похваставшись героическим прошлым, живописал свои похождения в заполярных землях, и, описывая быт, вскользь упомянул «тюменский ерш – туда и обратно». Костюм заинтересовался, пожелал испробовать. Вызвали официантку, потребовали пива, полулитровые кружки и еще водки.

Наполнив кружки пивом, добавив беленькой, я стал демонстрировать собутыльнику правила потребления, доливая водку после каждого глотка. Когда оба пришли «туда», Костюм свалился на ковер и сладко засопел.

Отгоняя пьяную муть, я рванул в вестибюль, к телефону. Сухов был на месте. Выслушав начало моего монолога, прервал:

– Удивляюсь я тебе: интеллигентный мужчина, два высших, Бодлера цитируешь, и такие обороты. Я в курсе – Пармен звонил. Слушай внимательно: завтра закончите с этой бодягой, видимо, в Москву двинетесь. За вами проследят, я буду знать рейс. По прибытии, в аэропорту – отрывайся. Еремей с Павликом подстрахуют. Сразу дуй на Ярославский – токмо не на такси, не мы одни умные, потому и машину не присылаю – на городском до метро. С Ярославского каждый час электричка на Александров. Дальше на перекладных до Костромы. В Костроме прямо на привокзальной площади найдешь офис «Прогресслеса», спросишь Ребиндера, запомнил? Он тебя спрячет так, что и кегебе не найдет. Как доберешься до места, звони. Удачи, махер⁷.

Костюм дрых на полу. Я перетащил его на кровать, глотнул пива и тоже завалился – день выдался хлопотный.

Еремей с Павликом сработали на совесть. Павлик, изображая пьяного, споткнулся и повис на моем стражнике, подоспевший Еремей зацепился ногой за Павлика, и вся троица растянулась на полу, я нырнул в толпу. Через пару минут экспресс вез меня к городу. На Юго-Западной спустился в метро и через полчаса, сидя в вагоне электрички, провожал взглядом унылые фасады промзоны.

Ребиндер выделил «уазик», часа три меня везли через дремучий лес. Добрались. В Доме лесника мрачная бабуля отвела мне койку с тумбочкой в огромной безлюдной комнате. Умывшись и выпросив у хозяйки стакан чаю, я отправился на почту – звонить Сухову.

– Ты где?

– Уморин называется.

– Надо же. Я у тебя был, барахло твое забрал, ключ Павлику отдал. Как Пармен денежку переведет, вышлю вещи и долю. Тебе американскими деньгами?

– На кой ляд мне в этой дыре баксы? Пару штук зелени переправь моим домой, пару штук в рублях сюда. Остальное – на сохранение Еремее. Долго мне здесь сидеть, как думаешь?

– Думаю, долго. Слушай, ты же большой спец по деревяшкам, вот и займись, леса, как я понимаю, кругом тебя – хоть тухой⁸ жри...

⁷ Деляга (идиш).

⁸ Задница (идиш).

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Шмок⁹ паршивый.

Я вышел из телефонной будки расплатиться. За стойкой высокоскулая барышня листала журнал.

– А что, красавица, чем у вас тут люди по вечерам заняты?

Девушка оглядела меня, прицениваясь:

– На Окружной водку пьют, после морды бьют друг на дружку...

– А Окружная – это где?..

О. Гуревич. Вид на Везувий

⁹ Болван (*идиш*).

ПРОЗА

Валериан Маркаров

(Тбилиси, Грузия)

ГОЛУБАЯ МЕЧТА ОДЕССКОГО ЮВЕЛИРА

Казалось бы, утро той пятницы ничем не выделялось из череды обычных дней. Во всяком случае, Натан Львович мог сказать вполне определенно: знамения свыше не было. Даже бесцветный внутренний голос не шепнул ему вкрадчиво спозаранку: «Готовься, дружок! Сегодня случится то, чего ты меньше всего ожидаешь». Напротив! В душе его порхало какое-то необъяснимо радостное ощущение праздника: такое с ним происходило всякий раз, когда в воздухе разливался едва различимый аромат весны, будоражащей чувства от смутного ожидания чего-то возвышенного, и кружили голову грезы о сладком будущем, полном светло-розовых оттенков, подобных лучезарной заре. Да и сон, навеянный буйством богатой фантазии, нынче снился ему дивный: то была страстная, безумная ночь с очаровательной «лялечкой», заставившая его изношенное сердце биться в усиленном режиме. Счастливый, он размяк в жарких объятиях пассивности и медленно наблюдал за тем, как матовая луна настойчиво рвется в его одинокое окно, как скользит ее свет по молодой, невероятно упругой, гладкой коже, благоухающей ароматом роз, и явственно ощущал, как потоки неведомой энергии наполняют его разбухшие вены и приятная нега разливается по телу. Но чарующее видение растворилось под натиском нового дня, хоть он еще слышал все голоса и звуки этой ночи, помнил на вкус все чувства, которые ему довелось испытать: неукротимое желание, юношескую робость, возбуждение, дикий порыв, страсть, боль, нежность и восторг – у каждого из них был свой собственный запах и вкус...

Натан Львович потянулся в постели в ленивой истоме, потом нехотя поднялся, потер тяжелые веки, нашарил пухлой белой ножкой тапочки, раздавленные плоскостопием, обулся и, шаркая, поспешил в ванную комнату. Выполнив после долгого сладкого сна неотложные утренние дела и напялив очки, он стал задумчиво обозревать свое отражение в зеркале над умывальником. Венец редких волос с проседью окружал его череп цвета слоновой кости – н-да, вот они, никчемные, жалкие остатки некогда пышной, кучерявой шевелюры. По обе стороны черепной коробки, словно ручки у чашки, торчали большие уши. Кожа со скоплением родимых пятен на выбритом лице напоминала выцветший пергамент, зато вот рот с идеально белыми, без потемнений и трещин, вставными зубами, разделенными сбоку золотой фиксой, оставался с виду молодым, если не брать во внимание сильно обнажающиеся при улыбке десны и мясистые губы, нижняя из которых с завидным упрямством выступала вперед. Впрочем, губы были предметом его особой гордости, он считал их восхитительными: полными, чувственными, зовущими...

– Не сегодня завтра шестьдесят, но еще ничего, выгляжу-таки на полтинник! – успокоил он себя, погладив узкое, длинное лицо, покатым, будто зажатый в тиски, глянцево-блестящим лбом и почесав

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

свой шнобель, который загибался на самом кончике и напоминал сбоку удлиненную кверху цифру шесть.

В кухне, весело насвистывая, он поставил на плиту чайник, а потом со знанием дела стал готовить себе яичницу. Нарезал брусками три полоски бекона из свиной грудинки, разогрел сковороду и обжарил его с обеих сторон в течение трех минут.

– Ну да, бекон! И шо с того?! Я могу кушать, шо захочу, ить я таки не еврей, хоть и выгляжу интеллигентно! – в который раз говорил он самому себе, будто оправдываясь. – Да, я сын Льва Моисеевича Зильбермана, но мама ж у меня русская!

Родителей его давно уже не было среди живых. В детстве они ходили в одну школу и даже имели счастье сидеть за одной партой. А потом, окончив школу и техникум, создали новую ячейку общества. Натан Львович частенько вспоминал рассказ мамы: «Аллочка, детка, как жаль, шо ты не еврейка! – сказала ей будущая свекровь на дне рождения своего сына в тот самый момент, когда она, еще школьница, кушала клубнику после биточков из тюльки. – Такая чудесная девочка – и не еврейка! Отличница, красавица – и не еврейка! Ты бы могла пойти замуж за Лелю, када вырастешь, но даже када ты вырастешь – ты не будешь еврейка! Это так нехорошо... Еврей может спать с русской, и русская женщина останется-таки им довольна, но он не может жениться на русской... Мойша, шо ты меня одергиваешь, ради бога?! Не одергиваешь? Тогда убери мнение со своего портрэта! Она взрослая, у нее уже пионерский галстук! Такая хорошая девочка, умница, жаль, шо не еврейка, ви с Лелей такая прекрасная пара!..»

Потрясающий аромат поджаренной корочки бекона отвлек Натана Львовича от мыслей о прошлом. Он добавил в сковороду ломтики помидора. Ровно через минуту влил туда же парочку взбитых яиц, немного посолил и поперчил, после чего накрыл яичницу крышкой и замер в ожидании, что она начнет пытеть, шипеть и расти, как гриб под дождем. Вскоре, заняв место за столом, он принялся поглощать дымящийся завтрак, быстро, с воодушевлением, помогая себе ножичком – любо посмотреть! – и закусывал поджаренным черным хлебом со сливочным маслицем и дырявым швейцарским сыром. «Работа не волк – в лес не убежит, а коль здоровье потеряешь – никакой наукой не вернешь. Так-то вот, хе-хе-хе...» – заключил он и засмеялся собственной остроте. Его рука потянулась за кофе, крепким, ароматным, правильным – аж три раза в турке поднялся! И в придачу к кофе – все как положено: сахарок, сливки и булочка, пахнувшая счастливым детством. Потом Натан Львович вынул из пачки сигарету, чиркнул привычным движением спичкой о коробок, и вспыхнул красный тюльпан пламени. Он глубоко и со вкусом затянулся. Дым приятной волной ушел в недра Натана Львовича. На душе полегчало, и жить стало веселее, жить стало интереснее.

Старый и, пожалуй, единственный друг Иннокентий, полностью разделявший его представления о мире, крепко спал в клетке с прутьями из нержавеющей стали, накрытой темным шелковым платком.

– Кеша, – позвал Натан Львович своего большого говорящего попугая ара, срывая платок с клетки, – я и забыл за тебя, старый я дурак!

– Дур-рак! Дур-рак! – заорала голодная птица и захлопала крыльями. – Жр-рать! Жр-рать давай!

Да, манеры у зеленокрылого Иннокентия были плоховаты, но ведь голод не тетка. Натан Львович бросил птице жменю семян пшеницы, овса и подсолнуха. С ловкостью воздушного акробата та повисла на перекладине вниз головой и проскрипела, закатив глаза: «Обед др-рянь! Мор-рду бить буду!»

– Ша! Ты еще тут будешь балаболить! – буркнул Натан Львович. – Заткнись и хавай, шо дают, попка!

– Сам попка! – заорал попугай, топорща перья и прыгая на жердочке. – Сам попка!

– Цыц, нахлебник! Плесни у рот холодного компота и выпусти пар из ушей. Да не забудь присматривать за домом как следует, пока не вернусь.

Вымыв шею и наведя марафет, Натан Львович водрузил шляпу туда, где ей полагалось быть, и, переступив порог своей однокомнатной квартиры в панельной пятиэтажке, старательно притянул за собой тяжелую дверь и помешкал, пока откуда-то снизу не раздался тихий, но отчетливый щелчок потайного замка. Потом, как обычно, он долго возился со связкой ключей: запирал верхний замок на два оборота, а нижний – на три, и энергично дергал ручку двери, чтоб удостовериться, что она надежно заперта. Ну вот, теперь-таки порядок, успокоился он. Не абы как! А то того и гляди – входи кто хош! Бери шо хош!

С этой мыслью он, слегка сутуловатый человечек, одетый галантерейно, «по фасону», в бархатный костюм и лакированные ботинки, стал спускаться по лестнице с третьего этажа, перебирая по-детски коротенькими ножками. Кругленькое брюшко придавало его фигуре шарообразный, комический вид, делая его похожим на большую перезрелую грушу в шляпе, надетой на один бок. Уже много лет он заказывал обувь у известного сапожника Ашота, который делал выше не только каблуки, но и изготавливал особую стельку, и та прибавляла к росту Натана Львовича несколько лишних сантиметров, за которые приходилось переплачивать Ашоту втрое дороже, – ему казалось, что так он выглядит гораздо значительнее в глазах окружающих.

Наконец он выскользнул через парадную во двор, где все было навыворот, все как не надо. Здесь соседи, шоб они сдохли, *трусил* пыльные турецкие ковры и *сохнули* белье, а ихние шпингалеты катали в маялку, жмурки, хипешились: «Шухер!» и орали песню, которую прилично петь только взрослым, да так громко, шо аж очи им на лоб повылазили. А кто-то беспрерывно пиликал на скрипке, давая концерт вживую – ну прям, не дом, а союз композиторов какой-то! Тьфу! Он в последний раз бросил взгляд на шумный двор и, мысленно послав всех к гостеприимной Бениной маме, аккуратненько попал на улицу.

Идя вдоль тротуара и размахивая потертым кожаным чемоданчиком в правой руке, Натан Львович наслаждался прекрасной погодой, установившейся нынче в Южной Пальмире: каждый вдох доставлял ему наиприятнейшее удовольствие. Его кожи ласково касался легкий бриз, дувший со стороны порта, где господствовало вечное оживление и кипела лихорадочная деятельность: уставшие докеры грузили и разгружали сухогрузы и торговые суда, стоявшие правильными рядами на искристой поверхности Черного моря, отражавшей, как в зеркале, лучи южного солнца; подъемные краны то и дело вздергивали ввысь огромные грузовые сети, заполненные ящиками, бочками и целыми контейнерами; смачно переругивались заносчивые водители грузовиков, гордые таксисты и дышащие вчерашним перегаром грязные биндюжники, которым еще не подфартило стать таксистами.

А он, Натан Львович, шел своей дорогой и вкушал аромат растущих рядом кустов сирени; магнолии цвели яркими розовыми, фиолетовыми и белыми цветками, их лепестки веером осыпались на тропинки и тротуары. Распустились фиалки, нарциссы и тюльпаны, пели птицы. Ему было хорошо от этой красоты, он даже на мгновение упустил из виду, что находится в городе. Хорошо, что сегодня ему не встречались на пути ни сумасшедшие мамы с колясками и крикливыми чадами, ни заядлые собачники с их лающими псинами. Детей и собак он на дух не выносил, особенно собак – они питали к нему стойкую неприязнь и так и норовили цапнуть за то место, где спина заканчивает свое благородное название.

Он остановился у неказистого с виду здания общепитовской кафешки под названием «Лиман», мысленно задав себе вопрос «А сколько время?», и вынул из жилетки карманные часы в круглом серебряном корпусе, с длинной цепочкой, прикрепленной сверху к заводному

колесу, и крышкой, на обратной стороне которой была выгравирована надпись: «Дорогому Натанику от папы»... Циферблат показывал три четверти девятого: то бишь время позволяло не торопиться, и Натан Львович со спокойной совестью нашарил в кармане залежавшуюся конфету «Мишка косолапый» и неторопливо отправил в рот. Повертев в руке шуршащую обертку, он незаметно бросил ее под стоявшую рядом скамью. Непростительное таки хулиганство для человека его лет и профессии!

– Пастой, пастой, мушчина! – раздался вдруг чей-то пронзительный голос с характерными интонациями. – Эй! Ты оглох, что ли? Пастой минутку!

Натан Львович обернулся, а там – картина маслом! В метре с небольшим от него, придерживая рукой шелковую юбку, алую с зеленой оборкой по краю, нарисовалась самая настоящая цыганка с разноцветной шалью на плечах, с копной блестящих черных кудрей и в пестрой косынке. Ну, как вам это нравится?

– Дарагой! Дай свою ладонь: всю правду о тебе скажу, что было, что будет! Ничего не утаю!

Натан Львович тихо чертыхнулся, сочтя вторжение в свою приватность актом дикой беспардонности. Вот только цыганки ему не хватало для полного счастья! Не то чтобы его не волновала собственная судьба, скорее всего, сыграло роль строгое внушение, сделанное ему взрослыми еще тогда, когда он был маленьким мальчиком. Правило первое гласило: «Натаник, деточка, заруби себе на носу: никогда никому не верь, ни газетам, ни радио. Никому, кроме мамы и папы! И ничего нигде не подписывай на бумаге». Правило второе: «Никогда не разговаривай с незнакомыми людьми на улице». Правило третье: «Держись подальше от всяких подозрительных типов». Цыганка, разумеется, относилась к тем самым подозрительным личностям, о которых ему говорила его бедная мама. И она таки всегда была права! Да и в жизни своей довелось Натану Львовичу послушаться всяких историй от знакомых, имевших несчастье попасться на цыганскую удочку; они рассказывали, что во время общения с бродячими мошенницами каким-то необъяснимым образом лишались рассудка, денег и других материальных ценностей, которые у них были при себе. А наемни довелось ему разговаривать за эту тему с Абрамом Моисеичем, старым *академиком* со второго этажа, любившем напустить на себя *вумный* вид, за что соседи звали его меж собой «профессором кислых щей и соленых огурцов». Так вот, *академик* без труда растолковал Натану Львовичу сей странный *фэномэн*, сказав, что цыгане, виртуозно владея искусством гипноза, через прикосновения к руке, через заговаривание зубов убаюкивают сознание своей жертвы с целью отключить левое полушарие мозга, отвечающее за оценку ситуации, контроль над поведением.

– А шо такое, Абрам Моисеич? Почему тока левое? – на всякий случай поинтересовался тогда Натан Львович.

– Так ведь вся фишка в том, любезный сосед, что правое полушарие им нужно для «дела», так как оно отвечает за чувства и воображение. – Глаза *академика* вдруг стали совершенно круглыми, он вытянул свою тощую морщинистую шею и напоминал теперь болотную птицу. – В тот самый момент, когда несчастный расслабляется, цыганка монотонно и быстро что-то говорит, не всегда разборчиво, стараясь перегрузить его мозг. Под действием потока непонятных слов человек отключается, перестает оценивать реальность и движим одними эмоциями. Уж поверьте мне, когда он в таком плачевном состоянии, им можно управлять, как зомби... Это я вам на полном серьезе говорю... Тут двух мнений быть не может.

– Я дико извиняюсь, многоуважаемый Абрам Моисеич, но тут спрашивается вопрос: как же бить, если вдруг, мало ли, сам оказался в таком пренеприятном казусе? – неожиданно прерывистым от волнения голосом поинтересовался Натан Львович.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Что же это вы так тревожитесь? Неужели за миллионы свои переживаете? – вроде бы решил успокоить соседа *акадэмик*, однако взглянул на него так пытливо и лукаво, да и легкая, чуть насмешливая улыбка появилась на его губах, что Натан Львович слегка растерялся и побледнел.

– Я вас умоляю, Абрам Моисеич! Да шоб ви так жили! Не скажу за кого-то, но сам я живу скромно, деньгами направо-налево не фицкаю. Зарплата простого советского ювелира, сами знаете, не фонтан! Вот и выходит, шо вкалываю на унитаз. Правда, не жалею: на грудь не беру, одет и обут. Ну вот представьте ви себе: бил бы у вас большой и шикарный дом. А его надо содержать, ухаживать, следить, шоб не ограбили. Оно вам сильно надо? Мне нет! И с собой не возьмешь, и за тобой не понесут... Простите, если я шо-то не так ляпнул... Кстати, за птичек, Абрам Моисеич, так шо ви скажете: существует ли какой-нибудь хитрый и надежный приемчик, шоб, как говорится, не попасть впросак?

– А я знаю? Да вы просто обходите этих цыган стороной, избегайте с ними контактов. Не останавливайтесь, не смотрите им в глаза, не вступайте в разговор. Идите себе с богом, где вы шли, так и дело с концом...

– Спасибо, Абрам Моисеич. Шоб вам еще сто лет не лабали Шопена! – воскликнул Натан Львович и долго тряс руку соседа с такой силой, как будто хотел ее оторвать. На том они тогда и расстались, *акадэмик* ушел... Ну, оно и понятно. Шибко занятой человек этот *акадэмик*, строит из себя невесть что! Балалайка бесструнная!

Тем временем цыганка, пользуясь минутным замешательством Натана Львовича, уже схватила его за руку.

– Дай-ка, дарагой, посмотрю, что тебе на роду написано...

Звякнули весело золотые браслеты, зашептались шелка и затряслось потемневшее от времени увесистое монисто на высокой цыганской груди, от которой исходил терпкий аромат таинственных восточных пряностей. Натан Львович, помня заумные рекомендации Абрама Моисеича, предпринял решительную попытку высвободиться из цепких пальцев с массивными перстнями из тусклого желтого металла. Поэтому, когда ему удалось оторвать от себя «грабли» липучей цыганки, он тут же взял ноги в руки и, усиленно потея, засеменял по дорожке, бросив на ходу «Время нет!». Цыганка шла следом, не отставая ни на шаг.

– Ах, какой шустрый оказался! – качала она головой. – По всему видно, касатик, на работу спешишь. И кем же ты, дарагой, работаешь? Хочешь, угадаю? Только ты не скупись, сперва посеребри руку, – потребовала она, протягивая грязную ладонь.

– Да, щас! А пирожку не хотите? Ступайте на майдан, мадам, там отыщите лоха и пойте ему свое «Ай, нанэ, нанэ»! – ответил он сердито. – Все равно денег не дам. А если ви хотите скандала, та я сделаю скандал и будет вам весело...

– Мушчина, не жмотничай! Слышал, что жадность фраера сгубила?

– Пардон! Здесь вам нечего ловить! Нет денег, ферштейн?

На лице цыганки удивленно изогнулись брови.

– Ай-яй-яй! Нехорошо, дарагой! – заверещала она. – Страшный грех берешь на душу. С золотом да брульянтами дела имеешь, а говоришь, денег нет?!

Натан Львович насторожился, оторопел и замер как вкопанный, пытаясь переварить услышанное. Этого не может быть. Откуда ей знать, черт возьми, чем он занимается? Кто ей рассказал? Он повернулся к цыганке с немим вопросом, его руки подрагивали от волнения.

– Ждет тебя дарога дальняя, мушчина, – изрекла цыганка, глядя на него в упор своими черными очами. – Дорогие хоромы на берегу горячего моря-океана. И ненасытная в любви девушка-красавица...

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

С каждой минутой Натан Львович все больше осознавал, что слова гадалки начинают интересовать его сильнее и сильнее. Он протер глаза и для верности даже подался вперед, к четкому фокусу – эх, зоркость уж не та, что прежде, подводить стала, каналья.

– Да вот только не видать тебе ни дороги той дальней, ни хором княжеских, ни счастья с пылкой девушкой-красавицей... – цыганка упрямо качнула головой, туда-сюда качнулись темные пряди и золотые кольца в ушах.

– Шо значит не видать?! – удивленно воскликнул Натан Львович, взмахнув руками. – Не морочьте мне голову, мадам!

– Я ничего не вижу... – убежденно повторила она. – Зато вижу что-то другое...

– Шо? Взялись, так говорите! – вспылал он. – Аль цену себе набиваете?

– Конец твой вижу, вот что! Вижу, что смерть тебе дышит сюда, – женщина постучала пальцем себе в затылок. – А все как-никак не напрасно, все потому, что твои дела и помыслы не всегда чисты были...

– Ой, не делайте мне смешно. Какая смерть? Да мне еще жить да жить! А ви себе думайте, шо хотите.

Цыганка посмотрела на него с упреком и сожалением и неожиданно молвила:

– В бога веришь, мушчина? Помолился бы ты на икону.

Натан Львович верил, и верил невероятно усердно, в своего только бога – в госпожу удачу. И молился он ей так, как не всякий умеет молиться! А она неизменно улыбалась в ответ, посылая ему фарт за фартом в жизни, что порой вызывало в нем вопрос: а не слишком ли много на мою долю? Но сейчас ему совсем не хотелось пускаться в откровения. Он молча засопел, брови его приподнялись, жила на лбу надулась, а нижняя губа выпятилась так сильно, что стала длиннее его шнобеля.

– Выходит, не веришь. Тогда никто не станет тебе помогать. Нету веры – нету защиты!

– Ша! Бросьте этих глупостей и идите, где ви шли! – взорвался он, затопал ногами и стал махать руками. – Та ви ухóдите, слава богу, или остаетесь, не дай бог?

– Мне твоих денег не надо! – обиженно произнесла женщина. – И руку твою я не смотрела: у тебя и так все на лбу написано.

– Ой, я вас прошу!

– Скажу только одно: хочешь быть цел-невредим, не ходи вечером в дом. Иначе не видать тебе завтрашнего дня как своих ушей!

– Мадам, не смешите ви мои тапочки!

– Запомни: не ходи! – взывала к нему цыганка, потихоньку отставая. – Все в твоих руках...

Проморгавшись, Натан Львович поискал взглядом цыганку. Но той уже и след простыл. На всякий случай он проверил карманы и успокоился, выяснив, что его темно-коричневый лопатник на месте. А то ить могла влезть в карман, сцапать его и красиво, без шума, слинять. Знаем мы таких, не лыком шиты. А сам-то, сам! Вроде не фраер, а поехал-таки мозгами, как килька безмозглая! Поверил – кому? Грязной цыганке, которая, должно быть, и читать-то не умеет! Ишь, нагадала ему, шо он взял и околел посреди полного здоровьечка! И уже готов, огурчик, шоб его несли хоронить с певчими. Но ей-то невдомек, шо у него усе в ажуре. И официальное заключение доктора имеется не далее как недельной давности, где черным по белому написано, что он, тов. Зильберман Н. Л., 60 лет, никакими хроническими заболеваниями не страдает, патологий и иных изменений жизненно важных органов не имеет. Так что – не дождетесь! О странной цыганке он больше не думал – не хватало еще себе всяким фуфлом голову забивать.

Ближе к вечеру, после работы, Натан Львович заглянул в гастроном. В его узком пространстве между ящиками с напитками жались друг к другу несколько покупателей,

ожидавших, когда их обслужит медлительная продавщица с массивной филейной частью, завсегда причитавшая: «Вас много, а я одна!» Невзирая на хамоватых, злобных теток, он чинно отстоял очередь за докторской колбасой и «Юбилейным» печеньем, чтоб никто не посмел сказать: «Мужчина, куда вы прете? Вас тут не стояло!» И взял себе пачку сигарет «Ява». Затем пошел на Привоз делать базар, где тщательно щупал, нюхал и массажировал помидоры. Потом засеменял к молочному прилавку, чтоб испробовать сметану – а то моду себе взяли разбавлять сметанку дешевым кефиром! Зильбермана ви не обманете! Зильберман понимает на хорошую сметану!

Купил желтую, с розовым оттенком, курицу на кило з гаком, именно курицу, потому что торговка в грязном халате хотела подсунуть ему жилистого петушка (пусть она кушает их сама!) , а на его вопрос: «У вас куры свежие?» надменно ответила: «Они давным-давно свежие, папаша!» – что дало ему повод долго заглядывать в мутные глаза птицы, приоткрыв ей клюв (внутри не должно быть слизи или вонючего запаха) и подозрительно обнюхивать гузку – мало ли, а то, не дай бог, еще и в аптеку за углем придется бежать. А, кстати сказать, люди, в честь чего это куры сегодня не полтора рубля, а два, в честь чего?

– Или покупайте, или идите мимо, гражданин, не делайте мне беременную голову! – возмутилась торговка. – Мой товар. По сколько надо, по столько и торгую...

Вздыхнув, решил-таки купить. А шо делать? Вот раньше приличные куры, так за рубль имели за счастье. А щас! С ума сойти! Полтора рубля за это сухожилие им мало! А напоследок все же не сдержался, похипешил с «королевой прилавка», подложившей под тушку шмат серой бумаги для увеличения веса. Разумеется, он понимал, что куриная торговка никого не думала обидеть, она просто хотела немного подзаработать! Ведь воруют все кому не лень, кто как может! Вся страна ворует, начиная от партийной верхушки – потому как рыба гниет с головы – до простых рабочих, не имеющих доступа к дефициту. Те тоже пытаются дорваться до приличных вещей, до вкусной еды и достойного отдыха и вынуждены таскать с производства гайки и винтики, хозяйственное мыло, сосисочный фарш, туалетную бумагу, повсюду переплачивать и искать «нужных людей». А все почему? Да потому, шо давно уж пора в стране систему производства менять, сделать ее, как у буржуев, по принципу: «деньги – товар – деньги», чтоб каждый мог свободно пойти и купить, шо его душе надо. А то ить как получается: шо там, на Западе, называется свободным предпринимательством, тут считается незаконным обогащением. Вот взять хоть бы те громкие дела «цеховиков» и «артельщиков». Ну шили люди шубы за спиной у плановой экономики. Так и пусть бы себе и шили с пользой для кармана и на благо всего советского народа, а им за это – аж восемь лет на зоне с полной конфискацией имущества, или бесплатный проезд на Колыму.

А ить и ему, Натану Львовичу, ювелиру шестого разряда, постоянно приходится крутиться, шоб делать деньги. А куда деваться? Уже много лет он одержим великой идеей обогащения, из-за чего превратился в человека, для которого деньги стали главным стимулом жизни. И для реализации своей цели не останавливался он ни перед чем. Не будучи обремененным высокой моралью, мог запросто сотворить ма́стерскую подделку под старину, да такой шедевр, что не всякий большой специалист отличит от подлинного антиквариата, и сбить ее затем за хороший куш богатенькому лоху, да тока аккуратненько, чтоб не терять бдительность, не спалиться и не облажаться, как последний поц, и не погибнуть через глупость!

Еще отец, с юности обучавший его ювелирному мастерству, говорил ему, опрокинув в себя хорошую стопку водки: «Запомни простую истину, сынок, человеку только стоит захотеть, и он все может сделать. Абсолютно все... Но никогда большие деньги легким путем не достаются. Всегда приходится чем-то рисковать. Потому что лучше быть богатым и здоровым, чем даже бедным и больным...» И Натан Львович рисковал, но прежде задавал себе

неизменный вопрос: «А шо я из этого буду иметь? Дулю с маком, и усе?» При запахе шальных денег, очень больших, у него начинала сладко кружиться голова. И тогда он не брезговал ничем, даже скупкой краденого. Получается, в панибратские отношения с бандитским миром вступал! Но игра стоит свеч, если приз в ней слишком велик.

Вернувшись домой, Натан Львович окинул взглядом квартиру и, убедившись, что у него ничего не пропало и все лежит на своих местах, как он оставил, когда уходил, отправился на кухню. Находясь в прекрасном расположении духа и напевая «Мы рождены, шоб сказку сделать билью», он надел цветастый фартук, собираясь готовить ужин. Сперва он думал нафаршировать овощами курицу, но, поразмыслив, что придется повозиться, отделяя кожу от мяса, а само мясо – от костей, решил обойтись приготовлением супа. Перво-наперво, птица была опалена, выпотрошена и вымыта. Ниже грудки с ювелирной точностью было проделано два надреза, куда аккуратно заправлены пулечки, пышные, как у соседки Розы Соломоновны, а крылышки подогнуты к спинке. Чтобы бульон вышел понаваристей, тушка была опущена в кастрюлю с холодной водой. Туда же были добавлены потрошки: сердечко, печеночка, пупочек. Большая луковица – целиком, чтоб, когда разварится – выбросить. За луковицей последовали две большие морковки, почищенные и разрезанные пополам. И, конечно же, хорошему вкусу не помешает пара зубчиков чеснока и немножко травки для вкуса: два корешка петрушки и корешок сельдерея. Кастрюля была оставлена в покое на малом огне, пока курица не дойдет. Раз базарная торговка цену на товар не сбросила, значит, сварится быстро, менее чем за час: ткнешь ее вилкой в белый зад и поймешь, готова ль барышня. После чего Натан Львович положит в кипящий бульон жменьку риса, посолит и поперчит, и через четверть часа наполнит живительным супом с крупно накрошенной свежей зеленью свою большую чашку. И вперед – с сухариками, причмокивая вставными зубами, как французская буржуазия на курорте!

Заслышав звон посуды, доносящийся из кухни, попугай Иннокентий проснулся, почти по-человечески потянулся, зевнул. И, захлопав от радости крыльями, заорал: «Файв-о-клок! Файв-о-клок! Файв-о-клок!» – и картинно отставил в сторону одну ногу, как певец на сцене, у белого роялю.

– Как ваше ничего, Иннокентий? – спросил его Натан Львович и, пройдя мимо, направился напрямиком к бельевому комоду, стоявшему в углу. Отодвинул его от стены, после чего встал на одно колено и приподнял половицу. Под ней лежала коробка, похожая на ларец. Крякнув «Своя ноша не тянет», он обтер ее фартуком и поставил на обеденный стол. Иннокентий имел счастье жить со старым ювелиром многие годы и хорошо знал, что за этим последует. Сейчас хозяин, превратившись в эдакого Гаруна-аль-Рашида, сказочного багдадского халифа, сядет за стол, спиной к окну, и нацепит на нос тяжелые очки с толстыми линзами в роговой оправе. Перво-наперво он извлечет из ларца коробочку поменьше, круглую, из-под монпансье, осторожно откроет ее и начнет перебирать пинцетом свои драгоценные экспонаты: будет рассматривать их через старинную ювелирную лупу, глядеть на просвет, взвешивать в ладонях, нежно поглаживать и ласкать. Так он может провести не один час, любуясь как замороженный бесценными созданиями природы и рук человеческих; сие занятие превратилось в многолетний причудливый ритуал: каждый вечер проводить наедине со своими камнями, тщательно их охраняя от постороннего глаза. Мысль, что кто-то другой, кроме него самого и Иннокентия, увидит эти богатства, притронется к ним, казалась хозяину не просто пугающей, но кощунственной.

– Гляди-ка, Кеша. Кака прэлень! Вот это... – он поднимал вверх массивный перстень с огромными бриллиантами...

– Пиастры! Пиастры! – ликующе кричал попугай.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Это не пиастры, Кеша. Слушай меня ушами! Это – наш новый дом на горячем побережье Кипра. С роскошным садом, с лужайкой. Ну как, тебе нравится? А шо ты имеешь сказать за шале в Швейцарии, где озера, Альпы и французы, а?

Ответа не последовало, и в комнате повисла тишина. Было слышно лишь, как идут настенные часы с кукушкой над головой хозяина. По выражению лица Иннокентия Натан Львович понял, что тот силится понять, о чем его спросили. Бережно положив изделие на стол, ювелир вытащил из кармана жилетки носовой платок и вытер им вспотевший лоб и лысину. И вдруг, почуяв спинным мозгом недоброе, резко обернулся и как сумасшедший метнулся к подоконнику, на котором стояли цветы в плетеных горшках: пышные глоксинии, герань, фиалка. За раскрытым настежь окном, переминаясь на ветке и кося глазом, сидела старая ворона и внимательно наблюдала за всеми действиями Натана Львовича. Казалось, она выжидала, когда хозяин дома отлучится, чтобы влететь в комнату и схватить то, что так причудливо блестело и переливалось всеми цветами радуги на его столе.

– Кыш отсюда, мерзавка! – прошипел Натан Львович, ошалело взмахнул рукой и стал закрывать окно. Ворона хрипло каркнула и тяжело оттолкнулась от закачавшейся ветки.

– А вот этот бесценный алмаз есть фамильное сокровище князей Юсуповых, – вернувшись к столу и вооружившись пинцетом, продолжал он, поднеся великолепный камень к лицу и рассматривая его со всех сторон в лучах настольной лампы с матовым зеленым абажуром. – Чуешь, Иннокентий, какой он прозрачный, без единого изъяна? Как отливает удивительным розовато-лиловым цветом! Настоящий царь камней! Помню, когда впервые взял его в руки, то сразу понял: это ж удача – раз на тыщу лет! Почувствовал магическую силу, охватившую мой мозг, ощутил невероятное желание обладать этим сверкающим искристым камнем, созерцать его вечно, не выпускать из рук ни на мгновение. Пишут, эта реликвия несет в себе роковое проклятие, имеет дурную славу, но то слухи, Кеша, не более. Кстати, я говорил тебе за него? Да, урвал у залетного фартового! Почему залетного? Та потому, шо усех честных фраеров я таки знаю в лицо. И потом, если кто-то предлагает мне шо-то за гроши – я беру и не спрашиваю глупого вопроса, откуда-таки взялась эта штучка. Правда, тот Лева с Могилева клялся и божился, мол, мое, родное! От сердца отрываю! Сын болеет – срочно деньги нужны. Ну так что, берешь, дядя, или как? Деньги ему, видишь ли, были нужны! А кому сейчас не нужны деньги, а, Кеша? – Натан Львович поднял брови и взглянул на попугая. – Чем больше бабла, тем легче жить! Нема бабла – не будет ничего, тока тяжелая серая жизнь. Та не жизнь это – мучение в аду!

Иннокентий молча следил за привычными действиями хозяина. Казалось, временами он даже задерживал дыхание, боясь помешать его работе.

– Ну-ну, Кеша, давай, смотри, любуйся на здоровье! Но делай это не торопясь, а с наслаждением! Спешка в нашем деле недопустима – драгоценные камни требуют степенного к себе отношения!

Он погрузил руку в ларец и стал извлекать на свет божий прочие свои сокровища. То были табакерка с великолепным изумрудом огранки «овал» изумительного зеленого цвета, усыпанная жемчугом пудреница в массивной золотой оправе, платиновая брошь, украшенная сапфирами, два бриллиантовых кольца, серьги, роскошное ожерелье с бриллиантами, весом в три карата, уникальное рубиновое колье и, наконец, футляр из малахита с роскошным пасхальным яичком. Внутри яичка, покрытого белой эмалью, имитирующей хрупкую скорлупу, находился желток, а в нем – курочка, изготовленная из золота, в которой пряталась рубиновая корона неземной красоты. В самой же короне был спрятан нежнейший кулон с миниатюрным сердечком.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Это Фаберже. Великий князь Андрей Владимирович заказал у мастера эти вещицы для знаменитой балерины Матильды Кшесинской. Знал, чем купить барышню! Ну скажи на милость, какая юная мадемуазель откажется от яичка ручной работы? А ты глянь, глянь, Кешка, на это кольцо! Скажи, что оно не божественно! Какой поток искр и переливов, фейерверк отшлифованных граней, завораживающее глаз колдовское сиянье... Именно с этой висюлькой Кшесинская танцевала в балете «Дочь фараона». А у ней ноги, скажу я тебе по сэкрату, росли даже не от груди, а от зубов...

Только полный идиот мог поспорить с утверждением, что горизонты жизни Натана Львовича вырисовывались совершенно безоблачными. Но, к несчастью, обладая большим состоянием, он не мог распорядиться им в открытую. И потому всю жизнь, каждый день и минуту воспламенял свое неукротимое воображение мечтой навсегда слить за границу, в другую страну, где смог бы наконец насладиться истинной свободой и полнейшей праздностью. Где он всенепременно займет шикарный дом на берегу моря-океана, заведет себе идеальную молодую любовницу, стройную как тростинка, белую, точно обмытую в молоке, розовеющую от любви, как утренняя заря, поражающую взгляд, как Матильда Кшесинская, своей неземной красотой, обаянием играющей перламутром улыбки и, понятное дело, живую и горячую, как пламя вулкана. С ней будет он предаваться шаловливым играм, доходящим до полного безумия. А она разбудит его страсть, откроет перед ним пучину чувственных наслаждений, отдастся ему вся, без остатка, от чего он, Натан Львович, внезапно помолодеет, окрепнет телом – годков двадцать с костей долой, словно в реке искупался, в живой воде, и возродится как феникс. Эх, всю жизнь мечтал он о такой любви...

Эту прекрасную цель считал он своей жизненной миссией, а накопленные сокровища – тем самым счастливым билетом в другой, роскошный мир. С каждым новым днем, с каждым часом и минутой его цель приближалась к нему, и вот осталось совсем немного... И счастье близко... Он едва в это верил, а иногда все это казалось ему сном. Но драгоценности, лежавшие перед ним, были доказательством более очевидным: у него все получится, остановить музыку уже невозможно. Та не награда ли это за все его прошлые мучения?

Натан Львович сладко потянулся и крикнул. И в этот самый момент случилось то, чего он меньше всего ожидал: что-то тяжело ударило его в затылок и, не успев ничего понять, он рухнул на пол с дыркой от свинцовой пули в голове. Смерть его наступила молниеносно. Несметные сокровища, разложенные на столе, были обильно забрызганы кровью. В кухне на газовой плите отчаянно булькал куриный отвар и тонкими пенными струйками переливался через край кастрюли, а в повисшей тишине вечернего часа стали слышны истошные вопли зеленокрылого попугая Иннокентия, который размахивал крыльями и кричал: «Кап-пек на хол-лод-дец! Фин-нита ля ком-медия!»

Минуту спустя из парадной дома напротив вышел неприметный человек с черным футляром для гитары за спиной. Он дошел до поворота, оглянулся назад и убедился, что дома уже не видно. Пройдя еще немного, он остановился, потому что зазвонил его сотовый телефон. Он ответил:

– Как дом шийсят?! Разве не пийсят, третий этаж, квартира восемь? Что значит – ошибочка вышла?

На том конце провода ему что-то прокричали. Человек с гитарой сплюнул на землю, затем развернулся и пошел в обратную сторону, чтобы выбрать позицию, откуда будет удобнее поразить нужную цель...

ПАДАЕТ СНЕГ

Иоланда не отвечала. Длинные гудки барабанили в ухо, заглушая вой ветра и жалобный крик деревьев за оконной рамой. Нервы Павла были на пределе. Он звонил ей каждые полчаса, как по расписанию. Где же эта авантюристка? Улетела с подружкой в Милан, потому что захотелось отдохнуть, расслабиться? Шляется по ночным клубам, отсыпаясь до ужина? Или отправилась развлекаться в круиз на большом морском лайнере, не потрудившись сообщить об этом? И нежится сейчас на солнце, наслаждаясь последними теплыми днями поздней европейской осени. Впрочем, на нее это похоже. Она умеет выкидывать фортели и делать все, что взбредет в голову.

Еще раз позвоню, уговаривал он себя, и все. Хватит! Но бездушный голос неизменно повторял, что абонент недоступен.

«Ну мало ли почему не отвечает, может, нет возможности, – резонно возражал внутренний голос. – Перестань уже себя накручивать. Ничего сгоряча не решается. И вообще утро вечера мудренее. Ляжешь спать, а завтра, глядишь – а проблемы-то и нет, все уладится само собой...»

Он так и не смог уснуть, все ворочался с боку на бок на кровати, то поворачиваясь к окну, то к стене. И думал об Иоланде. Черт побери, он любит ее и не хочет, чтобы с ней что-нибудь случилось. Конечно, она ничего ему не обещала. Признаться, они и знакомы-то были не долго, но ее поведение ранило, воспринималось как предательство, и ничего он не мог с этим поделать: обида и злость сплелись в душе в тесный клубок. А вдруг она его бросила? Ушла насовсем? Но этого не может быть. Он вроде бы нигде не оплошал, любил и лелеял ее больше, чем кто-либо другой. Нет, официального предложения не делал, хотел это обдумать, обставить все красиво... И купить наконец ей бриллиантовое кольцо из белого золота, о котором она мечтала...

Когда часы показывали далеко за полночь, он выполз из-под теплого одеяла, натянул толстые носки и потащился на кухню, чтобы сварить себе кофе. Поспешно отпив пару глотков горячего напитка и откусив от бутерброда с пармской ветчиной, вновь принялся за старое, рука снова потянулась к телефону, непрерывно нажимая на кнопки. Но и на сей раз механический голос отвечал, что абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети, перезвоните позже. Да, похоже, мобильный телефон у нее отключен.

В его воображении возник образ Иоланды в объятиях другого мужчины, и от этого застучало в висках. Да что же это происходит, черт побери?! Павел был на грани срыва, неизвестность и тревога захлестывали и душили его. Казалось, весь мир бросил его, оставив погибать в одиночестве. И он сидел, сжавшись в комок, кусал губы и смотрел в пол потухшими глазами. Потом, достав пачку сигарет и щелкнув зажигалкой, он медленно затянулся. Сизый сигаретный дым поплыл по комнате. Он открыл окно, чтобы впустить свежий воздух. Почувствовав прикосновение колкого озноба, поежился и выдохнул облачко пара.

Осень уже вступила в свои права, но в этом году была особенно нетерпелива: навалилась всей своей мощью, окутала туманом, заморозила деревья и землю, закрутила по улицам опавшие листья и вселила питерскую сырость в души людей. Внизу, на улице, куда-то спешили машины, компании молодых людей торопились, громко разговаривая и смеясь, их сигареты ярко горели в темноте, некоторые при этом не отрывали взгляда от экрана смартфона. Влюбленные парочки шли, прижавшись, друг к другу, словно выросли один в другого. Но привычный городской вид был нынче иным: он сменил краски, улица казалась выцветшей, как

старые фотообои, размытой, как декорации в старом фильме. И лишь холод был самым настоящим. Павел едва успел закрыть окно, как снаружи хрустнула ветка, потом еще, затем протяжно застонало старое дерево и с грохотом повалилось на землю. И тишина... Тишина четырех стен – она сдавливала виски, причиняя невыносимую боль...

...С Иоландой они познакомились пару месяцев назад в одном из ночных клубов на Невском, куда оба пришли выпить. Он – от того, что опять остался один, она – от того, что лишилась работы. Весьма обиденно, не так ли? Она – хорошенькая девушка, в коротком коктейльном платье и туфлях на высоких каблуках – сидела за соседним столиком, ленивоковыряла мороженое и время от времени бросала на него томный взгляд...

Ее привлекали деньги – она довольно прозрачно намекала на это, заигрывая с ним. Его же чувства к ней на тот момент были простыми и примитивными. У него было все, чего хотела она, а у нее – то, чего желал он. После пятой рюмки абсента она повисла у него на шее в медленном танце. Он словно замороженный смотрел на нее, растворяясь в бездонных озерах ее выразительных глаз. Ему нравилось, как она смеялась, как неуклюже передвигала ноги, как поправляла челку, как прикусывала нежно-розовые губы, горячие и влажные. Он рассмотрел все родинки на ее лице, шее, руках, оголенных до локтей, познал ее запах, терпкий и сладковатый, с нотками миндаля, смешанный с тонким ароматом парфюма, но желал узнать ее ближе. Пусть незнакомка и пьяна и он еще не знает ее имени, но она привлекла его. Зацепила. Встряхнула что-то на дне души, нечто улегшееся, но взметнувшееся высоко и замутившее все мысли...

И она исподволь смотрела на него, словно изучала. Да, выглядит он потрясающе: брюнет, метр восемьдесят, острые скулы, безупречный профиль, а еще – взгляд. И эта улыбка, она действительно у него хороша: сначала иронично поднимается одна бровь, а потом расцветает все его смуглое лицо с крупными губами и открывается ровный ряд белоснежных зубов...

Спустя час они уже ловили ночное такси. Свой автомобиль Павел оставил на парковке. Французский коньяк, которым он разогревал себя, бурлил приличным градусом в крови, затуманивая мозги. В машине она безудержно хохотала, пытаясь что-то рассказывать заплетающимся языком. А дальше все развивалось настолько стремительно, что Павел и опомниться не успел, как влюбился.

Это действительно было похоже на настоящие отношения... По крайней мере, что-то заставляло его так думать. Они встречались каждый день и проводили вместе почти каждую ночь, насколько позволяла его занятость. Именно поэтому он и начал строить наивные планы на дальнейшее счастливое совместное будущее. Он покупал ей великолепные украшения, дорогие конфеты, дарил букет за букетом, устраивал ужины с шампанским, водил на танцы до утра в эксклюзивные закрытые ночные клубы, где их никто не беспокоил.

Всего три дня назад они вернулись в город святого Петра из Парижа, где провели романтический уик-энд. Еще месяц назад Иоланда взяла с него слово, что он подарит ей Эйфелеву башню, а взамен сулила превратить вояж в незабываемое, полное романтики приключение. Павел сдержал обещание – они сняли номер люкс в шикарном отеле на Шанз-Элизе, гуляли по бульварам, Люксембургскому саду и Тюильри, наслаждаясь их умиротворяющей атмосферой, посетили Нотр-Дам и Монмартр, откуда поднялись по знаменитой лестнице к базилике Сакре-Кёр, побывали в Гранд-опера и «Мулен Руж». Утром они завтракали в ресторане отеля, и суетливый гарсон в красной куртке и длинном белом переднике исправно подавал им кофе с молоком и две тарелочки со свежеспеченными круассанами, от которых пахло ванилью и чем-то еще, напоминавшим Павлу безоблачное детство, из которого всегда выплывали аппетитные запахи свежей выпечки. Потом они бродили по всем пяти этажам Лувра и Орсе, рассматривая шедевры Мане, Дега, Ренуара,

Гогена, Ван Гога и других великих художников. Лениво блуждали по утопающему в зелени Марсову полю, по набережной Сены, любуясь снующими по ней корабликами, украшенными мириадами фонарей. А ближе к вечеру готовились к ночным развлечениям вкуче с дорогими деликатесами и великолепным шампанским, сладко обжигаящим губы. И великая французская столица гостеприимно зажигала для них свои яркие огни под неизвестно откуда льющиеся звуки аккордеона и хриплого женского вокала, страстно затягивающего *Tombe la neige* Сальваторе Адамо. Говорят, знаменитый шансонье написал ее на клочке бумаги.

Первым сюрпризом для Павла стало то, что Иоланда не захотела идти в Гранд-опера. «Как ску-учно» – протянула она тоном избалованной девочки, скривила ротик и отвернулась к окну, не желая поддаваться на его настойчивые уговоры, что дают балет Баланчина и что росписи на потолке театра сделал сам Марк Шагал. И перестала упрямиться лишь после того, как он пообещал ей посещение кабаре «Мулен Руж» – поглазеть на голые ножки развратных танцовщиц с перьями. Она честно высидела балет до конца, и, кажется, он ей даже понравился, но было понятно, что представления иного рода и шопинг доставляли ей куда большее удовольствие.

Возможно, именно с тех пор и наметились их разногласия. Он для нее оказался слишком романтичным и окультуренным, она же для него слишком капризной, прагматичной и приземленной. Она до страсти обожала развлечения, а самое главное – знала в них толк. И кто знает, быть может, любила охоту на мужчин, но об этом мало кому довелось узнать, поскольку в числе ее пороков не было привычки выбалтывать потаенные мысли.

Павел тоже умел брать от жизни лучшее, причем легко, не задумываясь, как человек, который убежден, что имеет на это право. Ведь он красавец мужчина, уверенный в себе на все сто. Ему повсюду сопутствовал успех – и в бизнесе, и в жизни. Именно к Павлу обращались многочисленные родственники, друзья и знакомые за помощью, и он небезуспешно разруливал их проблемы, в первую очередь, конечно, денежные. Он разбирался в винах так, как никто из его окружения, ценил хорошую кухню, любил быстрые яхты и хорошие автомобили. Часто менял марки машин, оставаясь верным одной – своему «мерседесу». Дорогие костюмы и часы, ботинки и белье, сигареты и сигары, парфюм и средства для ухода за собой – все у него было отменного качества. Не говоря уже о женщинах: он с легкостью их очаровывал и наслаждался их восхищением.

Но с Иоландой что-то пошло не так. После знакомства с ней он, как, наверное, каждый влюбленный, стал похож на идиота с одурманенным рассудком. И однажды ему показалось, что она заметила это и теперь посмеивается над его поведением. Вчера утром, уже сделав шаг за порог, он вдохнул обволакивающий Иоланду нежный, соблазнительный запах, потерял самообладание, повернулся к ней, обхватил за талию и сильным рывком привлек к себе. Его губы, горячие и жаждущие, накрыли ее рот, становясь все жаднее. К его удивлению, она холодно отвернулась, высвобождая руку с нервным смешком. Похоже, с ней творилось что-то неладное. Взволнованный, он заглянул в ее лицо, и ему не понравилось выражение какого-то разочарования на нем.

– Что с тобой? Что-нибудь случилось? – спросил он. – Или ты нездорова?

– Да, у меня сегодня болит голова, приму таблетку, – соврала она, ушла в спальню и закрыла за собой дверь.

Скорее всего, она просто хотела прекратить отношения. Не исключено, что она его и не любила, а была с ним от нечего делать, играла в свою игру, в которой он был мачо, она – его женщиной. А когда стало скучно, она ушла, сильно его удивив: ведь это его роль, это он бросает девушек, он не привык к тому, что бросают его.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

В Париже ее неистово тянуло в мекку французского шопинга – на бульвар Осман, в самые роскошные бутики с мировыми брендами: «Шанель», «Гуччи», «Гарри Уилсон», Дом моды на авеню Монтень. А он просто хотел, чтобы она улыбалась ему.

– А ты купишь мне «Феррари Портофино», когда вернемся в Питер? – спрашивала она, сверкая голубыми, как летнее небо, глазами. Она была без ума от быстрой езды – пожалуй, не из-за самой любви к скорости, а потому, что это привлекало внимание к ее персоне. Всякий раз, садясь за руль его автомобиля, она резко и до самого пола вдавливала педаль газа, и через доли секунды ветер уже раздувал ее длинные волосы.

– Куплю, – соглашался он, и Иоланда мечтательно жмурилась.

– А дом за городом?

– И дом!

Дом у него уже был. Симпатичный двухэтажный коттедж, тихий оазис в сосновом бору на берегу Ладоги. Но зачем портить сюрприз?

– Хочу, чтобы в гостиной было панно и большой мраморный камин, а под потолком висели олени рога. И два кресла, а между ними фонтан бьет из бассейна, как из озера, в воде плавают золотые рыбки. Из бассейна журчащие ручейки падают в нижнее озеро, обрамленное скалами. Кругом – море зелени и цветов. Да, и чтоб обязательно шкура на полу, вместо ковра...

Павел не уточнял, чья шкура, да хоть саблезубого тигра, лишь бы она продолжала улыбаться. Лишь бы в этом камине горел огонь. Лишь бы в этом доме его ждали с работы. Лишь бы в нем жили веселые голоса и смех. Может, даже детский.

А пока дом пустовал. За его дверью поселилась звенящая тишина, тревожная и тоскливая, нарушаемая редкими завываниями собак, а от стены к стене, цепляясь хвостом за мебель, шастало эхо. Черепичную крышу засыпало желтыми осенними листьями, а каменные ступени поросли травой на радость юрким зеленым ящерицам. Уже давно никто не открывал дверцы старинного серванта, никто не сидел на стульях за овальным столом. Это ужасно, когда в большом доме живет тишина, тогда он кажется еще больше, и на ум приходят всякие неприятные мысли.

Он отложил в сторону телефон и подошел к окну. Последние листья неохотно покидали ветви деревьев, то ли с грустью, то ли с сожалением, и бесстрашно улетали прочь, к земле, чтобы завянуть и умереть. Он вздохнул. А листья за окном все кружили и кружили в каком-то завораживающем смертельном танце.

Нет, звонить ей нет смысла. Она не ответит. Усилившийся ветер заносил улицу листопадом. Наверное, и там сейчас метет, в маленьком, забытом богом Мельникове, наполненном осенью до краев. Поселке, откуда рукой подать до храма апостола Андрея Первозванного, поднимающегося из водной глади Вуоксы. Где вместо метро и ярко освещенных асфальтированных проспектов старенькие мостовые, где он уже и не помнит, сколько лет не был. Там так же мокрые, неприкаянные листья липнут к двум узким окнам маленького дома с видом на зеленую лужайку. Там никто и никогда не мечтал о камине и шкурах на полу, но всегда было уютно и тепло. Тепло было под мягким одеялом на тахте. Теплым был пар над чашкой сладкого чая перед школой, он струился, выписывал чудные силуэты и исчезал. Теплым был ленивый серый кот Тимоша, вечно дремлющий в плетеной корзине с клубками ниток. Из этих клубков вязались на спицах удивительно теплые шерстяные варежки, шарфы и носки. И теплой была ладонь на его щеке.

Павел не заметил, как за окном начал падать снег. Крупными хлопьями, похожими на ватные шарики, он летел из небытия, накрывая снежным покрывалом землю. Он не стал задергивать шторы и зачарованно смотрел, как снег танцует и серебрится в тусклом свете ночных фонарей, окруженных ореолами. В памяти всплыли слова знакомой песни Tombe la

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

neige, услышанной им всего несколько дней назад на берегу Сены. Тот хриплый женский вокал заморозил его больше, чем сама мелодия, никогда он еще не слышал такой мощи, такой красоты, такой страсти:

Падает снег... Ты не придешь этим вечером.
 Падает снег... И мое сердце одевается в черное.
 Ты не придешь этим вечером – кричит мне мое отчаяние,
 Но падает снег, невозмутимо кружась.
 В холоде и белом одиночестве.

Павел молчал. И его телефон молчал вместе с ним. Иоланда... Где ты теперь? Он уже не был уверен, что хочет это знать. Может, он просто придумал себе ее улыбку, ее бездонные глаза цвета неба, нежно-розовые губы? И их завтра – одно на двоих? А на самом деле и не было ничего. Она бросила его, как старый чемодан, без объяснений. А что будет дальше, если она объявится? Ведь оставила же в ванной комнате свою дурацкую розовую зубную щетку, флакон неизвестно с чем и многочисленные полупустые баночки с кремом – ох! – они бесили сильнее всего, он всегда видел в них тайных агентов, которые нагло вторглись на его суверенную территорию. Нет, этого совместного «дальше» ему уже и не хотелось. Что-то надломилось внутри и медленно дотлевало, так и не загоревшись. С Иоландой уже не загорится. А может, и ни с кем другим. Он лихорадочно сгреб в кучу все, что осталось от нее, смахнул в пакет и брезгливо отнес в мусорный контейнер.

Наверное, он хочет чего-то невозможного. Может, он тоже, как эти одинокие снежинки, кружит и кружит по жизни, бесцельно и безвольно, не зная, что ему нужно. Сила северного ветра тащит его за собой, а он покорно летит. Как все. И не понимает, что не туда. Хватит обманываться. Пора спуститься на землю, заглянуть внутрь себя – там его настоящие чувства. Зачем ему тихое уютное гнездышко в сосновом лесу на берегу Ладоги, в котором никто не живет? Зачем камин, неспособный спасти от одиночества? Ведь греет не пламя, а сердце, которое любит и ждет.

Он взял со стола телефон. Пролистал список контактов. Нашел номер, по которому не звонил, к стыду своему, очень давно, и торопливо нажал кнопку вызова. С замиранием сердца, чуть нахмурившись, слушал ровные телефонные гудки, и после каждого из них накатывала волна страха, казалось, что в ожидании прошла целая вечность. Впервые в жизни он почувствовал себя таким беспомощным, потому что теперь действительно боялся, что не ответят. Ведь не было уже давно старенькой тахты, не было теплого кота Тимоши. И от страха, что нет больше и того, кто его всегда ждет, вспотели ладони. Сердце застучало где-то в горле, в ушах зашумело. Еще один гудок, еще один, еще...

– Алло, – наконец-то ответил на другом конце провода тихий старческий голос.

Павел с облегчением выдохнул.

– Мама, – произнес он, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул и не выдал охватившее его волнение. – Мама, это я... Как ты там? Мама, можно я завтра приеду?

ПРОЗА

Владислав Кураш

(Польша)

Из сборника «Моя вторая Одиссея»
цикла «Эта безумно безумная жизнь»

МЫ УБЕГАЕМ

Мы никуда не направляемся, мы просто бежим.
(Из кинофильма «Бонни и Клайд»)

Матрос отдал швартовы, запрыгнул на борт катера и поднял трап. Включились моторы, катер зарокотал и ожил. Матрос оттолкнулся ногой от причала. Катер дал ход вперед и вышел на середину канала.

Укрывшись пледами, мы сидели в уютной теплой каюте и сквозь огромные иллюминаторы наблюдали за маневрами катера. Небо затянуло тучами. Сеял небольшой дождь.

Развернувшись, катер проплыл под Зеленым мостом, вдоль старого города, вдоль островов Амбарного и Оловянки и взял курс на Мертвую Вислу.

Старый город остался за спиной. Впереди были видны судоверфь, портовые краны, элеватор, причалы и доки.

Поднялся ветер, и погода окончательно испортилась. Дождь усилился. Черная вода Мотлавы при каждом порыве ветра ежилась и волновалась. На поверхности появились белые пенные барашки. С истошными криками над рекою кружили чайки.

Марлена заказала бутылку вина. Матрос принес на подносе вино и бокалы и поставил возле нас на столике.

Несмотря на плохую погоду, в порту кипела работа. У причалов разгружались пришедшие суда. По реке непрерывно сновали катера, буксиры и прогулочные яхты. Дноуглубительные суда чистили русло канала.

Мы проплыли мимо зернового, угольного и промышленного причалов.

В том месте, где Мотлава впадает в Мертвую Вислу, река круто изгибалась и поворачивала. Вдалеке за поворотом показалась крепость Вейксельмюнде с высокой круглой башней и бастионами. Крепость медленно приближалась и увеличивалась. Над острой конусообразной крышей башни развевался польский государственный флаг.

Напротив крепости река снова круто изгибалась и поворачивала. Этот изгиб назывался Поворотом Пяти Свистков. За поворотом были новый порт, паромный терминал Вестерплатте и выход в море с двумя фалохронами и маяками.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

Мы повернули и стали пришвартовываться к пристани паромного терминала. В этот момент появился шведский паром. Он медленно приближался к причалу.

Когда мы пришвартовались, дождь неожиданно перестал, из-за туч выглянуло солнышко и погода настроилась. Захватив с собой недопитую бутылку вина, мы сошли на берег.

На причале толпились люди: встречающие и таксисты. Ветер утих и заметно потеплело. По набережной мы направились к восточному фалохрону. Отсюда открывался вид на Гданьский залив. Хорошо были видны Сопот и Гдыня.

Мы свернули к развалинам оборонительных сооружений. Немного походили там. Погуляли по полуострову. Перекусили в какой-то кафешке. И вернулись назад, на пристань.

На обратном пути погода снова испортилась, небо затянуло тучами, и пошел дождь. Марлена заказала еще вина.

– Не пей больше, – обратилась она ко мне. – Ты и так уже пьяный.

– Да ладно, – отшутился я. – Ничего не будет от двух бокалов вина.

– Прошу тебя, не пей, – настаивала Марлена. – Как ты за руль сядешь?

– Ну хорошо, – обиженно буркнул я и уставился в иллюминатор.

До Гданьска мы молчали: Марлена пила вино, а я смотрел на проплывающий в иллюминаторе унылый пейзаж.

Неожиданно меня посетила мысль, насколько все люди слабые и беспомощные. И что мы с Марленой не исключение. И, как большинство, не способны изменить свою судьбу. Плыдем по течению и безвольно барахтаемся не в силах сопротивляться обстоятельствам.

Поездка на Вестерплатте немного утомила. Но мы не спешили домой. Настроение было хорошее. Погода снова улучшилась. Мы погуляли по старому городу, позаглядывали в янтарные лавки, прошлись по набережной. И только под вечер поехали в отель.

Перед тем как сесть в наш старенький «мустанг», я заглянул в багажник. Рюкзак с деньгами и пистолетом был на месте.

Не доезжая до отеля, я резко затормозил и съехал на обочину.

– Посмотри, – сказал я Марлене, показывая на отель.

Возле входа стояло несколько автомобилей полиции и с десятков полицейских с автоматами, в кевларовых бронежилетах и в касках.

Долго не думая, я развернул автомобиль и поехал в обратном направлении, все время наблюдая за полицейскими в зеркало заднего вида. На ближайшем перекрестке я свернул и нажал на педаль газа, стараясь поскорее убраться отсюда. Немного попетляв по городу, мы выбрались на автостраду и устремились прочь от Гданьска.

Все это время Марлена молчала. Когда Гданьск был уже далеко за спиной, она наконец нарушила молчание и спросила:

– Куда мы направляемся?

Овладев собой, я посмотрел на Марлену и спокойно ответил:

– Мы никуда не направляемся, мы просто бежим.

УЕЗЖАЮ

*Счастье – это когда тебя понимают,
большое счастье – это когда тебя любят,
настоящее счастье – это когда любишь ты.*
Конфуций

*Страшно остаться одному – это все равно
как потеряться в чужой стране.*
Константин Райкин

Просыпаюсь. Открываю глаза. Темно. Ужасно болит голова. Нащупываю выключатель. Включаю ночник. Комната наполняется мягким приглушенным светом. Встаю. Мила спит. Беру таблетки и, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Милу, ищу спиртное. Заглядываю в холодильник, в шкаф, проверяю бутылки на столе. Везде пусто. С нескрываемым раздражением запиваю таблетки минералкой.

Иду в уборную, привожу себя в порядок, тихонько одеваюсь, выключаю свет и выхожу из номера. На ресепшене меня приветствует укутанная в плед сонная девочка портье.

Полшестого. До рассвета еще далеко. Город освещен иллюминацией. По улице Коперника спускаюсь к проспекту Свободы. Прохожу мимо дворца Потоцких, монастыря святого Лазаря и ресторана в доме номер семь, где мы вчера ужинали. Сворачиваю и двигаюсь в направлении оперного театра.

Возле оперного театра в переулке захожу в ночной магазин. Покупаю бутылку виски, тут же откупориваю и делаю несколько больших глотков. Огненным ароматным потоком виски обжигает гортань, пищевод и желудок. Становится лучше. Какое-то время я болтаю с продавцом и, сделав еще несколько глотков, ухожу.

Назад возвращаюсь той же дорогой. Наслаждаюсь опьянением и предрассветной темнотой. Не хочется, чтобы рассветало. Хочется, чтобы время остановилось и все вокруг замерло. Погруженный в свои мысли поднимаюсь по Коперника у подножия холмов цитадели.

Прихожу в отель. Мила уже не спит. Устраиваемся на диване у телека, пьем виски, смотрим какое-то кино. Светает.

В девять приносят на подносе завтрак. Мы завтракаем, допиваем виски и идем в постель. После секса душ. Начинаем собираться.

Собравшись, я беру Милины сумки, и мы идем на вокзал. С Коперника сворачиваем на Черновицкую и заходим в какой-то ресторан перекусить. В соборе святого Юра Мила покупает нам ладанки.

На перроне она плачет. У меня тоже кошки скребут на душе. Никуда не хочется уезжать. Прощаемся, Мила садится в вагон, и я остаюсь один. Провожая взглядом удаляющийся поезд и возвращаюсь назад в отель. По дороге, на Черновицкой, покупаю бутылку водки.

Звоню отцу. Долго говорим о Булатовиче. Понемногу начинаю склоняться к мысли написать о нем рассказ. Но не сейчас. Возможно, когда-нибудь потом.

До самого вечера сижу на диване, смотрю телевизор и пью водку. Много думаю об Алене и детях. Пару раз набираю Алену, но она, как обычно, не отвечает.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

В восемь заказываю ужин, ем, собираю сумку и выхожу. На ресепшене отдаю ключи и рассчитываюсь за номер.

Смеркается. Не спеша иду на вокзал. Автобус на Варшаву уже стоит на платформе. Начинается посадка. Ставлю сумку в багажное отделение и занимаю свое место в автобусе.

До отправления считанные минуты. Тупо смотрю на окна, на погруженный в сумерки город. Грустно. Никуда не хочется уезжать. Сажу словно в оцепенении. Думаю о доме.

Отправляемся. Проползаем по опустевшим улицам, выбираемся за город. До границы недалеко, примерно час езды. Тоскливо и одиноко.

Уезжаю...

О. Гуревич. На гребне волны

ПРОЗА

Драги Михайловский
(Македония)

ЖИТЕЛЬ ЧАИРА, КОТОРЫЙ ПОУМНЕЛ ПОСЛЕ ТОГО, КАК СТАЛ ЛАСКОЙ

Перевод Ольги Панькиной

Серым ноябрьским утром две тысячи семнадцатого года один чаирчанец неожиданно отдал концы и меньше чем через день увидел себя в образе ласки, забравшейся на самую толстую ветку самого высокого ясеня в парке Чаира. У него все еще кружилась голова от удара молнии, которая утром, пока он бродил под дождем, пытаясь доискаться до причин провала всех проектов по вхождению его любимой Македонии в некоторый союз, шарахнула его по голове, и он по живым манером превратился в четвероногое животное, которое, несмотря на свою меховую шкурку, сильно тряслось от холода.

«Вот незадача! – сказал он сам себе, как только осознал сложившуюся ситуацию. Заметив большое дупло в стволе ясеня, он злез в него, чтобы согреться. – всю свою жизнь я смотрел в небо и строил большие планы, мыслил широко, думал о благе родины, как говорится, и вот – отдал концы, не осуществив ничего из того, что планировал, и мои мозги теперь уменьшились, а родине наплевать на мою судьбу! Так в чем моя ошибка?»

И следующие пять лет, когда ему казалось, что он в безопасности, так как довольно скоро он понял, кто его враги в парке, готовые сломать ему шею и превратить его в нечто третье, он, сидя на ветке, все размышлял о своей первой жизни, о том, как быстро она прошла, о том, как глупо он прожил ее в наивном неведении и что нужно будет сделать в случае, если Господь даст ему второй шанс появиться на свет человеком. При мысли об этой возможности глаза у него сразу начинали блестеть, хвост, длинный и мохнатый, ходил из стороны в сторону, а сердечко билось быстро-быстро. Иной раз – честно сказать, не очень часто – он даже решался незадолго до рассвета, когда почти все живое, имевшее какую-никакую крышу над головой, мирно спало дома, спуститься с ясеня, осторожно пересечь парк вдоль стены стадиона, где было потемнее, быстро, как молния, промчаться вдоль ограды компании «Даути коммерц», напротив супермаркета «Веро», и, спрятавшись в тени за мусорными контейнерами, вглядываться в полумрак на улице Джона Кеннеди, которую он прекрасно знал еще во времена титовской Югославии. Он, бедняга, хотел знать, что происходит в мире, который он так неожиданно покинул! Как он любил эту страну! Но, увидев, что ничего не изменилось, что все вокруг осталось таким же грязным, невымытым и недоосвещенным, как и в его предыдущей жизни, он, разочарованный сверх всякой меры, потеряв энтузиазм, тем же путем, но теперь почти не таясь, как побитый, возвращался назад в высокое дупло посреди парка.

«Значит, все еще ничего? – удивлялся он. Что теперь от нас надо? Мы выполнили все требования, нормальные и ненормальные, мы изменили название, флаг, объявили себя глупыми и бесхарактерными, несвободными и полунезависимыми, многие жизни лишились, ну что еще нам сделать?»

В такие моменты, мучимый жутким любопытством, он горько сожалел, что не был больше человеком и не мог пробежать по Джона Кеннеди, пройти через арку под домом номер один, выйти перед домом Новотного и купить газету у Альберто. Это было невозможно из-за непосредственной опасности закончить жизнь под колесами несущегося автомобиля или быть кем-то прихлопнутым и превратиться в красивый меховой воротник на шее какой-нибудь раздушенной дамы. Чаирчанец понимал, в каком опасном положении оказался, да и вряд ли бы ему хватило храбрости решиться на новое превращение теперь, когда он уже привык к ласочьей жизни. Потому он и сидел часами, свернувшись на ветке ясеня, обескураженный беспощадной непредсказуемостью Господа, его пристрастием к несмешным шуткам, его непостижимой склонностью к нелогичному мироустройству, а особенно возможностью любое существо в любой момент, по своему хотению, превратить в другую телесную сущность, изменить до неузнаваемости, увеличив или уменьшив, все равно.

Нередко он задавался вопросом, почему же Господь оставил ему ум из предыдущей жизни, полный планов, надежд, желаний, воображения, стремления, когда он на собственном примере убедился, что достаточно было чуть оступиться, и тиран – как будто ему больше заняться нечем – одним махом все превратил в прах и пепел. Так размышлял ночами чаирчанец и только под утро, изрядно промерзнув, залезал в свое логово в толстом стволе ясеня, удрученный тем, что ему суждено существовать в таком странном обличье в тесном пространстве района Чаир в Скопье. А что еще ему оставалось? Был ли у него другой выбор теперь, когда он превратился в полтора килограмма жилистого мяса, брошенного гнить в этой тюрьме без решеток, тюрьме собственной судьбы?

Но жизнь поворачивается к нам то плохой, то хорошей стороной. Как говорится, после дождя бывает солнце, после печали – радость. Солнце и радость пришли к чаирчанцу совершенно неожиданно одной декабрьской ночью две тысячи двадцать третьего. Он только съел скромный ужин – мох, соскобленный с мокрого ствола дерева, на котором жил, – и уже приготовился улечься в свое дупло в ясене, которое со временем становилась все больше и уже начинало угрожать стабильности его высокого дома, как вдруг появилась незнакомая самка ласки, которая залезла к нему на ветку и без стыда зашептала ему на ухо:

– Ты что, не узнаешь меня? Я твоя однокурсница по институту, не помнишь, что ли? Которую все звали «глупая блондинка», так что мне пришлось перекраситься в черный, хотя я блондинка от рождения, ну, вспоминай.

– И что с того? – невпопад сказал чаирчанец, сбитый с толку, смущенный и растерянный при виде ласки, которая так и вилась у него перед глазами. – Послушай, – пролепетал он, потом выскочил из дупла, долез до самой кроны ясеня и вернулся назад, чтобы проверить, не сон ли это, и, убедившись, что не спит, спросил: – Что случилось? Как ты такой стала?

– Утром меня машина сбила, на перекрестке около судебной палаты. Только я хотела лицу перейти... И вот тебе!

– Неисповедимы пути Господни! – сказал он с тайной радостью, которая начинала постепенно переполнять его, потому что это означало, что все-таки Господу хватило великодушия, раз он решил, как когда-то в раю, дав Адаму Еву, скрасить его одиночество во второй жизни и привести к нему эту его знакомую. Сама мысль, что пришел конец надоевшему одиночеству, быстро его отрезвила, оживила и дала волю к жизни. Он даже забыл неприятный нрав Господа, склонного к крайностям и способного в момент превратить его радость в глубокую скорбь. – Ты есть хочешь? А пить? – суетился он вокруг ласки и лапками обдирает мох со ствола. Он очень обрадовался, увидев, что его бывшая однокашница невероятно быстро приспособилась к новой ситуации, что без лишнего жеманства взяла мох, который он ей принес и принялась с аппетитом его жевать. – Господи! – только и сказал он, просто так, прежде чем

сесть рядом с ней на ветке, погладить лапкой ее редкие усики и посмотреть ей прямо в смеющиеся глаза, а потом подумал: «Чем же занимаются ласки, когда им делать нечего?»

И так, почти счастливые, они просидели на ветке всю долгую ночь, глядя на черных воронов, которые, каркая, носились над парком.

Приближался рассвет, и чаирчанец больше уже терпеть не мог. Он счел, что подруга свыклась с ситуацией и что настало время спросить о том, что его мучило. Его до сих пор терзал интерес к происходящему в мире и на родине, хотелось узнать обо всех событиях и изменениях, что произошли за годы его существования в виде ласки в чаирском парке, он все еще думал о большой политике, философствовал, как говорится, чисто по-мужски. Его удивило, что его новая подруга как-то равнодушно, как будто речь шла о прошлогоднем снеге, но в тоже время очень разумно, будто вовсе не ее звали в институте глупышкой, сказала:

– Какая еще родина, Македония? Лучше бы тебе не знать! Разве это не величайшее счастье – жить в блаженном неведении? Вглядеться в себя, в ту часть космоса, которую представляешь ты, со своим миром грез и событий? Какое тебе дело до всех остальных? Если ты хочешь узнать, что такое счастье, оглянись на тех, кто рядом с тобой! Кому вообще есть до тебя дело? Ты думаешь, мир рухнул, когда тебя не стало?

– Ну, расскажи! – взвизгнул самец, растянувшийся на ясеновой ветке среди парка. – Я хочу услышать, а потом обдумаю то, что ты мне сказала!

– Видишь ли, – сказала она ему, – есть люди и страны, которым просто не везет. Для них единственный шанс – это реинкарнация!

– Про Македонию расскажи, ну пожалуйста! – настаивал он, умоляюще глядя на ласку.

– Ну, если помнишь, когда ты так неожиданно покинул этот мир, мы уже подошли к тому, чтобы начать переговоры о вступлении в Европейский союз. Мы уже изменили название государства, языка, народа, птиц, блюд. Упразднили прилагательные македонский, македонская, македонское. И – о чудо! – они решили нас принять! Изуродованных, обезображенных, раздавленных, униженных...

– И? – выкрикнул он в темноту парка. – Значит, мы теперь в ЕС?

– Да не возбуждайся ты так! – спокойно сказала она и подмигнула. – Когда переговоры закончились, года три назад, и когда нас вот-вот должны были объявить тридцать седьмым государством-членом, вдруг получилось так, что нас некуда и некому принимать. Евросоюз распался, как говорится, в одночасье. Сначала они там спорили о конституции, потом о бюджете, потом национализм схватил за горло... Вот и исчез ЕС, как и не было никогда!

– Ну а мы? – настаивал он, не в состоянии сразу переварить весть о распаде ЕС.

– А мы продолжали биться, – сказала она спокойно, – потому что нас убедили, что одни мы не выживем и потому что мы уже доказали всему миру, что мы единственные и ведущие эксперты по выполнению условий, так что власти, ссылаясь на наш уникальный опыт, обратились к другим государствам и объединениям. Сначала у нас говорили, что нас примут в США, и уж было приняли, но года через два Калифорния и вся южная конфедерация взбунтовались, провели референдум и вышли из США!

– Так что, значит, США больше не существуют? – закричал он в изумлении.

– Их больше нет, – тихо сказала она и принялась грызть кусочек коры, лежавший перед ней.

– А потом, что потом? – торопил он, хотя в горле у него стоял ком.

– Тогда обратились к России, но та хладнокровно нас отвергла. Наши предложения согласились рассмотреть только Индия и Китай!

– Как? – от волнения он вцепился в ветку ясеня. – Без всяких условий?

– Ну, почти, – сказала она.

– Как почти? Что значит почти? – он умолял ее ответить.

– Два года назад приехали индийцы, посмотрели, подумали и сказали, что мы им подходим, тем более что у нас живут их сородичи. Но потребовали выполнить одно условие.

– Какое условие, мать их? Чего они от нас хотели?

– Чтобы мы стали черными, как их сородичи, что у нас живут! – сказала она. Она с нескрываемым удовольствием наблюдала за запутавшимся и сбитым с толку чаирчанцем, напуганным ее рассказом о событиях, которые произошли после его реинкарнации и о которых он, по понятным причинам, не мог знать. – И знаешь, может, у нас и получилось бы, – продолжила она, – активная пропаганда быстро убедила, что это условие очень легко выполнить. Каждодневно нас убеждали, что всем надо почернеть. Больницы и клиники, где проводили операции, были переполнены гражданами, терпеливо ждавшими в очереди, чтобы их перекрасили с головы до ног в черное. Правду сказать, не все было так просто. Окрашенных отпускали домой обсохнуть, а через пару дней надо было явиться для повторной окраски, но в конце концов мы бы справились, и индийцы были бы довольны!

– Господи, – уже плакал он, – и мы что теперь, часть Индии, что ли?!

– Ни в коем случае, – ответила она спокойно, – не успели наладить всеобщую покраску, как правительство поменялось. А у нас любое правительство, как ты знаешь, хочет все начать заново. Мы быстро отказались от намерения присоединиться к Индии и начали переговоры с китайцами.

– С китайцами? – рыдал в отчаянии бедняга, сидя на ветке. – Да что у нас общего с китайцами-то, мать их?

– Я не знаю, что общего, – сказала она ошарашенно, потому что, упомянув китайцев, и сама вроде как немного испугалась и заговорила сдержанным голосом, – но они сразу же согласились принять нас, но после выполнения их условия. Думаю, ты понимаешь, какого.

– Нет, не понимаю. Какого же? – сказал он, но, догадавшись, схватился за голову и завопил: – Только не это! Я не хочу даже и думать, что мы и на это согласились! – Бедняга ронял крупные слезы с высокого ясеня, орошая жаждущую траву внизу.

– Согласились, поверь мне. Как попки. Мы же спецы по выполнению всяческих требований, так ведь? По распоряжению правительства мы согласились, чтобы нам сделали косые глаза! А ты что думаешь, почему я такая? – она повернулась к нему, и он ощутил на своей мордочке ее дыхание, пахшее свежим мхом. – Погляди на меня внимательнее! Видишь, у меня только один глаз косой? Как раз утром я отправилась в судебную палату, где мне должны были скосить и второй, но тут меня сбила машина и я реинкарнировалась в ласку с одним косым глазом! Может, и не заметят, когда мы войдем в Китай, – сказала она с тревогой. – Как думаешь, а?

Чаирчанец сидел на ветке, ошеломленный, онемевший и потрясенный, и думал. Перед его глазами проносилась вся его первая, смешная, жизнь, потом вторая... Ему показалось, что он просидел на ветке, съезжившись, целую вечность. Наконец, по-видимому, что-то осознав, он повернул голову к небу и сказал:

– Господи, прости меня за то, что посмел мыслить в глобальном масштабе, что вмешивался в твои дела и критиковал твои действия. Я был не прав! Воистину никто не ведает путей твоих и никто, кроме тебя, не знает, что лучше для мира и для людей! Теперь я буду заниматься только своим делом и радоваться жизни, которую ты мне дал, пусть и виде обычного маленького чаирского зверька!

Потом лапкой притянул испуганную подругу к себе, обнял ее, а под утро они залезли в безопасное дупло в стволе ясеня в чаирском парке.

Вскоре он радовался как ребенок, когда, преодолев неопытность, понял, как ласки занимают любовью.

ПРОЗА

Татьяна Попова

(МОССАЛИТ, Москва)

ГНЕЗДО

– Яся, я больше не могу.

Лена повалилась на бок и закрыла глаза. Яся оглянулась, посмотрела на подругу, на петляющий между елями и кустами подлеска след от лыж, так непохожий на накатанную лыжню. Она знала, что стоит только на миг остановиться, рухнуть в мягкую снеговую перину – и уже не встанешь. Но не было сил убеждать в этом Лену. И себя – тоже.

Когда после завтрака на студенческой турбазе отправились кататься с горки, в синем небе сияло солнце, больше похоже на майское, чем на февральское. На крутом речном склоне было много народу.

– Давайте на тот берег рванем, – предложил Антошка, – в паре километров, в лесу есть озеро и домик, где рыбаки зимой греются и уху варят. Мы с отцом там часто рыбачили. Мужики нас ухой угостят.

Недолго думая отправились в путь. Антошка не обманул: минут сорок хода по лесной целине – и вот оно, озеро, и домик, и рыбаки, среди которых оказались и Антошкины знакомые, веселые и навеселе. Рыба уже была выловлена, на дощатом столе дымился котелок с ухой и стояли початые бутылки водки. Гостям обрадовались, радушно пригласили присоединиться к компании.

– Не нравится мне это, – шепнула Ясе и Оле Лена, – надо увести ребят, пока не поздно.

– Да ладно тебе, – улыбнулась разбитная Оля, – никто насильно никого пить не заставляет. И парней не так-то просто увести. Ничего, посидим немного, пообщаемся – и домой.

Оля уселась на скамейку рядом с Антоном, на которого давно уже положила глаз. Лена стояла в дверях, не расстегнув куртку, не сбросив капюшон и не сняв варежки. Яся, самая младшая в компании, растерялась. Здоровенный усатый парень, заметив замешательство девчонки в белой шапке с помпоном, направился к ней, улыбаясь во весь рот: «Иди сюда, Снегурочка, я тебя отогрею!» Яся вылетела из домика, Лена – за ней.

Только теперь они заметили, как изменилась погода. Небо посерело, солнца как не бывало, начался снегопад. Снег ли завалил лыжню, или девчонки сразу пошли не в ту сторону – неизвестно. Только вот уже три часа они бродят по лесу, но так и не вышли ни к реке, ни к турбазе, ни к какому-нибудь жилью.

Лена лежала, не шевелясь, снег заметал куртку, оседал на выбившихся из-под капюшона волосах, на длинных ресницах. Яся отбросила в сторону палки и села рядом. «Почему-то совсем не холодно, – подумала она, – тепло, даже жарко. А, это от печки. Кажется, она называется буржуйка. Пахнет ухой. Я не люблю рыбу, но эта уха вкусно пахнет. Только зачем усатый парень так противно улыбается? И почему в ухе – живая золотая рыбка? Надо вытащить ее из ухи, чтоб

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

не погибла!» Яся опустила пальцы прямо в кипящую уху, обожглась, отдернула руку и открыла глаза.

Снег, снег, снег. Все белое, только красная куртка Лены кое-где просвечивает из-под снежного покрывала. И еще какое-то голубое пятнышко там, где лежат брошенные палки. Пятнышко пошевелилось, подпрыгнуло и превратилось в нежно-голубую птичку.

Яся никогда раньше не видела таких чудесных птиц. Размером с синичку лазоревку, но хвост длиннее, и вся – ярко-голубая, с темно-синим хохолком и блестящими черными глазами. Птичка прыгала по снегу, лукаво посматривая на Ясю. Взлетела, сделала круг над девчонками и уселась на мех Лениного капюшона. Засвистела тоненьким голоском и клюнула Лену в щеку.

Лена открыла глаза. Птичка, испугавшись движения ресниц, отяжелевших от подтаявших снежинок, перепорхнула на ветку маленькой елочки.

– Где мы? – сиплым голосом спросила Лена.

– В лесу, – ответила Яся и, с трудом поднявшись, протянула руку подруге, – вставай, скоро стемнеет, нам надо поскорей вернуться и отогреться.

Помогая Лене встать, Яся заметила, что птичка скрылась за высокими соснами справа от лыжни. Взяв палки, Яся повела подругу туда, куда полетела голубая птица. Странно, но Лена шла довольно бодро, да и Яся уже не чувствовала ни тяжести в ногах, ни безразличия, ни страха. Через полчаса они вышли к реке. Смеркалось, на другом берегу светились огоньки турбазы...

...Ясю измучила бессонница. В половине пятого, отчаявшись, она поднялась, выпила кофе, убрала и без того чистую комнату. Казалось, камень в груди давит и мешает уснуть. Предчувствие? Нет, об этом лучше не думать. Муж – там, откуда многие не возвращаются, а мысли, говорят, материальны. Муж... Яся и к слову этому не успела привыкнуть. Все так быстро случилось, как в сказке: встреча, любовь, свадьба. Только в сказках у богатых был выбор из трех дорог, а у новоиспеченных офицеров выбора не было. И у их жен – тоже.

Дела переделаны, на улице рассвело, на сердце по-прежнему тяжесть. Пора на работу. Может там, среди людей, станет легче. По дороге к автобусной остановке, в маленьком сквере, Яся вспугнула стайку птиц. И вдруг остановилась, не поверив своим глазам. Снегирь среди неприметных воробьев? Снегирь? В апреле? Да и снегирь ли это? Но птичка уже вспорхнула и исчезла.

Через неделю вечером раздался звонок, междугородный. С того дня, как Сергей уехал в командировку, Яся возненавидела неожиданные телефонные звонки, но сейчас она не боялась взять трубку. Знала – звонок принесет радость. Потому что уже неделю она прекрасно спала ночью и не чувствовала тяжести на сердце днем.

– Яся! Это я! Я в Ташкенте, послезавтра буду в Москве.

Про весеннего снегиря Яся мужу так и не рассказала, забыла. И он не рассказал ей о том, как был ранен. Он шел по горной тропе первым. Снайпер промахнуться не мог, уж очень удачное место для выстрела, тропа как на ладони. Сергей не сразу вспомнил, что случилось, но и вспомнив, не знал, что – правда, а что – игра воображения. Птица точно выпорхнула у него из-под ног, он от неожиданности отшатнулся, пуля попала не в грудь и не в живот, а в предплечье, навывлет. Но там, в горах, не водятся попугаи, не могла та птица быть ярко-алой...

... – Коля, Юля, Сережа, идите скорее сюда!

– Янина Станиславовна, что случилось?

Невестка прибежала первой, за ней топали мужчины. Яся жестом призвала всех к молчанию и показала на экран. Сын недоуменно переглянулся с женой, а Сергей, взглядевшись в лицо мужчины в белом халате, отвечающего на вопросы ведущего ток-шоу, сказал сыну:

– Коля, это ведь тот врач, что тебя спас, когда тебе пять лет было. Он тебе операцию сделал, по новейшей методике.

Юля, зная от свекрови историю чудесного спасения своего будущего мужа, взяла Николая за руку.

– Но почему вы все-таки решили стать врачом? – допытывался ведущий. – Ваш отец – литературовед, мать – скрипачка. Как возник у вас интерес к медицине?

– Тут замешана птица, – улыбнулся врач.

– Птица? – растерялся ведущий. – Какая птица?

– Зеленая. Если быть совсем точным – зеленый дятел. Мне тогда лет десять было, мы отдыхали на даче. Мальчишки нашли где-то подлётка зеленого дятла. То ли кошки его помяли, то ли сами мальчишки, но дятел был еле жив. А я его спас. И крыло сломанное вправил, и выкормить сумел. В общем, хотел стать Айболитом, а стал простым хирургом...

... – Славка, как же я рада, что ты смог приехать! Да еще на Новый год! – Яся поцеловала брата в седую голову. – Спасибо за подарки, они чудесные! А игрушки...Ты меня прямо в детство вернул.

– Малышке они тоже, похоже, нравятся, – Вячеслав с любовью наблюдал, как Янина пятилетняя внучка, Аришка, рассматривает, перекладывает и осторожно вешает на елку привезенные им старые игрушки.

– Бабушка, дедушка Слава, посмотрите, что я нашла! – Аришка держала в одной руке маленький сундучок, а в другом – три перышка. Зеленое, красное и голубое. – Я нечаянно открыла сундучок, а там перышки.

Яся смотрела на перышки, пытаясь припомнить что-то очень важное, но давно и прочно забытое...

...Обиженная Яся сидела на полу и смотрела, как в темнеющем за окном детской небе кружатся снежинки. Она могла бы, пока никто не видит, забраться на широкий подоконник, посмотреть, гуляет ли во дворе подружка Катя, не разрушена ли еще мальчишками снежная крепость, не возвращаются ли с елкой папа и Славка. Но Ясю, несмотря на все просьбы и уговоры, не взяли на елочный базар, не позволили самой выбрать елку. «Там много людей, инфекции полно, ты и без того без конца болеешь, не хватало еще в праздники...» Можно подумать, Славка никогда не болеет! Ну и пусть, пусть сами покупают, ставят и украшают свою елку. Яся ее и видеть не желает! Так и просидит на полу до самого Нового года.

Зазвенел звонок, клацнул дверной замок.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Яся, ты только посмотри, какая чудесная елка! – позвала мама.

– Я выбирал, – похвастался Славка.

– Мы и гирлянду новую купили, – весело отчитался папа.

Ясе хотелось посмотреть и на елку, и на новую гирлянду, но обида не пускала ее в прихожую. И в большую комнату, куда из прихожей перекатилась веселая елочная суета, тоже не пускала.

– Яська, – дверь в детскую открылась, в комнату ворвался Славка, – ты что, заснула? Иди скорей, а то без тебя елку нарядим!

Яся хотела сказать, что не собирается наряжать елку, но через распахнутую Славкой дверь в детскую проник запах хвои. Яся, словно заколдованная, встала и, оставив на полу детской обиду, вошла в гостиную.

Мама не обманула: елочка, и правда, оказалась чудесной. Не слишком высокая, пушистая и пышная, как на старинных открытках, которые так нравились Ясе.

– Яся, выбирай игрушку, ты же всегда первая начинаешь украшать нашу елочку, – сказал папа.

Яся подошла к старому чемодану, в котором прятались под ватой игрушки, и, немного подумав, взяла девочку в сверкающей блестками шапочке. Теперь надо постараться повесить игрушку так, чтобы она и видна была хорошо, и не упала. Яся раздвинула колючие ветви и...

– Ой!

– Что случилось? – встревожилась мама. – Укололась?

– Нет, не укололась. Мама, тут... гнездо!

Да, было чему удивиться! Не только маленькая Яся, но и мама, и папа, и даже бабушка с дедушкой никогда раньше не находили на новогодней елке самое настоящее гнездо. Какая-то неизвестная птичка свила его у ствола елочки, надежно прикрепив к основаниям веток.

– Какое оно красивое, – восхитилась Яся, – жаль только, что пустое.

– А ты что, хотела, чтобы там яйца лежали? – засмеялся Славка. – Или птенцы сидели?

– Хотела, – серьезно ответила Яся.

– Вот только яиц и птенцов нам не хватало, – сказала мама. И, посмотрев на папу, добавила: – Что делать с гнездом? Наверное, надо выбросить, мало ли какая в нем может быть инфекция...

Но договорить про инфекции маме не дали. Яся и Славка хором закричали, что никому еще не доставалось такого счастья под Новый год и что выбрасывать гнездо нельзя ни в коем случае.

– Не думаю, что гнездо опасно, – поддержал детей отец, – мы же его есть не собираемся. Пусть остается.

И гнездо осталось. Елку нарядили, и теперь разглядеть гнездо за игрушками и мишурой стало еще труднее. Но Яся знала, что оно там, в пахучей елочной глубине, и ей казалось, что в их доме поселилось чудо.

Вечером пекли елочные игрушки. Как и год назад, замесили соленое тесто, потом Яся и Слава раскатали тонкие лепешки. Мама ловко нарезала специальными формами для печенья сердечки, грибы, полумесяцы, звездочки и цветы. Слава решил сделать Деда Мороза и Снегурочку, но у него ничего не получилось: тесто – не то, что пластилин, из него труднее лепить. В результате вышли два смешных снеговика.

– Ничего, раскрашу белой краской, на головы надену ведра из фольги, будут как настоящие, – заявил Славка, втыкая кусочки красной проволоки вместо морковок.

– Хорошо получилось, – похвалила мама, – а ты, Яся, что сделала?

– Яички, – сказала Яся и положила на противень три маленьких яйца.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Почему именно яички? – удивилась мама. – И почему не сделала дырочку для ленточки или нитки? Как ты повесишь их на елку?

– Я не буду их на елку вешать. Я их в гнездо положу. Чтобы оно не было пустым.

Мама пожала плечами, но ничего не сказала. Зато Славка нашел повод для новых шуток.

– Представляю, кто у тебя выведется из тестяных яиц. Булки и пирожки.

– А мне кажется, Яся правильно придумала, – поддержал дочку папа, – я тоже считаю, что гнездо не должно оставаться пустым. Грустное зрелище – опустевшее гнездо. Как дом, в котором никто не живет.

Яся очень любила раскрашивать игрушки из теста. Она сделала сердечки красными, цветы – синими с желтыми серединками, месяцы – золотыми, звезды – фиолетовыми. Даже грибы получились разноцветными. Славка не пожалел белой краски для своих снеговиков. И только до трех яиц еще не дотронулась кисточка.

– Яся, уже поздно, пора спать. Раскрашивай скорее яички, убирайте краски, – сказала мама

– Мама, я не могу решить, какого цвета должны быть яйца. Мы же не знаем, чье это гнездо.

– Не знаем, – согласилась мама, – поэтому можешь раскрасить как хочешь.

– Покрась белым, – предложил Славка, – как будто это снежной птицы гнездо.

Но Яся не послушалась совета брата. Одно яйцо она покрасила зеленой краской. Второе сделала голубым, как летнее небо или цветок незабудки. Самым ярким, алым, получилось третье яйцо.

К утру краска на игрушках высохла. Слава поставил снеговиков под елку. К звездочкам, месяцам, грибам, сердечкам и цветам мама привязала разноцветные ленточки. Часть игрушек повесили на елку, остальные приготовили для подарков друзьям. А яички Яся уложила в гнездо.

Ох, какая же чудная эта новогодняя ночь, какая веселая и вкусная! Гости, игры, забавные конкурсы! А подарки, которые Дед Мороз и Снегурочка каким-то волшебным образом подложили под елку!

Глаза у Яси уже слипались, но она упрямо отказывалась идти спать.

– Хорошо, – схитрила мама, – не хочешь спать, просто лежи в кровати, отдохни, а мы пока уберем со стола и приготовим комнату для новых игр.

Яся поняла, что на новые игры у нее и вправду не осталось сил, и через пятнадцать минут уже спала сладким сном. И Слава спал, а папа с мамой вышли из гостиной. Поэтому никто не видел, как в ветвях елки вдруг вспыхнули и тут же погасли три огонька.

В первый день нового года раньше всех проснулась Яся. Сначала она пересчитала подарки, найденные накануне под елкой, и с облегчением вздохнула: все на месте, волшебство не рассеялось, и ей не приснилось, что Дед Мороз расщедрился на чудесные коньки, новое платье и куклу с приданым. Яся хотела поиграть с куклой, но вдруг, о чем-то вспомнив, побежала, стараясь не слишком громко шлепать тапками, в гостиную. Яся, звякнув игрушками, развела ветви елки и заглянула в гнездо. Она, никому не признаваясь, мечтала о том, что в новогоднюю ночь из ее яичек волшебным образом вылупятся настоящие живые птички. Но, увы, в гнезде не было ни птичек, ни раскрашенных яиц из соленого теста. Только три маленьких перышка, зеленое, голубое и ярко-красное, лежали на дне гнезда.

Яся всхлипнула, но сдержала слезы. Ими не поможешь горю, только маму разбудишь. И мама не поможет, а Славка только посмеется над Ясиной бедой. Яся вытащила перышки из гнезда и, немного подумав, спрятала их в сундучок. Только Яся знала, что эта старинная елочная игрушка – с секретом, что маленький сундучок, умещавшийся на Ясиной ладони, открывается, если нажать в нужном месте на крышечку. Яся повесила сундучок на елку и вернулась в детскую...

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

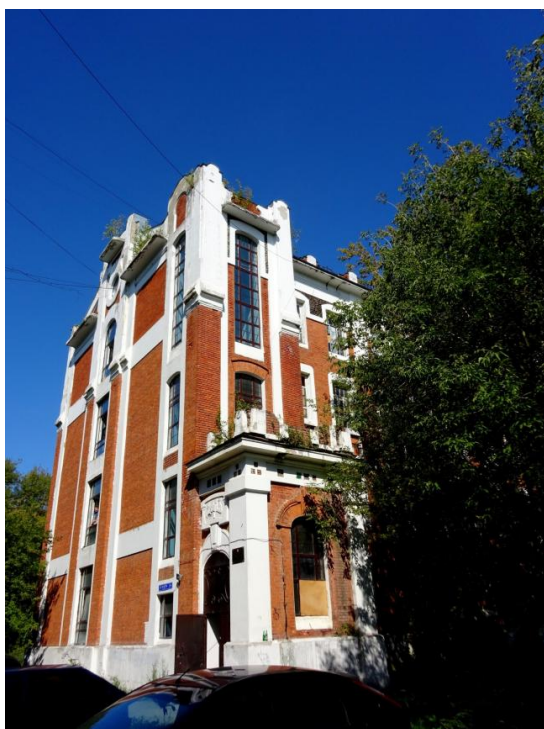
ИВАН ПОМНЯЩИЙ

Если загнать человека в тесный угол обстоятельств, то в нем может проснуться способность к мозговому штурму, как модно сейчас говорить в корпоративно-офисной среде, а проще говоря, он проявит смекалку. Так было во все времена, так будет и впредь.

В царской России беглых каторжан или крепостных крестьян при поимке допрашивали, пытались узнать у задержанных имя и историю. Те косили под дурачков и ссылались на то, что не помнят своего имени и родства. В полицейских участках их записывали как «Иван, не помнящий родства» (юридический термин того времени).

Чуткий к нюансам русского языка М. Е. Салтыков-Щедрин использовал прозвище «Иван Непомнящий» по отношению к беспринципным литераторам: «Без идеи, без убеждения, без всякого понятия о добре и зле, Иваны Непомнящие... щеголяют отсутствием убеждений и во всеуслышание объявляют, что ни завтра, ни послезавтра не намерены стесняться никакими “узами”» (из книги «Мелочи жизни» М. Е. Салтыкова-Щедрина).

В современной трактовке фразеологизм «Иван Непомнящий» обозначает человека без убеждений, без уважения к культуре и традициям своего народа, к его истории.

Дом для рабочих

Английский дух и схожий с английским Манчестером образ Богородск приобрел в начале 1900-х, когда управляющий Богородско-Глуховской мануфактуры – правнук известного русского купца и мецената – Арсений Иванович Морозов начал активное строительство уникального социально-бытового комплекса для рабочих и служащих текстильной фабрики. Городская инфраструктура и промышленные предприятия, которые молодой Арсений увидел в Манчестере, куда его отправляли изучать текстильное дело, понравились ему настолько, что он решил взять их за образец. Именно Морозову город обязан появлением железнодорожного сообщения, жилых домов для рабочих и служащих фабрики, больничного городка, школы и училища, церкви, аптеки, велодрома (предшественника современного велотрека). Удивительные вещи часто обнаруживаются там, где их совсем не ждешь. Оказалось, что неподалеку от российской столицы пытается выжить

Дом-музей Морозовых

«подмосковный Манчестер», запряганный в неприглядную оболочку имени Ногинск. Когда-то он назывался Богородск.

Многочисленные жилые дома, построенные Морозовым в 1906–1907 годах, до сих пор используются по назначению. Три каменных многоэтажных дома-красавца на современной улице 8-го Марта поражают воображение архитектурными формами и «начинкой», существующей со дня их постройки: системой канализации, центральным отоплением и даже

вентиляцией. Похоже, что за сто прошедших с момента возведения лет капитального ремонта они не знали. У того дома, в котором по сей день живут горожане, не очень давно побелили некоторые детали фасада, отчего дом выглядит значительно свежее своих собратьев. А вот два других, отданных под психиатрическую лечебницу, обзавелись только решетками на окнах. Видимо, больным внешняя эстетика ни к чему.

Сам Арсений Иванович с женой и семьей детьми жил в расположенной недалеко от фабрики усадьбе Глухово (ныне городской Глуховский парк). Дом для семьи Морозовых был построен по проекту и под руководством известного архитектора А. В. Кузнецова. Одноэтажное, с подвалом и мансардой на поперечной оси, здание являлось образцом позднего московского модерна, восходящим своими принципами построения к эстетике английских коттеджей. Похоже, Англия не хотела отпускать Арсения Ивановича.

Это все история – и по времени, и по существу: история человека, который не жалел личных средств на развитие города и делал мир вокруг себя лучше. Не требуется особого воображения, чтобы нарисовать картину того, что случилось с городом, фабрикой и людьми после 1917 года. Упомяну только, что Морозову и его жене выделили одну комнату в его же доме, чтобы он мог дожить там свой век. Умер Арсений Иванович Морозов в 1932 году.

Во времена Советского Союза многие десятилетия (до начала 1980-х) в доме Морозовых размещался детский сад. Позже там располагался Дом самодеятельного творчества. Когда же система отопления в доме, построенном в 1907 году, вышла из строя, здание было заброшено и стало быстро ветшать. И стоять бы ему с разбитыми окнами, разломанным крыльцом, с обезображенными похабными надписями стенами, если бы не нашелся человек, которому было не все равно.

На подходе к 50-летнему жизненному рубежу многие люди (по крайней мере, думающая их часть) начинают подводить промежуточные итоги и задумываются о том, что оставят после себя. Возможно, так случилось и с Вячеславом Васильевичем Фомичёвым, депутатом Госдумы от Московской области, а прежде – депутатом Московской областной думы. Может быть, стимул был другим – угадать трудно. Но главное в данном случае – результат: усилиями Фомичёва архитектурный и инженерный облик дома Морозовых был возвращен из небытия. Воскресший дом превратился в Дом-музей семьи А. И. Морозова. Сейчас там проводятся экскурсии, творческие вечера, литературные гостиные.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

Вот как описывается процесс восстановления дома Морозовых на сайте музея: «Работы начались в 2016 году. В ходе реконструкции строго соблюдались принципы исторической аутентичности. Максимально сохранены и восстановлены архитектурные новации А. Кузнецова. Прделана огромная работа по восстановлению световых фонарей, системы вентиляции и печного отопления – уникальных памятников инженерного гения архитектора. Коллектив мастеров состоял из специалистов разного профиля: от каменщиков, печников и столяров

Голубка

до архитекторов и краеведов – более 60 специалистов трудились над восстановлением архитектурного и инженерного наследия Московской области. Мебель в доме подобрана в соответствии с исторической эпохой. Собраны документальные и фотоматериалы выдающихся промышленников Морозовых».

2 сентября 2021 г. в Санкт-Петербурге состоялось торжественное награждение лауреатов престижной Всероссийской историко-литературной премии Александра Невского, принявших участие в конкурсе в 2020 году. Одним из лауреатов стал Дом-музей семьи А. И. Морозова. Победа была одержана в специальной номинации «Наследие» конкурса музейных мемориальных проектов. Дому-музею были вручены диплом и премия за вклад в дело сохранения исторического наследия России.

Этот проект Вячеслав Фомичёв финансировал из своих личных средств. Сколько денег потребовалось для того, чтобы дом возродился из руин и стал таким красавцем, каким был сто лет назад, трудно даже представить. Не стоит заглядывать в чужой карман, хотя соблазн может пересилить: Фомичёв был признан самым богатым депутатом Московской области в 2019 году, обнародовав официальную декларацию о доходах. Это не наше дело. Меценат, за свой счет восстановивший красивейшую усадьбу, заслуживает благодарности. Кстати, сейчас Фомичёв занят каким-то новым проектом по восстановлению исторического объекта, и тоже – на свои деньги. Жива в этом человеке потребность делать добро. Он помнит свое имя и родство, уважает культуру и историю своего народа.

В психологии есть специальные термины: историческая память и культурная память, – тесно связанные между собой. Приведу две цитаты из научных работ. Первая: «Историческая память – не просто канал передачи сведений о прошлом, это важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом». Вторая: «Культурная память в противоположность коммуникативной не распространяется сама собой, а нуждается в специальной заботе». Дай бог, чтобы людей, заботящихся о культурной памяти России, было как можно больше.

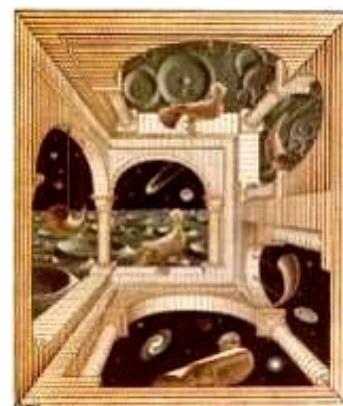
При Доме-музее А. И. Морозова живет белая голубка. Никто не помнит, когда именно она появилась, но с той поры она никуда не улетает. Перебегает дорожки в саду, перелетает с перил крыльца на выступ мансарды, следуя за экскурсионной группой. Разрешает себя фотографировать, но слишком близко не подпускает – отлетает в сторону. Сотрудники музея относятся к ней с особенной теплотой – оберегают и подкармливают. Мне почему-то подумалось о душе дома. Может быть, это она и есть?

ПОЭЗИЯ

В этом номере рубрика посвящается Евгению Агуфу...

*Когда друзья напишут обо мне,
Что был до неприличья ироничным,
Скорей всего, мне будет безразлично,
Верней, меня уже не будет лично
На скучной без иронии земле....*

Е. Агуф

Евгений Агуф

(МОССАЛИТ, Москва)

Когда наступит осень, я умру

Когда наступит осень, я умру...
не сразу, не всерьез и не надолго...
чтоб не вставать, когда темно и волгло,
и не жалеть березку на юру,
не плакать в заплутавшие рассветы,
не обнимать полуденный закат –
пусть будет хуже, лучше или так,
но без меня; а я умру до лета...

не трогайте, оставьте на диване
оплакивать несчастную судьбу
и ждать, когда в безвременье уйдут
остатки света и воспоминаний,
где солнце веселилось поутру,
взлетая в небо с крыши старой школы...
сочится дождь сквозь облачные шторы,
смеясь до слез, что я опять умру.

Осенний неформат

Остывает вчерашний зной
В изумруде сырых обочин.
Осыпает ночной росой
Непокорную зелень осень.
Теплым кажется прошлый день
Сквозь прохладу уснувших улиц
Из двора, на луну прищурясь,
От качелей шагает тень.
Спит от бега уставший город,
Завернувшись в прохлады полог,
На упавшей к ногам листве
Пишет осень стихи себе.

За унылостью строк косых,
И дождей, и тетрадок первых
Вспоминаю училок злых,
На кулак мне мотавших нервы.
Вопреки ожиданиям их,
Я пишу, иногда неплохо,
Наслаждаюсь стихами Блока,
Маяковского и других...
Позади озорное лето,
Скоро осень – пора поэтов.
Листья бьет седина и дрожь...
И сентябрь на весну похож.

Мне снится сон...

Мне снится сон...
 Взрывных объятий полог
 Скрывает трепет танца нежных рук,
 А в танце – боль из будущих разлук
 И прошлых недосказанностей ворох.
 Мне снится сон, где нет пути назад,
 В нем все сбылось, о чем давно мечталось,
 И счастье, как осознанная данность,
 Со мной во снах, чему безмерно рад.

Мне снится сон...
 Пьянящий, как нескромность.
 Скромнее, чем преодоленный стыд,
 Что с шелком простыни с плеча скользит,
 Нежнее, чем не сбывшаяся робость.
 В нем женщина, томления полна,
 Скрывая страсть за легким взмахом пальцев,
 Пьет поцелуй из алчных губ скитальца,
 Глотая смерть любовного вина.

Поговорить бы с Ним

Поговорить бы с Ним о том, о сем,
 По-свойски, с коньячком и чашкой кофе...
 Пусть Он тогда с меня за все и спросит,
 А я – как на ладони, как с отцом.
 Я даже знаю, что и как Он скажет –
 Что надо было... Разве же я знал...
 Как не хватает дня... и дел завал –
 Кто не успел, упал и умер даже;
 И смелости признать свои ошибки
 Хватает, но кому она нужна...
 За всяким взглядом скука иль нужда,
 Да и открыться – это как-то слишком.
 Мне в душу, как в раскрытое окно,
 Бывало, даже близкие плевали...
 Кому нужны чужие-то печали,
 Когда своих у каждого полно!..
 Наверно, Он не сможет мне помочь...
 Но мы хлебнем от солнца по глоточку
 Свободы, что горчит коньячной бочкой,
 Чтоб просияла правдой эта ночь,
 Где истина проста, как чашка кофе,

Где мы вдвоем и, будто ни о чем,
 Доверчиво и просто, как с отцом...
 Где правда в каждом слове, в каждом
 вздохе.

не дай вам бог идти навстречу мне...

...а я как раз все больше о войне –
 она не началась, но ходит рядом,
 я слышал звон – иудина награда
 нашла карман в гнетущей тишине;
 не дай вам бог идти навстречу мне,
 когда мне кто-то выстрелит в затылок...
 мне кажется, со мной такое было
 на той незабываемой войне.

Коньяк одиночества

Накрылся август серым сентябрем,
 Как выцветшим зонтом из антресоли.
 Тщедушный луч в межоблачный проем
 Скользнул и стал мне другом поневоле.
 Гадюкино. Дождей на год вперед
 Синоптики опять наобещали...
 Старееет лес холодными ночами,
 И я уже, конечно же, не тот.
 Хочу домой, в тепло, под одеяло,
 Махнув без церемоний коньяку.
 Коньяк и в одиночку пить пристало,
 А вот без церемоний... Не могу!

Какое, к черту, одиночество,
 Какой коньяк, какими кружками –
 Друзья приперлись с раскладушками,
 Чтоб скрасить серость бытия;
 А дождик незаметно кончился,
 С похмелья солнце робко топчется...
 А мы, сжевав остатки ростика,
 Пьем на троих – конь, як и я.

Диалоги сердца

Деля с друзьями счастья куличи,
 Рубаху-сердце рву на диалоги,
 Но срок настанет подвести итоги
 У одиноко плачущей свечи;
 И спросит Он, касаясь струн души,
 О чем мечтал наедине с собою,
 Чего просил, перед свечами стоя,
 Когда из церкви выйти не спешил,
 Где грусть икон, сливаясь в стройный хор,
 Под крылья свежим ветром проникала,
 А гнет из повседневных ритуалов
 Не отпускал в подкупольный простор,

Где в одиночку каялся в грехах,
 Чтоб налегке вернуться к диалогам
 С любимым другом или вечным Богом.
 ...а жизнь несет, как бурная река.

Расставаться легко...

Из полунамеков, штрихов и теней
 на лето легло покрывало,
 а дни все короче, а тени длинней,
 и до горизонта так мало.
 Он близко, хоть мы не торопим его,
 не думай, что там бесконечность.
 Живи, не боясь расставаться легко,
 И только влюбляйся навечно.

Вальс «Возвращение»

Из охрипшей от злой непогоды бесцветной Москвы,
 От продрогшей под небом балтийским роstralной колонны
 Улетим, убежим, растворимся и канем в мечты –
 Пусть тоскуют ветра на безлюдных просторах Поклонной.

И за краем небес,
 Разомлев от тропической неги,
 Вдруг до слез заскучаем о снеге
 И вернемся к себе.

Нам уютным покажется зимний седой Петербург,
 И приветливой выглядеть станет московская слякоть.
 Нас обнимут проспекты, и улочки к жизни вернут,
 И поверим, как дети, прогнозам и глупостям всяким.

А за краем небес,
 Утомившись от солнца и неги,
 Кто-то снова мечтает о снеге
 И замерзшей Неве.

А когда после долгих раздумий вернется июнь
 И жара поползет по обочинам слизывать влагу,
 К прошлогоднему снегу, пожалуйста, нас не ревнуй –
 Возвращаемся в город родной и всегда ему рады.

Мы за краем небес
 Пару дней поскучаем о лете
 На заснеженном гордом Чегете
 И вернемся к тебе.

ПОЭЗИЯ

Галина Булатова
(Казань)

Горошина

Обычная горошина,
Племянница кусту,
Я кем-то в землю брошена,
И вот – себе расту.
Но чья душа мне дадена,
Судьба вздыхать о ком,
Цепляясь за оградину
Зеленым стебельком?
Какому дню назначена
Средь заросли густой,
Обожествляя ржавчину
До вязи золотой?
Живу, дай бог, не овощем
На крохотном клочке,
А все мое сокровище
В зажатом кулачке.
Господь надкусит бережно
Стручковое ребро:
– Ну, здравствуй, королевишна,
Хранящая добро!
Храни и дальше, матица,
На много-много лет,
Пока по кругу катятся
Горошины планет.

Юбилей

Уж если за слово и браться,
то чтоб донеслось до Уфы,
чтоб чувствовать сестринство, братство,
взойдя на подмостки строфы.
Взыскующий духа – весь мир, но –
чтоб стол и на нем пироги,

чтоб слышалась речь клавесина
в антракте весомой строки.
Осанну воздать чужестранке,
а впрочем, не надо шумих.
Пусть важная грамота – в рамке,
а все остальное без них.
Стихи и счастливые числа
раздать и идти налегке.
И яблоко свежего смысла
познать –
на своем языке.

Читаю капли на стекле,
Дышу на светлые дорожки.
Автобус едет в декабре –
И тот пустой, и тот порожний.
Светает нехотя: невмочь
От сна оправиться природе.
И дольше века длится ночь,
Но все же новый век приходит.
Из голубого забытья
Сочится в окна он и двери,
И оборачиваюсь я
На мрамор и венки империй.
А путь до горизонта бел –
Так пусто будет в мире целом,
Когда останусь не у дел
Я черной веточкой на белом.
А тот, кому она цвела,
Осиротевший и бездомный,
Сотрет с холодного стекла
Письмо озябнувшей ладонью.

Нежному Нижнему – из Казани

Скоро зима. Я давно безнадежнейший мистик:
 Все превратится в золу и рассыплется в прах.
 Снег с аппетитом глотает зеленые листья –
 Те, что еще не успели увянуть в садах.
 Но ведь и я ничего рассказать не успела –
 Осень в своей кочегарке поэзы сожгла...
 Желтый, зеленый и красный венчаются белым,
 Господи, как же корона твоя тяжела.
 Пухнет земля, прирастая опавшей печалью –
 Плотью и кровью кленовой, костями ветвей.
 Все породнится с подземною речкой Почайной
 И обернется ночью Покровкой твоей.
 Мир, златоустым и трепетным некогда слывший,
 Сжался сегодня до вороха жалких листов...
 Колокол нашей Варваринской будто бы слышал
 Нижегородской Варварской потерянный вздох...

Дойдя до точки невозврата

О одиночество привата,
 Луновеликая жена,
 Я чем-то очень виновата
 И вряд ли буду прощена.
 Солнцеподобные рычали,
 Луновеликие несли,
 За бесприютными плечами
 С щеки взлетали журавли...
 Но я была другому рада:
 Дрожанью шины под ногой,
 Цветным огням Димитровграда,
 Строе, гудящей и тугой,
 И в раме лужи привокзальной
 Автопортрету фонаря,
 И сбившемуся под Казанью
 Сердцебиенью октября.
 Дойдя до точки невозврата,
 Пространство разрешилось мной,
 Той, что прекрасно виновата
 Своей немислимой виной.

Не хочется о мелком. Преходящи
 парад белья ручного полосканья
 в краю тазов и царстве безутюжья,
 и перекличка трещин потолка.
 Комоды – заговорщики: их дверцы
 уж если открываются, то напрочь.
 Отставить ножку так и норовит
 веселое вольтеровское кресло.
 Не хочется о мелком. Преходящи...
 А вот о том, что, выходя из дома,
 забыл обнять... Осиротели плечи,
 и каменный удав глотал ступени,
 где миг тому твоя скользнула тень.
 Когда же стены сжали горло дома,
 он форточку сумел открыть наощупь,
 и желтый томик модного поэта
 взяла в ладонь лохматая тахта.
 И белый день уже толкал на прибыль
 стремящийся к нулю предел желаний,
 и вместе с ним пытался дом постигнуть,
 зачем Кибиров пишет о любви.

Тонко синица тинькнет
 На перепутье дня.
 Если весь мир утихнет,
 Ты не буди меня.
 Лето свернулось в кокон
 На годовой ночлег.
 Синим квадратам окон
 Снится из детства снег.

Я была любима

Я была любима.
 И нечаянна.
 Так в пустыне дождь врачует истово
 Деревце поникнувшее, чахлое,
 Что тому уже нельзя не выстоять.
 Я была любима.
 Так иззябнувший
 Тянет руки к радостному пламени.
 Отогревшись и родившись заново,
 Он уйдет в назначенное плаванье.
 Я была любима.
 Мати – дитятком.
 На чужбину выброшенным – родина.
 Вольность луга – алыми гвоздиками.
 Берег детства – керженскими водами.
 Я была...
 Отчаянна и жертвенна.
 Купина твоя неопалимая.
 Я была любима так божественно,
 Что, любя тебя, уйду любимой.

Господня ложка мешает в банке
 Крупицы смысла – а ищут все!
 И мы попали с тобой в болтанку
 На этом чертовом колесе.
 Безумцы, надо же так ввязаться –
 До растворенья, где жизни нет
 У людей, цивилизаций
 И, даже страшно сказать, планет.

Не считая этажи

Начните с чистого листа –
 сейчас, с утра,
 когда обрушит высота
 дожди, ветра,
 и сядет в лужу после дождика
 четверг,
 и сдавит сердце от следов чужих
 поверх,
 когда навстречу шахте, вниз
 несется лифт,
 когда читать устанешь жизни
 мелкий шрифт,
 и остывает на погосте
 «я люблю...»,
 и даже пуговица просится
 в петлю,
 когда случайный под ногой
 кленовый лист,
 краснея, шепотом его
 поднять велит, –
 какое чудо: не считая
 этажи,
 начать с кленового листа
 любить и жить!

ПОЭЗИЯ

Эдуард Учаров

(Казань)

Лобачевского, 12

Вот дом, что не меня короновал, –
Все старит лобачевский переулок.
Под аркой шаг торжественен и гулок,
Как некогда почившие слова
Знакомых древнегреческих софистов.
Под рев и сумасшествие их свиста
Не я ли зданья вылепил овал,
А позже сам творенье не узнал?

Вот дворик, ускользящий во мглу,
Со скрипом притворившийся до щели,
Бессмертным изнывающим кощеем
Качели сторожащий, как иглу,
Что спрятана у первого подъезда, –
На кончике ее трепещет бездна,
Друзей перемоловшая в золу,
Которых я уже не позову.

Вот свет из неумытого окна
Почти не пробивается спросонок,
И силуэт в проеме невесомо
Вытягивает в форточку луна,
Заставленная облаком и ночью,
Как я заставлен буреломом строчек.
Сажусь с бокалом терпкого вина
И сам себя выдумываю я...

На Казанском базаре

здесь, на базаре, в шум и гам,
среди корзин
проходит батюшка к рядам
и муэдзин.

здесь пахнет квасом и халвой –
ядренный дух!
мясник с утра над головой
гоняет мух.

здесь в тюбетейку льют рубли,
звучит баян.
хозяин, старенький али,
немного пьян.

здесь на бухарские ковры
и местный кроль
придут рязанские воры
«сыграть гастроль».

здесь, разложивши короба,
людскую течь
сзывает бойкая апа,
мешая речь.

и нищий ветеран труда,
держась как принц,
займет полтинник навсегда
у продавщиц.

а за углом, проспав обед,
колокола
разбудят звоном минарет –
споет мулла.

Городской диптих

1. Парк Черное озеро

Живешь и печеную осень
Подносишь к измятым губам,
А желтое крошево сосен
Бескрылым хранишь голубям.

Пройдя через арку влюбленных,
Спускаясь за дождичком вниз,
Сквозь цепь искалеченных кленов
Ты озера видишь карниз.

И так обрываешься сердцем,
Что с тяжким пакетом в руках
Торопишься где-то усесться,
У парочки место украв.

Задумчиво и виновато
Твой взгляд переулку открыт –
Пассажу киваешь приватно,
Рассыпав по лавке дары.

И черное озеро примет
(пока ты еще не домок)
Заветное тление «примы»
И пива ершистый дымок.

Вот так вот – сидишь на скамейке,
Корнями ушедшей в погост,
А годы проносятся мельком
В аллеях, где ты произрос;

Где бегал на лыжах и с горки
Ледянками мучил асфальт,
Где летом от корки до корки
Читался мячами офсайд;

Где в марте, отважный и робкий,
В стремнине коварного льда
На досках хоккейной коробки
Ты плыл неизвестно куда...

Сидишь и под баночку пива
Печеную осень жуешь –
И вроде не так уж тоскливо,
И даже как будто живешь.

2. Парк Горького

Крутнешь колесо обозренья,
Поставив мгновенья на чёт –
И выпадет день озаренья,
И сердце стихом пропечет.

За корочкой теплого неба,
Упрямо карабкаясь ввысь,
Ты колокол высмотри слепо
И словом его вдохновись.

Взмывай над тропею овражьем
И над стадионом труда,
Пиши, как заходится в раже
В разбитом фонтане вода,

О старой канатной дороге,
Детьми изнуряющей пляж,
И летнем кафе на отроге,
Взрезающем беличий кряж.

И пусть уничтожена местность,
Но там, где аллеи свежи,
Все так же гранитно-известный
Солдат неизвестный лежит.

На вечном огне отогреешь
Военную память отца
И горькие звезды хореев
Украдкой прогонишь с лица.

В захлебе, мятущейся птицей,
В себе прорастив голоса,
Захочешь на землю спуститься –
А нет под тобой колеса.

Мой Ленин

Мой маленький ленин все еще жив,
Ворочается, не дает покоя,
Достанешь шкатулку, он пионерским
значком уколёт –
Добр и горяч этот миф.

На великах до кремля и обратно,
Пока мама не видит вроде бы,
Футбол во дворе, кино, пляж у мемориала,
Кафе «сказка» и кинотеатр «родина».

Актный зал кгу, скелет белуги,
Клятвы торжественной звуки,
В приветствии вскинуты руки
И алая петля на шее...

Овощной на углу.
Теплый батон и ледяное молоко
Из литровой стеклянной тары
В три часа ночи –
Нет ничего вкуснее.

Первая сигарета «бт» – брат вернулся из
армии,
А папа умер,
Первая реклама, спирт в пакетиках,
Сколько еще в башке моей мумий?..

Затылок прогрызают мыши,
Прорываются в гущу набальзамированных
событий...
Мой дедушка ленин все еще дышит –
Не хороните его, не хороните...

Варваринская церковь

Храм стоит у погоста, напротив,
Над оградами крестик держа,
Напитавшись молитвой и плотью
Приходящих к нему ухожан.

Двести лет над сибирской заставой
Дух крамолы витал палачом –
Это здесь он емелю заставил
По казани греметь пугачом.

Потому ли радищев и герцен
У варваринской медлили тракт,
Что услышан был «колокол» сердцем
И прочитан дорожный трактат?

А мятежный шалыпинский гений,
Оживляя церковный хорал,
Не во время ли тех песнопений
Столь великой судьбой захворал?

Не затем ли крещен заболоцкий
В этих стенах – чтоб бунта чтецы
Троекратно и многоголосо
Освятили в купели «столбцы»?..

М. Ц.

Рахиму Гайсину

Какой виной земля раздавлена
У приснопамятной могилы,
Ведь кама берегу оставила
Ту, что на небо уходила?

Какое же проклятье чертово
Ее догнало в городище,
Что в сорок первом жизнь зачеркнута,
А рваный стих бурлит и свищет?

Какая невозможность лживая
Однажды хлопнула калиткой,
И страшный стон на ворошилова
Закончил то, что было пыткой?

Елабуга цветет цветаевой
И наливается рябиной,
Где горло города сжимаемо
Петлей стихов ее любимых...

Письмирь

Словно в бычий пузырь, из автобусных окон глядишь,
Со стекла оттирая давно поредевшую рощу,
В ней березами всласть напитавшись, молочная тишь
Под корнями осин прячет кладбища грозные мощи.

Проезжаешь письмирь – и становишься ближе к себе...
Через мост и холмы к полысевшему дому у речки
Приникаешь лицом, подсмотрев, как в былинной избе
Обжигает в печи мужичок то горшки, то словечки.

Проезжаешь весьмирь, а в глазах, как в подзорной трубе,
Только узкая прорезь земли под бушующей высью:
Вот распят электрический бог на подгнившем столбе,
Вот сосна полыхает за полем макушкой лисьей.

Позади мелекесс пух гусиный метет в синеву,
Он на спины налип – мы гогочем и машем руками...
Нас, поднявшихся в небо, наверно, потом назовут –
Облаками...

Гавриил Каменев¹⁰

Все от бога: и слово мрачное, и лученье смешливых губ,
Капиталы, дома барачные и дворянства былой суккуб.
Упокой перейдет во здравницу на гортанном наречье мурз –
И не то, что купец объявится, но потомок татарских муз.

То ли азбуки, то ли ижицы – коли черный огонь внутри,
Не читай, что на небо нижется, о бумагу перо не три...
В задыхании – после бега ли за сосновые образа –
Так уколет твоя элегия, словно хвоей метнет в глаза.

На погосте, теперь разрушенном, за кизической слободой,
Прах твой станет могиле ужином, память вытравит лебедой.
Но однажды всплакнет балладою, зовом зыбким зилантов вал –
О зломаре впотьмах балакая, пригрозит, прогремит громвал.

Это мистика, это готика – два столетия псу под хвост...
И классическая просодика на анапест наводит лоск.
Только нет у героя книжицы – наизусть ты его блажи,
Где в бетон закатали хижицы, чтобы каменев пал с души...

¹⁰ Гавриил Каменев (1773–1803) – первый русский романтик; автор первой русской героической поэмы «Громвал».

Москва

Сергею Брелю и Алине Левичевой

Встречай меня, нагатинский затон!
Тебе, экскурсионному халдею,
Пожертвую ногами, но зато
На целый город вдруг разбогатею.

Вот агнец на закланье ноябрю:
Дрожит ручей под колокольным ладом.
Коломенское – я тебя люблю!
Какое счастье быть с тобою рядом...

Вот церковь безмятежна «на крови»,
И вот другая – та, что на кулишках...
А в кадашах, наверно, нет любви,
Раз церковь там считают за излишек.

Вот меньшикова башня бытия
И мандельштам такой же ноздреватый,
Двуликий гоголь, хмурый от питья
(а где тургенев – борода из ваты?).

Дворцы, дома с заплатами палат,
Знакомый дух великой чебуречной,
Где под напевы водочных баллад
Студенты лита говорят о вечном.

Не разорвать бульварного кольца,
Как дружеских не разомкнуть объятий,
Где у перлова – чайная пыльца,
Мы постоим в кругу китайских ятей.

Замоскворечья медленный зажим –
Вот родственный татарский переулок,
К асадуллаевским строениям спешим,
Где голос мой так гулок от прогулок.

Вот с воробьевых – властная рука
Московские протягивает дали...
Течет одноименная река
И в сердце прожигаяще впадает.

Стоит москва. Стою над ней и я,
Столицую окидывая взглядом –
Она теперь такая вся своя,
Что, может, возвращаться и не надо.

Звонарь

Я еще до конца не изучен,
Не испытан на прочность пока,
Но как колокол бьется в падучей –
Я набатом сдираю бока

И плыву в этих отзвуках долгих,
Наблюдая, как с гулом сердец
Проступает над веною волги
Побелевший часовни рубец.

И в малиновом хрусте костяшек
На ветру у свияжских лагун
Прозреваю я голос свой тяжкий,
Но понять до конца не могу.

Бечеву до небес изнаждачив,
Истрепав до полбуквы словарь,
Захожусь в оглушительном плаче –
Одиноко зовущий звонарь.

Дятел

Дятел – разведчик звука,
Родственник молотка,
Сколько ты мне отстукал
Птичьего молока?

Сколько, вещая птица,
Голосу вышло жить?
Сколько мне слов приснится
И прислышится лжи?

Чертова колотушка
Присно пишушим в стол!
Скольким станет ловушкой
Бьющее долото?

Проклятыми листьями
Ты по вискам – в упор,
Если стучать устанешь,
Я подхвачу топор.

ПОЭЗИЯ

Дмитрий Бакаминов (г. Санкт-Петербург)

Виновато шаря по карманам,
оправданий мелочью звеня,
все еще надеюсь, как ни странно,
кто-нибудь помилует меня.

Кто-нибудь разумный, добрый, вечный,
мудро щурясь в призрачную даль,
даст команду больше не калечить.
«Извините, – скажет, – очень жаль!»

А иначе, что же в самом деле?
Будто я был волен выбирать!
Предъявлять претензии ко мне ли
в том, что я, банально, должен жрать.

Это ж кто-то, явно всемогущий,
явно не прикладывая сил,
сидя в райских или в адских куцах,
так нелепо все тут сотворил.

Ведь помнил много способов когда-то
свести себя к двум очень точным датам:
родился – умер. Все, что в промежутке,
забыто, как концовка глупой шутки.

А нынче то ли духа не хватает,
то ль с памятью беда стряслась какая –
не помню, как повеситься, вскрыть вены,
простреленной башкой забрызгать стены.

Мой друг сегодня соскочил
с иглы ли, бонга ли, стакана
и позвонил мне утром рано,
пока еще хватало сил.

Сказал, что все это в гробу
он видел убранном цветами,
что даже если Бог над нами,
он игнорирует мольбу.

Я начал было горячо
втирать ему, что время лечит,
что спад отмены недалече,
и много что наврал еще.

И он согласен был со мной.
А что сказать, дойдя до края?
Уже ли плакаться, считая,
какой теперь платить ценой?

Не так! Пусть бьется существо
в поту, слюнях, соплях и корчах!
Дивись, покуда Авва Отче –
Венец Творенья Твоего!

А может, малодушие простое
все шепчет мне настойчиво: не стоит
спешить в те неизведанные дали,
где тоже ничего не обещали.

И вот под шепот тот проникновенный,
почти и не заметив перемены,
я выбрал помирать не торопиться,
как изощренный вид самоубийства.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

Если я не сойду с ума,
если не покончу с собой,
и минуют меня тюрьма
или просто недуг какой,

я приеду в Петрозаводск
или просто приду пешком,
если станет, что стук колес
не смогу оплатить потом,

и пройду по уже чужим,
обходившимся без меня,
точно я тут вообще не жил,
если вдуматься, и ни дня,

непривычно пустым дворам,
чтоб до самых познать глубин,
что и самый великий храм
не избегнет судьбы руин.

...и не время промчалось, а мы прошли,
поливая вином и дымя травой,
но дорогой не встретили край земли
и не волчий слышим – собачий вой.

Потому что проторенный путь прочней,
Безопасные игры пускай скучны,
только лучше с улыбкой идти к ничьей,
чем платить за все, не спросив цены.

Что ж пенять на то, что в награду нам
не полцарства дали и дочь царя,
а доступный в кредит и рассрочку хлам,
чтоб не часто думать, что все зазря.

Не грусти, мой друг! Доставка смартфон,
заводи паркетник или седан.
Окей... как его, черта?.. Быть может он
на молитвы наши ответит нам.

Сижу на балконе,
лечу косяк.
Не то что б он болен,
а просто так.

Что б ладно был скроен,
и гуще дым.
А так-то - пустое,
и черт бы с ним.

У нас и людей-то
блюдут, пока
выносят все это,
тверда рука.

А нет, извините!
Упал – лежи.
Потом, нас достало
считать гроши.

Ведь в этой вселенной
любой визит
монетой разменной
едва звенит.

Но все в этом звоне
такой пустяк!
Сижу на балконе,
лечу косяк.

Давай сгорим! В одном аду сгорим!
К чему терзаться поиском спасенья?
Мы все равно навряд ли сохраним
билеты в рай и пропуск в воскресенье.

Не лучше ли, душою не кривя,
сказать себе спокойно, без истерик:
– Я сам все это выбрал для себя.
Я знаю, как сгорать, по крайней мере.

Мне кажется порою, что над нами
не седовласый царствует мудрец,
а по полу капризно бьет ногами
младенец, заигравшийся вконец.

И все это – забавная игрушка,
не очень дорогое волшебство,
что существует только потому, что
еще немного радует его.

А мы, бряцая мелочью в кармане,
в попытке выжить или чем-то стать,
все пробуем неверными словами
причины или смысл отыскать.

Да, вы правы – никто не помер.
Жизнь продолжилась по инерции.
Ну случайно набрали номер,
Ну случайно разбили сердце.

Вы не думайте, мне не больно.
Даже радостно, если честно.
Как тут, право, не быть довольным,
если время и самое место.

Ну подумаешь там, прохожий
посмеется слегка, заметив,
как я корчусь там в мелкой дрожи.
Ну к чему вас тревожить этим.

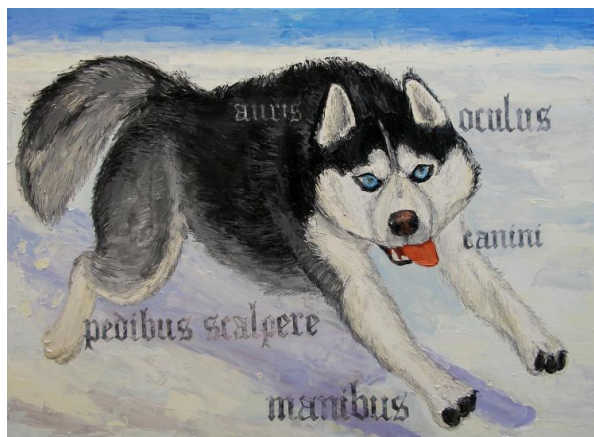
Все бред.
И этот беспощадный цвет
на ней струящегося платья
и инфантильного объятья
ни-да-ни-нет.

Огню
без колебаний предаю
ее восторженные строки,
о том, что все мы одиноки,
все на краю.

Туда ж
то, что полночный карандаш
зарифмовал и смял в сонеты.
Все в пламя, в безымянность Леты,
в графу пропаж.

Не та
пора настала, чтоб в года
минутных встреч вставлять закладки,
ведь расстанемся без оглядки
и навсегда.

А там,
где счет теряется годам,
и даже навсегда проходит,
где нас с тобою нет в природе,
грустить не нам.

О. Гуревич. Не догонишь

ПОЭЗИЯ

Марина Носова
(Москва)

Жить и любить

Жить и любить!
Смотреть на мир
огромными стрекозьими глазами
с восторгом вдруг прозревшего слепца
и по крупицам собирать
сокровища, рассыпанные всюду
неведомой, но щедрою рукой,
и складывать в копилку,
а потом
взахлеб, нетерпеливо, жадно
делиться нажитым с тобой,
не требуя награды и похвалы.
Любить и жить,
с объятий начиная новый день,
прошедший провожая поцелуем.

Суздаль

Вот и он – этот город в открытом окне.
В темной зелени лип – облака,
опустились на землю да так и остались,
обернулись церквями, живут, и над каждым
звезда.
Невелик, но устроен уютно – цветы,
птицы, ангелы, кошки и люди,
и люди, конечно, – чтоб было кому
ахнуть, возликовать,
просветлеть и поверить,
поотчистить свои зеркала
от прилипчивой грязи и мути
и у смерти похитить себя.
Вот и вечер.
Пиццикато цикад.
Матиолы

сладкогласной призывная песня.
Закатное Солнце,
с прощальным поклоном
благовейно касаясь губами горячих крестов,
мягко, медленно, медно-медово
стекает по розовым крышам,
гладит плечи беременных яблонь и
колоколов
наливные, тугие бока, застывает,
густеет в лиловой тени засыпающих трав
и в пергаментных свитках лилейника –
тайным посланьем грядущим шмелям –
чтоб с рассветом опять заиграть, воспарить,
воссиять.
Это я, не забудь,
это я сотворила сегодня тебя, создала,
нарекла тебя Суздаль,
что на птичьем моем языке означает
«любовь».

Такая странная судьба:
Не помнить – не забыть тебя,
Не встретиться – не разминуться,
Не видеть снов – и не проснуться,
И не коснуться
Глазами глаз, губами губ, груди...
Идти вперед к тому, что позади,
Несказанное слышать слово –
И снова,
Несбывшегося ощущая власть
Биеньем в горле и долях височных,
Измучиться надеждой всласть
И красть
Песчинки из чужих часов песочных.

Пришла пора любить

Пришла пора вязанья и рассветов
медлительных, и долгих вечеров,
бесед неспешных, подогретых вин
и чая с земляничным баловством
и светлым медом с дружественных пасек.
Пришла пора объятий и осенних
мелодий, что протяжней и нежней,
чем летние, а потому и слаще.
Их не поют, а шепчут на ушкó –
кому дано услышать, тот услышит.
Пришла пора надежд и новых сказок,
пора учиться верить в чудеса –
потерянным никак нельзя без веры,
нашедшимся тем более нельзя.

Сентябрь, игрений¹¹ конь, махнул копытом,
разбил копилку лета, и асфальт,
блестящий, как натертый перед балом
паркет, теперь усыпан златниками,
дукатами, флоринами, эскудо,
талантами – бери и богатей,
пока они в цене, покуда время
не обратило золото в черепки.
Пришла пора любить, и промедленье
подобно...

Калимба

Ты играешь на калимбе –
пляшет женщина босая,
изгибаясь, поднимая
к небу руки, призывая
луноликую богиню,
и позванивают нежно
золотые колокольцы
на запястьях у нее.
Ты играешь на калимбе –
с листьев пряного аира
падают в лиловый пруд
капли лунного нектара.
А в пруду играют кои¹²,

бьют парчовыми хвостами,
пьют нектар и пенят воду.
Барабанчики цикад,
жемчуг, радуга, клепсида,
воркованье горлиц, хруст
раскрывающихся почек,
смех сквозь слезы,
дождь и солнце –
ты играешь на калимбе.
Я сижу, закрыв глаза.

Останься!
Стань
утром в чьем-то окне
или закатом, горячим и пряным,
или жемчужиной
в фиолетовой глубине
чьего-нибудь океана,
или чьим-то стоп-краном,
или болью, живущей в чьем-то виске,
или тихим голосом в телефоне,
или линией сердца на чьей-то ладони,
или следом
на рыжем песке,
или чьим-то мучительно сладким
бредом,
или ветром, упрямым и резким,
жадно целующим складки
чьей-нибудь занавески,
или родинкой над левою бровью,
или чьей-то первой
и последней любовью,
или ниточкой шрама на чьем-то запястье,
или чьим-то на счастье
единственным шансом –
стань! И останься.

¹¹ Светло-рыжий.

¹² Парчовые карпы.

Свои

Меньше злости, больше иронии
И все больше точек над і...
Покидают нас посторонние,
Остаются с нами свои.

Знамя дружества не уроним мы,
И какие б ни шли бои –
Посторонятся посторонние,
Не оставят в беде свои.

За плечо меня тихо тронь, и я
Всей душой обернусь к тебе.
Хорошо, что не посторонние
Ты в моей – я в твоей судьбе.

Меньше злости, больше иронии
И все больше точек над і...
Путь вам скатертью, посторонние.
Да хранит вас Господь, свои!

Женщина

Живу небыстро, небогато.
Пою. На кухне хлопочу.
Неспешно отмечаю даты.
Пишу. Баюкаю. Лечу.

Ничьей судьбы не омрачаю.
За все спасибо говорю.
Не требую. Не докучаю.
Целую. Балую. Прощаю.
Надеюсь. Верую. Люблю.

О. Гуревич. Серия «Селфи. Революция». Смерть буржуазии

ПОЭЗИЯ

Владимир Набоев
(Калининград)

Абрикосточка

Абрикосово... абрикосовы
клонишь косы ты на покосе, и
день с утра уже пироги печет,
солнце красное загоняет скот
в речку-ленточку, в русло тихое.
Всяк на стойбище время тикает,
молоком в ведре растекается.
Доит Любушка в желтом платье –
Зорьку бурую, с разговорами,
шепчет ласково: «Скоро, скоро нам...»

К пастуху в обед ходит босиком
абрикосовка – каждый куст знаком,
земляной бугор, плоский камушек,
хлеб и соль несет – знамо замужем.
Небо куполом, берега пусты,
облаков седых рваный след простыл.
Разнотравья дух кружит голову.
Детвора в воде плещет голая.
Вниз по реченьке искупается
Люба-Любушка, скинув платье.

...По осоке вверх да по щавелю,
стадо вечером возвращается.
Бабки ахают, погоняют вслед,
кто приложит прут, кто приложит плеть.
...Крынки налиты, скрылись донышки,
с молоком стоят – аж по горлышко.
Огород полит, птица кормлена.
В чугушке парит каша – солена.
Схватки... Любушка собирается –
абрикосточка упирается.

Таинственный звук

Пользуйся,
пока она не ушла –
молодость.
В груди то тепло,
то холодно.
Все мы
чьими-нибудь станем (ли) –
мамами или папами.
Нас стряпали,
мы стряпали –
настряпали.
Корни погибнут
со временем,
все на земле
временно...
Вот бы и мне
девять жизней,
чтобы они проходили
живописней,
чем у людей:
по мягкой земле
и зеленой траве
гулять ночью,
а утром –
спать в тапках,
в хозяйских тапках,
или на мягких
коленях,
благословенно,
слышать таинственный звук
молчания,
а не отчаяния...

Кто не проснется

Спите, пока не наступит лето.
 Спите – деревья, озера, травы...
 Спи – берег левый и берег правый.
 Жемчуг горстями Гензель и Греттель
 бросят на землю в густой дубраве,
 снежные крошки развеет ветром.

Солнце не греет, но лижет ели.
 Дремлют хрущевки, людей качая.
 Чай или кофе мой день включают,
 ночь беспокойно наследство делит,
 а за окном – крики дерзких чаек,
 а за стеной – вой соседской дрели.

Кто не проснется – того приветят
 танцы со смертью...

Мир вмещает

Где капель –
 там теплая погода.
 Зиму проживем и завтра встретим
 ласточек весенних.
 ...Чет и нечет.
 Жизнь – не рельсы.
 По дорогам бродим, спотыклячи.
 Мимо пронесется
 скорый поезд – длиннохвостый стайер,
 в быстротечность...

Утро заберется в лужи, в речку.
 Вечер в антресоли чистит звезды.
 Город засыпает.
 В свитых гнездах
 мир вмещает внеземное нечто...
 Ковш бесхозный в небе талом замер.
 Где капель –
 там параллель с часами.
 Где капель –
 там теплая погода.

Приходи

Приходи,
 как заснет на руках апрель,
 и миндаль зацветет у родного дома,
 приходи,
 приходи на меня смотреть –
 накренился забор, и порог изломан.

Небо вздыбилось,
 черное от дождя,
 прижимается к стеклам и –
 без помарок.
 Ночь бессонная сны заставляет ждать –
 накопились,
 зачали в чулане старом.

Спит калитка –
 привязана на цепи,
 нахрипелась за век на людей от злости.
 Жизнь – колодец,
 никто не приходит пить,
 только месяц
 и звезды на небе – гости.

Приходи,
 как заснет на руках апрель...

Ворох скошенных трав

День на убыль... Встречает заря зарю.
 Я грущу, значит – сдался в который раз.
 Солнце росы допьет где-то к сентябрю.
 И природа – от лета, глядит на Спас:
 на медовый, на яблочный.
 Закурю...
 Взгляд, лучистый как месяц, рукой ловлю.
 Мне бы хоть на чуть-чуть задержать июль...

Как предатель Иуда, предстанет он –
 спелый август, и канет тепло в туман.
 Позже призрачный мцыри сберет в ладонь
 ворох скошенных трав и – к себе в карман...
 Будет он в октябре на костре сожжен –
 мост меж летом и осенью в горизонт.
 Но любовь навсегда со мной –
 не уйдет.

А пока

Скоро станет рекой земля,
засмеется слезливый мир.
День уродлив до тошноты –
потеряйся среди других,
не растягивай лужи вширь,
заставляя ручьи петлять...

Остывает звериный рык.
Оседают мучная пыль.
Если б не было октября,
оборвалась бы жизни прядь,
охры глиняной след простыл...
Плен прохладный листву настиг.

На озябший трамвай глядит
косоветер, нахмутив бровь.
Мнутся чертики-облака,
вытесняют друг друга, как
выдыхаемый дым костров...
И Арбат, раскрывая рот,
пожирает с утра людей,
день лососей в метроводе
по подземным путям несет.

...Разгорится травой земля,
засмеется цветущий мир,
и растянется зелень вширь,
а пока – холода сулят...

Дышит небо

Помнит воздух тайги дыхание.
Дышит небо, дорога, лес.
Мир другой совсем. В тучи рваные
луч пробрался, побыл – исчез.
Тени бродят, к стволам сбегаются.
Хвойный шепот в шумах снует.
Сбросит нитей клубок для платяца
дождь – подштопая небосвод.
Речка – прошлое в настоящее –
беда в омуте на прирост –
крутит, вертит. На камне ящерка
оставляет под пальцем хвост,
сбросит, юркая и проворная,
притаится в сырой земле.
Над оврагом зависнут вороны,

с водопою уйдет олень.
Я живу, городами раненный,
скоро душу бетон разьет.
Только помню тайги дыхание –
дышит небо, дорога, лес.

В коридоре

Тебе говорят – не пиши о прожитом,
тебе говорят – не жалей о прожитом.
Мы еще живы с тобой, Марин,
что же ты...

Живешь полноценной жизнью,
муж подкаблучник,
любовник – булочник.

Прячешь в подкладке пальто
от его холостой квартиры
ключик.

Вернешься домой и –
совесть грызет,
слой за слоем...

Кофе,
холодный душ,
перед глазами –
муж...

Мазью намажешься на ночь –
полгода мажешь,
лучше целебной сажи –
к утру проходит.

Ковыряешься в огороде,
крутишься вроде.

В коридоре,
чтобы не наступить на лапы,
кабы,

а может на хвост,
где-то там,

в темноте, перед кухней
ластится рыжий пес...

Потом вспоминаешь –
что умер два года назад,
а ты –

проверяешь за дверью,
есть ли вода,

в миске собачьей
вода...

Апрельским почерком

Мне казалось, что небо плачется
по заросшим травой лугам.
Пахнет веснами мать-и-мачеха.
Ветер гонит издалека
черно-белые облака.
Дотянуться до них так хочется,
чтобы в стороны растолкать.
День расписан апрельским почерком,
под зонтами гуляют сочинцы,
городскую волнуя гладь.

Прижимаются плотно улицы
к охладевшим за век стенам.
Фонари на прохожих гуглятся,
озираясь по сторонам.
Всюду вывески, флуд реклам:
«Фут», «Шоп», «Трейдинг», «Кафе»,
«Столовая»,
«Гипермаркет», «Куплю», «Продам»...
Спиннинг бросит среда торговая,
выставляя на полках «новое»,
на зацепку раскрытым ртам.

Растекается в отражениях
по отливам земная пыль.
Поднимают весну растения,
пьет зеленку степной ковыль.

В расплывшейся синеве

В этом мире
дети
живут под водой.
Уми и Соро –
море и небо.
За них говорит прибор.
И пока умирают звезды –
поют киты.
Каждый из них
вселенная,
но их голоса просты.

Каждый хочет,
чтобы однажды
его нашли.
Вот они светятся –
ярко ли,
всполохами,
мерно ли,
тихо,
или...
Звезды,
в расплывшейся синеве,
в акварели,
будут сменяться на рыб,
чтобы к утру
не сгореть.

Я тебе напишу

О заоблачном счастье с утра тараторил дождь? –
Нет, о чем-то своем – сразу даже не разберешь,
что-то детское вторил, а может быть, it's my life...
Мягче плед, кот мурлычней, кофе –
все было б в кайф.

...Я тебе напишу, что соскучилась по весне?
Что сегодня в твоём окне? Ливни смывают свет
или солнце повисло на небе, немая брошь?
...Каждый день буду ждать, не надеясь,
что ты придешь.

За стеклом маски-шоу размытых случайных лиц,
и людей не узнать, только несколько единиц
различу по-соседски. С зонтами и в карантин –
кто с собакой, а кто – за продуктами в магазин.

Потолки безысходности, страх в четырех стенах –
провожай за балкон и гони эти чувства на
все четыре заоблачных. Треплет сквозняк петлю
на незапертом доме.

Жду. Помню.
P. S. Люблю.

BazArt

ТВОРЧЕСКИЙ ДУЭТ:

Елена Панова (Кольцова)
(Красноярск)

Александр Поликарпов (Стрельцов)
(Москва)

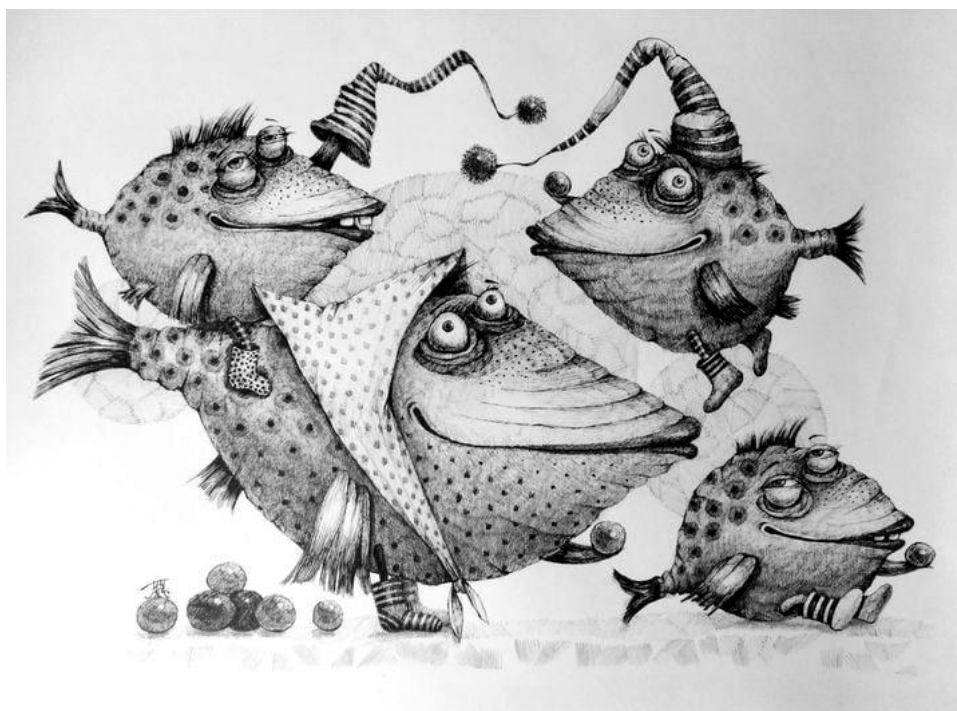

Художник Елена Панова

Гражданка рыбина

Рыбина Сардина Атлантидовна.
В паспорте ошибка – Леонидовна.
Рыбина редкая рыбина.
Рыбину надо бы знать.
Она не какая-то Рыбина.
Она – многодетная мать.
Заботой её окружённые,
Сокрыты в придонной глуши,
Неделю назад как рождённые,
Резвятся её малыши:
Сардинка и братик Сардинчик,
Румянький, как апельсинчик.

И третий Сардинин детёныш,
Глазастый и толстый Сардёныш.
До этого были Сардила, Сардино и дочка Сардунья –
Шалунья, болтунья, певунья.
До них были братья Сардюша, Сардишка и младший –
Сардец.
Храбрец-удалец, как отец.
И девочка, крошка Сарделька,
Изящна, стройна, как моделька.
Всё плавали рядом, всё были,
А выросли – в море уплыли.

Модель

Жила-была рыба у самого дна.
Подняться наверх пожелала она.
Туда, где известность, где жизнь слаще снов,
Где юноши дарят букеты цветов:
«Я стану моделью, я буду блистать
Меня на обеды начнут приглашать».
И бросилась рыба в рыбацкую сеть –
Пусть будет что будет, лишь шанс занять.
Случилось, как рыба себе намечтала:
Она – посреди ресторанного зала.
Ей подиум – блюдо, она – на виду.
Цветы ей – букетик петрушки во рту.

Кузя

Днём, когда ослаб морозец,
А снежок ковром лежал,
По сугробам – быть не может! –
Поросёнок пробежал.
Поросёнок улыбался,
Что-то тихо напевал.
Поросёнок наслаждался
Тем, что по двору гулял.
А за ним большая мама
Торопилась что есть сил:
– Кузя! Уши отморозишь!
Кузя! Валенки забыл!

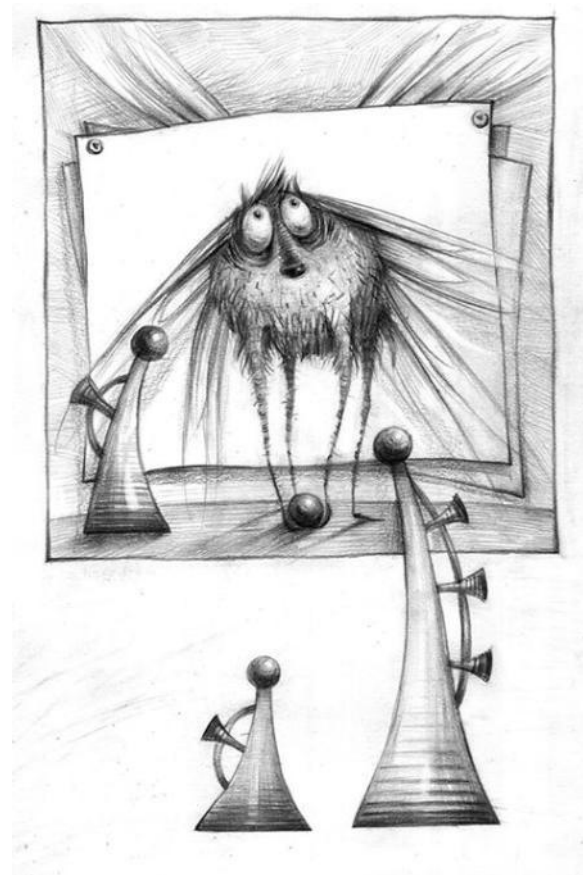
Румяный слон

У слона стряслась беда.
 Слон из дома – никуда.
 У него – вот стыд и страх! –
 Есть румянец на щеках.
 Задразнили обезьяны:
 – Слон не может быть румяным!
 Слон не должен быть весёлым,
 Не плясать, как в мюзик-холле.
 Что за скверная привычка?
 От кого перенята?
 Слон, как маленькая птичка,
 носит яркие цвета!
 Слон не должен красоваться.
 Слон не должен улыбаться.
 Слон с его большим размером
 Должен быть печально-серым!

Муха

Муха летала, гудела в рожок.
 Муху прогнали прочь за порог.
 Нет музыкального слуха!
 Очень обиделась муха.

Синяя птица

Говорят, что в старину,
 Строго каждую весну,
 По лесам и по отрогам
 Синих птиц гнездилось много.
 Но прошёл по людям слух,
 Будто в птиц вселился дух.
 Если взять перо от птицы,
 Дух владельцу подчинится.
 Будет от невзгод хранить,
 Будет счастье приносить.
 И народ стал птицу бить,
 Чтоб перо себе добыть.
 Вот прошло лет сто иль двести,
 Нет о птицах больше вести.
 Стал счастливее народ?
 Нет. Как жил, так и живёт.

Старая крыса

Старая крыса в больничной палате
 В стареньких тапках и в старом халате.
 Крысе полезны сейчас витамины,
 Крысе никто не несёт апельсины.
 Старая крыса – печальная крыса,
 В юных мечтаниях – киноактриса.
 Крысу не радуют бодрые речи,
 Крысе известно, что старость не лечат
 И от таблеток не стать молодой.
 Можно я, доктор, уеду домой?

Тобик и бобик

Тобик в квартире с хозяином жил,
Тобик красивый ошейник носил.
Бобик в подъезде под лестницей жил,
Бобик двух блох в своей шерсти носил.
Тут у хозяина крик и скандал:
Правый, любимый, ботинок пропал!
Утром ботинок послушно обулся,
Вышел гулять, а назад не вернулся.
Тобика просят ботинок найти –
Тот не успел дальше сквера уйти.
Тобик бежит: «Ой! Какие ботинки?
В воздухе кружат большие снежинки!»
Тобик по снегу кружится волчком,
Ловит снежинки своим языком.
Бобик помчался ботинок искать,
Прыгнул в сугроб и кого-то там – хватать!
Тянет-потянет за длинный шнурок:
«Ну! Выходи-ка, ботинок-дружок!»
Тобик Бобик ботинок отнёс,
Тобик находку в квартиру принёс.
Тобик в награду медаль получил,
Бобик Тобик сосиску вручил.

СМЕХОТЕКА

Ефим Гаммер

(Иерусалим, Израиль)

НОВОГОДНИЕ НОСТАЛЬГУШКИ

Иронические рассказы для тех, кому склероз не страшен

Нулевой меридиан

Ленин считал: все решает булыжник – оружие пролетариата.

Наполеон считал: все решает артиллерия – оружие убийственной победы.

А в лондонском Музее восковых фигур мадам Тюссо считали: все решает – единство противоположностей. И поместили их рядышком, поближе ко мне, журналисту входящему.

Оба восковые, мягонькие – податливые.

Оба охочие до интервью.

А вопросов нет.

Нет вопросов, граждане.

Да и какие вопросы, когда оба вы теперь на нулевом меридиане...

Партийная голова

С приближением Нового года я латаю старый мешок и выхожу с ним в парк. Там собираю головы, потерянные влюбленными. Затем возвращаю их хозяевам. За приличное вознаграждение, конечно. Адреса мне любезно предоставляют знакомые фельетонисты, ибо им по роду службы приходится иметь дело с безголовыми полудурками, мыслящими себя Эйнштейнами на заслуженном отдыхе.

Но случаются недоразумения.

Нашел я недавно голову. Всем головам голову. Большая, с благородной сединой, загнутыми ресницами, широкими бровями, скульптурно вылепленным носом. Отослал ее хозяину. Гляжу, через день прибегает ко мне эта голова, но уже о двух ногах, и возмущенно жалуется:

– Зачем меня кинули на хилую шею недоразвитого студента? Он мне покою не дает. День и ночь зубрит, к экзаменам готовится и при этом, в ущерб собственному умственному развитию, думает о том, где бы раздобыть денюжат на складчину для новогодней вечеринки. А

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

я голова – всем другим голова, серьезная, партийная, из высших эшелонов власти. И мне не до студенческих беспорядков в мозгах, мне о государственных интересах думать нужно! Кому после новогоднего банкета Ленинскую премию дать, кому Сталинскую... тьфу-тьфу, оговорился... Государственную.

Схватился я за свою голову, благо она все еще держалась на законном месте, и поспешил уладить недоразумение. Высыпал из мешка студенческие головы, их весной – как перезрелых плодов осенью, так и валяются с плеч, так и валяются, мостовую загаживают, приличные прохожие о них спотыкаются, а неприличные... нет, о них не будем мозгу шевелить.

– Выбирайте достойную, – предложил хилой шее на недоразвитом от умственного перенапряжения теле. А ту, что из высших эшелонов власти, под мышку – и бегом в Большой Партийный Дом.

На вахте показываю охраннику бесхозную голову вместо пропуска, прохожу в канцелярию.

Секретарше показываю бесхозную голову вместо пропуска, прохожу в кабинет с портретами Маркса – Энгельса – Ленина на стенах.

Партийный босс, чей мыслительный аппарат у меня в мешке, руководит, сидя в кресле за отполированным языками подлиз и прилипал столом. Активно руками водит – и не замечает, что головы нет. А подчиненные – те, кто в очереди за Ленинской премией, за Сталинской... тьфу-тьфу, оговорился... за государственной – сидят и помалкивают. Им без разницы, с головой он, без головы, главное, чтобы не ошибался, когда будет вручать. В этом – не дураки, понимают! – он не ошибется. Ведь не из головы вручает. А из государственного кармана.

И тут я. Да не один, а с его головой.

Что тут случилось! Ни пером описать, ни по телевизору показать.

Уловил наш набоб дух родной, ощутил запах своих, только утром набриолиненных бровей, кровь родную почуял – и с места в карьер вручил возвращенной мной голове Ленинскую премию, Сталинскую... тьфу-тьфу, оговорился... Государственную, и разложенное по конвертам денежное обеспечение вручил тоже.

Думаете, мне что-то перепало?

Ошибаетесь. Меня тотчас вытолкали взащей.

Почему взащей? Потому что прямо тут же, на месте, головы лишили – дабы не вспоминал о происшедшем и никому потом не рассказал.

Вот и не вспоминал. Вот и не рассказывал.

Как же, спрашивается, вернулась ко мне память?

Да не память вернулась ко мне, а голова.

И не как-нибудь, а по почте.

«Не вы ли уронили, милейший?» – стояло в приписке. И подпись... Фамилия неразборчиво, а все остальное четко: «Голову возвращаем в неприкосновенном состоянии и в соответствии с завещанием нашего горячо любимого отца и дедушки, лауреата Ленинской премии по литературе за 1979 год. Денежный эквивалент вашей, без сомнения, золотой головы получите в ближайшем банке. В своих ожиданиях не обманитесь».

Подпись, как уже говорил, была неразборчивой.

Вот так оно случается в жизни, когда быть мы превращаем в сказку.

Страшно, аж жуть!

Труп был обнаружен во дворе: лежал на снегу, широко разбросав ноги.

Бледное лицо трупа ничего не выражало, даже желания жить.

Следователь Ветров внимательно осматривал место происшествия. Рядом с этим местом, в двух метрах от покойника, валялась недокуренная сигарета с обгрызенным фильтром и недочитанная газета.

Каким образом Ветров уяснил, что газета недочитана, оставляем на его совести. На ней, кстати, можно еще много что оставить – мало никогда не покажется.

Солнце, бледное от увиденного, тускло роняло свет на землю. Не доверяя малодушному светилу, сыскарь подозвал милицейского специалиста-фотографа. Яркая вспышка блица осветила совершенно неяркого человека скромной наружности: усы, очки, калоши на разношенных ботинках.

– Печально, докладую вам! – молвил дворник Бугор. – Такого на своем веку не припомню. Знамо, раньше бұхались туточки люди. Но по пьяному делу. А подай им рассольчик – оживали в одночасье. А этот... Как упал, так вовсе с тех пор не живехонек. Ни на какой рассол не реагирует. Обоняние, чай, потерял. Совместно с жизнью.

– А что? – поинтересовался следователь Ветров в силу специфической любознательности. – И часто это у вас случалось, чтобы напившись?

– Бұхались?

– Вроде того.

– Часто! Почитай, что ни день, так кто-то сляжет за упокой, но отнюдь не насмерть. И все – не подозрительно, а? – из двадцатой, мать ее, квартиры. Только этот упокойник – береги господь его нервную душу! – двужильным оказался. Первый раз за историю моей жизни тут... того-этого...

– Бұхнулся?

– Бери выше, начальник, вплоть до самого седьмого неба. Окочурился!

– А отчего твои подопечные бұхались?

– Спрашиваете, будто чужой. От житейского неблагополучия! Сосед соседа поедом амкал и получал желудочное отравление. Туточки, во дворе, их припадком и донимало. Язва желудка, язвы ее в печень!

– И у мертвяка нашего была язва?

– Он не сознается, а вот я вам как на духу скажу: не было у него язвы. У него – сердце! Точно говорю: сердце, притом неуживчивое. Как что, сразу хватается за сердце. «Выскочит, – говорит, – из грудной клетки, выскочит!» Обратите внимание: клетки. Намек понятен?

– Догадываюсь.

– А тут и без догадок ясно: намек на нашу действительность. Мы в домоуправлении ее воспеваем. Лозунги пишем, плакаты рисуем. А он?

– Отлынивает?

– Сейчас – да, лежит – не колышется. А тогда – посмотрит на нашу работу, прочитает: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» и хватается за сердце. Хватается и говорит: «Выскочит из клетки!»

– Так вы, значит, считаете, что это у него от расстройства нервной системы апоплексический удар случился?

– Почем знать? Апоплексит, мабуть, и не приложился. Во всяком разе таковой гражданин в нашем доме не прописан. А вот Варькин муж, Сенька-хромой, тот – да, вполне справедливо мог приложиться. У него причина копилась много лет. Наш упокойник к его жинке захаживал, и

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

не заради вызова на социалистическое соревнование по благоустройству домашнего общежития.

Следователь Ветров еще раз окинул взглядом место происшествия. Мертвец по-прежнему не подавал признаков жизни и, судя по всему, ничем не собиравшись поспособствовать в расследовании причин своей несвоевременной смерти.

«Черт его знает, может, грабеж? – подумалось детективу. – Но не очень похоже. Кошелек в порядке. В кошельке четыре рубля двадцать копеек, ровно на бутылку водки и соленый огурец. Перчатки тоже в кармане. Калоши на ботинках. Даже обручальное кольцо, и то не снято. Хотя... хотя... Что это такое?»

Бывалого криминалиста затрясло от возбуждения: «Палец! Конечно, палец! Куда только я раньше смотрел? Вот это да – палец до крови укушен! По форме зубов... М-да, неужто змеей?»

Сыскарь потер руки, вспомнив из Феликса Дзержинского, что они должны быть чистыми при исполнении служебного долга, чтобы к ним не прикипела чужая копейка, и наступательно подступился к дворнику.

– Ну, Бугор Иванович! Будем говорить или станем отпираться?

– Я как на духу.

– Выкладывай на духу, но не дыши мне в рот, кто тут у вас пресмыкающихся любит пасти?

– Ясно кто, Николай Емельянович, – без промедления отозвался старик.

– Докладывай по существу!

– Честь имею, в отличие от его жены!

– По порядку!

– Порядка там никакого. Николай Емельянович страсть как любит этих пресмыкающихся. А кто перед ним не пресмыкается, того вмиг гонит с ихнего предприятия. Он ведь не просто Николай Емельянович, а Николай Емельянович Бойкин. Наслышаны?

– Еще услышим, когда дело дойдет до суда.

– Тогда докладую: директор завода по изготовлению детских игрушек. Большой человек. Каждого, кто не по нему, увольняет без выходного пособия. Так вот, как на духу. Он и нашего упокойника хотел уволить по собственному его – значит, мертвяка этого – желанию. Но промахнулся. Кто теперь за него заявление напишет, архангел Гавриил?

– За что же такая немилость была по отношению к подследственному трупу?

– Докладую: причина проста, как дважды два, когда в уме – четыре. Кстати, как по-вашему, милицейскому, сколько в итоге получится? – сощурился Бугор Иванович, тая, видать по всему, хитрую думку.

– Великая математика!

– А вот и неправда, начальник! Ваши насмешки – вкривь и вкось от цели. Николаю Емельяновичу требовалось, чтобы выходило больше, чем у вас в уме. Пять, шесть, и оставалось еще на посошок, ведь Новый год отмечать да затем опохмеляться.

– А, – понял следователь Ветров. – Приписки по бухгалтерской части. Фирме требовались завышенная цифирь. Так, что ли?

– Браво, товарищ. Вам в шерлоки холмсы прямая дорога.

– Пока я на службе. Докладывай дальше.

– А дальше – проще. Но должен заметить, ругались они неимоверно с упокойником нашим. И все потому, что при жизни состоял он редактором заводской газеты и ни в какую не желал подтирки бухгалтерские печатать с завышенными цифрами. Вы правы по догадкам, честь и хвала, начальник!

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Постой-постой, не отклоняйся, Бугор Иванович, – перебил дворника следователь Ветров. – В данный момент направления мысли меня не интересуют их личные взаимоотношения. Меня интересует: кто в вашем дворе змей любит?

– Змей? Так я же вам докладую на чистом духу, тот самый Николай Емельянович и любит. Жена у него – подколотная гадюка. А женился на ней, сказывал, по любви.

– Мне настоящая змея нужна.

– Бог с вами! Зачем вам такое форменное безобразие, начальник?

– Вот что, Бугор Иванович! Не мешай дознанию. Отвечай на вопросы, и не приплюсовывай к следствию ненужные личности.

Дворник вяло почесал затылок.

– Это верно подмечено, насчет ящика. Все его не могли поделить с Николай Емельяновичем. Тому корреспонденцию со всего мира шлют. А этому, упокойнику, – тыкнул мыском сапога бесчувственный труп, – только заводскую газетенку, собственного его изготовления. Вот и хотел Николай Емельянович выжить его из почтового ящика. Да не вышло. Наш-то мертвячок двужилым оказался. Настоял на своем и остался в ящике. Я вам докладую, такой любитель собственной газеты был – на удивление всей общественности! Кроме нее, родной и милой, никакой другой прессы из почты не признавал. В результате – что имеем, то имеем. Николай Емельянович последовал благородному примеру других жильцов и купил себе личный почтовый ящик. Взгляните – не поленитесь: на двери теперь этих зеленых скворечников уйма!

Действительно, дверь украшали с десятков почтовых ящиков. В одном из них, вполне вероятно, и могла затаиться змея, укусившая за палец несчастного любителя своего собственного печатного слова.

Ветров осмотрел эти ящики с присущей ему осторожностью. Но никаких змей не обнаружил. Вернулся к трупу и, призвав к совместным усилиям подчиненных, перенес бездыханное тело в машину первой милицейской помощи – «воронок» для большей понятливости. Затем, окончив по сути дела следствие, оглянулись: не затерялись ли где-то дополнительные улики? Глядь, газета-сиротинушка – одна-одинешенькая лежит, и только что не кричит благим матом: заберите меня поближе к хозяину, дабы не лишать его любимого чтения на том свете!

«Как собака неприкаянная!» – тоскливо подумал о горькой ее доле следователь Ветров и наклонился. Наклонился да как вззоет от боли и давай трясти рукой: «Кто это меня? Кто?» И догадался, стервец: «Газетная утка!» А затем догадался и до всего остального. «Недаром наш подследственный труп не хотел завывать цифирь к Новому году, он финансовый. Понимал: это смертельно опасно».

«Понимал, понимал...» – крутилось в его помутневшем мозгу.

Надо отдать должное следователю Ветрову: это было последнее, до чего он догадался на работе.

Дальше надо было догадываться уже врачам в реанимационном отделении больницы...

Поражение суперагента

Хмурым взглядом издатель окинул Джема Бронда.

– Наконец и для вас нашлось дело, – молвил он и запнулся, ибо сверхсекретный суперагент воссиял чистой улыбкой младенца и сказал:

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Знаю. В Советском Союзе готовятся отметить наступление Нового года уже не повышенными соцобязательствами трудящихся, а...

– Публикацией в доступной за две копейки прессе разгромной статьи на серию романов о моих подвигах. Чтобы не так скучно было читать доклад Брежнева о создании в стране новой общности людей по имени «советский народ». Не так ли?

«Все знает!» – в уме восторгнулся издатель и с удовольствием заметил вслух:

– Вы настоящий телепат.

– Ничего сверхъестественного, – скромно потупился супермен. – Обыкновенная тренировка в плане дедуктивно-аналитического мышления. Но... делу – потеха, а времени – час, как говорят в России. Перейдем к нашим баранам, вернее к заданию. Мне, исходя из прочитанных у вас в мозгу мыслей, предстоит похитить эту критическую статью либо ее фотокопию. Да?

– Совершенно верно. Это даст нам возможность подготовить контрудар. Но учтите, дорогой мой агент, это не просто клочок бумаги, а настоящая идеологическая бомба. Она разрушает умы.

– Мой ум не разрушит! – изрек Джем Бронд, сел в самолет без опознавательных знаков и выпрыгнул из него в районе Старой Риги.

Приземлился. Хотел закопать в парке парашют, но вспомнил, что позабыл его в своем быстролетном транспортном средстве. Отряхнулся от лиственной шелухи и двинулся на выполнение боевого задания. По сути, оно было несложным. Фотокопию критической статьи полагалось получить от надежного человека в условном, строго засекреченном месте, на улице Шкюню, наискосок от Домского собора.

Агент английской разведки энергично шагал по узким улицам Старой Риги. Здесь, в доисторической части древнего города, опасаться было нечего. Даже постовых милиционеров, и тех искать надо было с собаками. А связника, наоборот, искать и не предполагалось. Он сам найдется. Причина элементарна: наш непревзойденный шпион был снабжен специфическим паролем, притягательным, как магнит. Ему предстояло околачиваться у винно-водочного магазина и предлагать прохожим скинуться по рублику. На явку должен был явиться человек, загримированный под матерого алкоголика.

Он и явился. Но не сразу.

Стоит себе Джем Бронд у отведенного ему места: перед ним булыжная мостовая, выводящая к Домской площади. Сзади стеклянная витрина, украшенная пирамидками из консервных банок и бутылок с алкогольной жидкостью. Стоит себе. Зрит. Ждет резидента. Читает – от нечего делать – мысли прохожих, а они довольно скудные: «Где бы стрелнуть трояк до полочки?»

Вдруг в его ушные раковины скользнул вкрадчивый шепоток, настоянный на винном перегаре:

– По рублику?

– По рублику? Конечно, по рублику! – обрадовался Джем Бронд.

Скинулись. Потерли от удовольствия руки.

Видя такое дело, к заговорщикам рванулся третий, за ним четвертый.

– По рублику! – задыхаясь от предвкушения, провозгласили они в унисон. И, смяв в горсти четыре рублевые бумажки, ринулись к прилавку – за пузатенькой, темного стекла, стоимостью в три шестьдесят две, милой сердцу бутылочкой.

– Что на сдачу? – спросила продавщица.

– Кильку в кулечек, – попросил третий.

– И мятную конфетку, – добавил четвертый. – На отбитие вредного для тещи запаха.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Достала?

– Не то слово, – вздохнул покупатель. – Я себе глаз готов выколоть, чтобы у тещи был зять кривой.

– В таком разе вот вам еще конфетка.

– А вы замужем?

– Идите-идите, вас там за дверью не дождутся.

Как только приятели вышли из магазина, к ним тотчас подвалил еще один охотник до молочка из-под бешеной коровки.

– Соображаем?

– Уже сообразили.

– А мне с кем по рублику?

– По рублику? – встрепенулся Джем Бронд, потерявший было дар речи от такого изобилия агентов английской разведки, расквартированных в музейной части Риги – на минимальной жилой площади в несколько квадратных метров.

А компания разрасталась.

– По рублику?

– По рублику!

Матерый шпион не жалел казенных денег. И не заметил, как вокруг него собралась довольно плотная толпа, из которой непрестанно кто-либо выскакивал и вприпрыжку устремлялся в продмаг. По возвращении бегунок распечатывал полушу и подносил ее дарителю целковых: священное право первого глотка было за ним.

Один глоток хорошо – для согрева. Два глотка тоже неплохо – для кайфа. Но три? Четыре? Пять? И бессчетное за тем повторение?

Какой агент это выдержит? Джем Бронд пьянел на глазах, ноги его подкашивались, голова безвольно падала на грудь.

Опомнившись, он начал срывать этикетки с бутылок, надеясь на обратной стороне одной из них обнаружить фотокопию разыскиваемой статьи.

Но тщетно!

Его увлекательное занятие прервала уборщица, подметающая веником тротуар.

– Гражданин, не волнуйтесь. Стекланную тару принимаем и с этикетками.

Бутылки выпорхнули из рук. И не успел он прийти в себя от неожиданности, как стал обладателем двух мятых рублей, которые – это он точно помнил – однажды принадлежали ему.

– Мои? – с изумлением рассматривал он деньги, предметно доказывавшие закон круговорота вещей в природе.

– А могут быть наши! – обрадовал его подсказкой далеко не молодой человек пьяной наружности.

– Как это так?

– А так! Отоваримся и пожалуем в гости. Даровой стол. Даровая постель. И приятные сновидения.

Джем Бронд принял приглашение и... Очнулся уже за обеденным столом в незнакомом доме, куда привел его на шатких ногах сердобольный собутыльник.

– Кузьмич! – представился он. – А это мои детки, – указал на нетерпеливо постукивающих ложками ребяташек, – Серый, Сизый и Вовочка.

Дородная его жена Таня разлила борщ по тарелкам. Села рядом с мужем, предоставив ему напутственное слово.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

Кузьмич тоскливо собирался с мыслями. Молитвы он подзабыл, русский язык тоже. Хотел пожелать собравшимся за столом приятного аппетита, а бухнул привычное:

– По рублику!

Малыши, не ожидающие ничего большего от тятки, принялись наворачивать за обе щеки. Жена Таня вздохнула, смущенно отведя взгляд от гостя. А Джем Бронд опешил: «По рублику? Неужто связник? Связник! Связник!» – танцевала в нем трезвая мысль. Но вскоре и она опьянела. И он вытащил из кармана «рванный». Один вытащил, второй, третий...

Кузьмич, забыв о борще, выгреб из карманов недостающую мелочь и бросился по известному с рождения адресу.

«Браво, Станиславский! – задумчиво шептал под нос ас английской разведки. – Вот что называется – войти в образ! Наш человек – резидент, а как перевоплотился!»

К ночи и сам шпион вошел в образ, и тоже по системе Станиславского. Лыка не вязал, но все-таки говорил-говорил, что-то настойчиво разъяснял Кузьмичу.

– Я непревзойденный Джем Бронд! – говорил. – Агент вражеской по вашему разумению разведки. Обо мне написаны книги. Обо мне сняты фильмы. Но здесь я бессилен. Не совладать мне с вашими алкогольными градусами и загадочной русской душой.

– Не совладать, – согласился Кузьмич и вызвал скорую помощь. Не в КГБ же звонить, когда у человека белая горячка!

Спустя всего пятнадцать минут лечебная машина закрытого типа увозила сверхсекретного иностранца в желтый дом. И с каждым оборотом колес напоминала ему о том, что даже мемуары, за которые можно было бы приняться в душевнооздоровительной клинике, врачи сочтут бредом сумасшедшего.

О. Гуревич. Серия «Селфи. Революция». Котики

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Людмила Левина
(Москва)

ЗИМНИЕ СТИХИ (для детей от 6 до 9)

Ночью к нам пришла зима

Ночью к нам пришла зима –
Пали снежинки:
Опустились на дома,
Прятали тропинки.
Поутру белым-бело –
Снегом всё одето,
Стало празднично, светло
С самого рассвета.
Ах, волшебница, зима!
Я смотрю в окошко,
Там тропинки и дома
Подросли немножко.

Первый мороз

Родился маленький мороз
И в синем небе рос, и рос
Активно, быстро... Сверху вниз
Спустился тихо на карниз,
Оттуда глянул он в окно –
Покрылось льдинками оно,
Мороз еще чуть-чуть подрос
И заморозил кустик роз,
Потом траву, через часок
Сковал рассыпчатый песок.
Во двор я вышел, и мороз
Щипнул меня за щёки, нос.
Лицо пылает ярче роз –
Оставил красный след мороз,
А я дышу ему в ответ –
Дарю туманно-белый цвет!

Снежинка-Неповторимка

В снежный день на рукавичку
Опустилась невеличка:
– Как зовут тебя, снежинка?
Может, лёгкая пушинка
Или беленькая точка?
Может снежной тучи дочка?
Отвечала мне снежинка:
– Я похожа на пушинку,
И на беленькую точку
И на снежной тучи дочку,
Даже чуточку на льдинку,
Но зовусь – неповторимкой!
И добавила, сверкая:
– Просто я одна такая.

Зимняя прогулка

В морозный, солнечный денёк
Гуляю по аллее,
Снимаю с веточек снежок,
В своей ладошке грею.
Замёрзли пальцы у меня –
Их прячу в рукавичку,
На ветке вижу снегиря
И спрашиваю птичку:
– По снегу прыгаешь зимой,
Наверно, мёрзнут ножки?
Могу я взять тебя домой –
Лети ко мне в ладошки.
Снегирь по веткам прыг да скок,
И крылышками машет,
Отвечил танцем снегирёк –
Мороз ему не страшен.

Нарядные ёлочки

Идёт снежок и ёлочки
 Наряжены «с иголочки»
 В снежинки белоснежные,
 Пушистые и нежные.
 Грозит им вьюга смелая:
 – Смету снежинки белые!
 Волнуются красавицы,
 Что вьюга приближается,
 В тумане сонной полночи
 Морозной просят помощи.
 Мороз для них старается –
 К снежинкам прикасается.
 Теперь они искристые,
 Кристально-серебристые,
 От верха до подножия
 К иголкам приморожены.
 Не сдует вьюга смелая
 Снежинки эти белые,
 Всю зиму будут ёлочки
 Наряжены «с иголочки».

Птичий завтрак

Утречком ранним, ни свет ни заря,
 Птицы на завтрак слетелись не зря,
 Он ведь хорош и на вкус, и на вид,
 Вот и проснулся с утра аппетит.
 Что же за блюдо сегодня у птиц?
 – Ягоды зимней рябины,
 Лакомство для снегирей и синиц
 Сладце садовой малины.
 Дружно и весело птицы клюют
 Ягоды, словно рубины,
 После чудесные песни поют,
 Сидя на ветках рябины.

Заячы забавы

Ночью шёл в лесу снежок,
 Вдруг устал – на землю лёг,
 На деревья, на травинки,
 На кусты и на пенёк.
 Зайчик выбежал с утра –
 На пенёке белым-бела
 Шапка снежная, большая,
 Крикнул заяц: – Ну дела!

Не видать под шапкой пня,
 Не смогу запрыгнуть я –
 Это значит, что сегодня
 Нет забавы для меня.
 Говорил ему олень:
 – Поищи без снега пень...
 Бегал в поисках по лесу
 Белый зайчик целый день,
 В тишине глуши лесной
 Много пней встречал косою,
 Только там снега лежали
 И сверкали красотой.
 Но беда не велика,
 Для зайчонка-беяка
 Стал теперь и бег забавой
 Так же, как прыжки с пенёка!

Мурочки-снегурочки

За окном снежок, и Мурка
 Побежала на прогулку,
 Кошку-тёзку повстречала
 И восторженно пищала:
 – Красота! На чёрной спинке
 Вижу белые снежинки.
 Мурка ей: – Снежок пушистый
 И тебя оденет быстро.
 ...Снег закончился. Две кошки
 Сели рядом на дорожке,
 Неподвижно держат спинки –
 Берегут свои снежинки,
 Чтобы в снежно-белом цвете
 Новый год любимый встретить.
 Говорила кошкам ёлка:
 – Снег на всех моих иголках.
 Будет праздник, и снежками,
 Поделюсь, малышки, с вами.
 И обрадовались кошки,
 Стали бегать по дорожке,
 Ну а ночью новогодней
 Танцевали в хороводе
 Возле снежной доброй ёлки,
 Лапкой трогая иголки.
 Удалось им в белом цвете
 Новый год любимый встретить.
 – Мы с тобой снегурочки! –
 Радовались Мурочки.

Берёзка в снежном платье

– Я буду нарядной, – сказала берёзка,
 – Ведь снова меня украшает зима,
 Снежинки пушистые, инея блёстки
 На каждую веточку сыплет сама.
 На тонкие ветки берёзы белёной
 Снежинки ложились легко, не спеша,
 И рядом шептались высокие клёны:
 – Ах, как же берёзка зимой хороша.

Как хорошо, что пришёл Дед Мороз!

Деда Мороза мы ждали с сестрой,
 Вечер спустился, накрыл темнотой.
 Стало казаться нам: что-то стряслось –
 И заблудился любимый наш гость.
 – Может, он номер квартиры забыл?
 – Или в глубокий сугроб угодил...
 Папа вздохнул, а потом произнёс:
 – Надо искать, раз пропал Дед Мороз.
 Быстро оделся и пёсика взял:
 – В поисках мне без собаки нельзя!
 ...Вскоре послышались чьи-то шаги,
 Мчимся в прихожую вперегонки.
 Гость долгожданный зашёл и с мешком
 К ёлочке нашей спешит напрямиком:

– Вы извините, что долго я шёл:
 С горок спускался, взбирался на холм.
 Около дома решил отдохнуть –
 Там угораздило крепко заснуть...
 Как хорошо, что залаял щенок,
 В нужное время проснуться помог!
 Будем мы вместе встречать Новый год –
 Ёлке нарядной окажем почёт,
 Чтоб засверкали на ветках огни,
 Что нужно сделать? Мы хором: – Гори!
 Тут и мешок стал развязывать гость:
 – Вот вам подарки, помощнику – кость!
 ...С косточкой бегают радостный пёс –
 Как хорошо, что пришёл Дед Мороз!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Светлана Тюреева

(г. Петушки, Владимирская обл.)

РАССКАЗЫ для ДЕТЕЙ

Затерялся меж железнодорожных станций небольшой поселок. Обмельчал населением, обветшал постройками. Тихо, размеренно в нем течет жизнь. Домашнее хозяйство и огород – основное подспорье в жизни. Простотой и добротой встречают гостей поселковые жители, торгуют вдоль дороги разной снедью, живут своими радостями, бедами и берегут самое дорогое, что у них есть – любовь. А отсутствие Интернета совершенно не мешает местной ребятне познавать окружающий мир.

В одной из таких семей растет наше неугомонное сокровище со странным именем Пинька! И это вовсе не прозвище, а уменьшительно-ласкательное от имени Агриппина, как ее по-настоящему зовут. Когда привезенный из роддома комочек вместо плача издавал умильные звуки, похожие на писк, его ласково называли Пинькой, так и закрепилось в семье это имя.

Рыбалка

Утро! Свет просочился в дверной проем спальни. За ним последовал запах лепешек. Пинька проснулась. Она еще пыталась догнать сон, поэтому ни встать, ни даже открывать глаза не хотела. Но запах так настойчиво подбирался к носу, что веки невольно разлепились.

Пинька пробежала взглядом по комнате, потянулась и уставилась на окно, выходящее в сад. В него заглядывала ветка яблони. Девчонка соскочила с кровати, сунула ноги в стоптанные тапочки и в чем была выбежала в сад.

– Куда ты? – остался за дверью голос бабушки.

Там, в саду, на нижней ветке яблони-штрифеля, прямо на уровне ее глаз, зрело огромное яблоко. Оно уже начало краснеть, но дедушка строго-настрого запретил срывать: «Жди, пока не созреет». А когда созреет и сколько ждать, не сказал. Пинька каждый день наведывалась к яблоку – проверять на спелость. Как она это делала? Да очень просто – надкусывала яблоко со стороны ствола, где не видно.

– Еще гано, – передернувшись от кислоты, буркнула Пинька (она хотела сказать «рано», но по-детски картавила, вместо «р» у нее получалось «г») и побежала есть свои любимые лепешки. Вот где вкуснотища!

– Ты бы хоть умылась да расчесалась, – пожурила ее бабушка, вытаскивая из рыжих кудрей яблоневый лист. Расчесываться Пинька страсть как не любила. Ее вьющиеся волосы

торчали пружинками во все стороны. Они так спутывались, что приходилось раздирать. Больно! А у расчески при этом ломались зубья. Умываться, после вчерашнего, тоже не хотелось.

Накануне Дядя Толя, двоюродный брат отца, шутки ради сказал, что глаза у Пиньки черные, потому что плохо помыты. Она решила это исправить с помощью мыла.

Целый час все наперебой успокаивали ревущую Пиньку: носили на руках, целовали глазки, предлагали сладости и даже купили мороженое. Но стоило девчонке увидеть в зеркале все те же черные глаза, и поток слез полился вновь. Чтоб успокоить внучку, дед пообещал взять ее с собой на рыбалку.

Ах это загадочное слово «рыбалка»! Сколько фантазий родилось в детской головке за остаток дня.

Пинька потянулась за второй лепешкой, заметила на подоконнике старую жестяную банку и вспомнила – у нее ж сегодня важный день.

– Ба, а где деда? – спросила она, не скрывая волнения.

– Собирается. Сказал, неумытую не возьмет!

Поплескав на лицо водой, Пинька наспех утерлась и поспешила натянуть колготки. Еще с вечера, засыпая, девчушка представляла, как поймает волшебную золотую рыбку, и даже придумала три заветных желания.

Никакого загадочного места, куда «не всех пускают», Пинька не увидела. Пришли они на берег речки. Дедушка поручил ей подавать червячков, а сам привычно уселся с удочкой. Так в детских ручках оказалась заветная жестяная банка, которая тут же была открыта. Толстые и тонкие дождевые червяки шевелились в одном большом клубке. Очень захотелось их получше рассмотреть, и девчушка высыпала содержимое на землю.

– Деда, а какие вкуснее? – спросила она, выбирая из кучи самого жирного, – Не пога еще подавать?

Дед бросил удочку, собрал червей, забрал к себе банку и наказал сидеть смирно.

Последнее было невмоготу, и в ответ посыпались вопросы: что такое невод? как им ловят рыбу? куда цепляют червяков и что такое «одна тина»?

Потом Пинька вспомнила, что золотую рыбку надо «кликать», как в сказке, и принялась за дело. Она подбежала ближе к берегу, присела на корточки и закричала:

– Гыбка! Гыбка!

Дедушка приложил палец к губам: «Тс-с-с!»

– Наверное, гыбки еще спят, надо их разбудить, – решила она и стала кидать в воду камушки.

Дедушка заворчал. Пинька обиделась, уселась спиной к нему на корягу и принялась скучать. От нечего делать она ковыряла мыском ботинка землю, рассматривала травинки... Вдруг на глаза ей попала шустрая ящерка.

– Волшебница! Вот кто мне желания исполнит, – подумала девочка и решила подойти к ней поближе. Едва коричневая, в пятнышках забава влезла на большой камень, девочке почти удалось ее поймать. Почти, потому что Пиньке достался только хвостик, который сам собой дергался в руках.

– Деда, деда, хвост живой! – кричала она на бегу, и вдруг застыла – в ведерке, в воде, плескалось несколько блестящих рыбешек. Золотой там еще не было.

– Пгоснулись, – довольно шепнула Пинька, передавая деду кусок хвоста ящерицы, – А дай половить, по-жа-луй-ста!

Тот уступил, и девчушка с деловым видом взялась за удочку. Ах, этот крючок! Он предательски прицепился к кофточке. Запутавшись в леске, Пинька заверещала во всю мощь.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

Она больше не хотела ловить рыбу – ей это совершенно не понравилось! Решив для себя, что золотых рыбок здесь нет, она отправилась снова дружить с ящерицами.

Вечером за ужином, уплетая жареных карасиков, Пинька хвалилась бабушке своими стараниям в ловле рыбы, рассказала о живом хвосте, а в завершение добавила:

– Скучно там! И золотых гыбок нет, потому что это не може.

– Да! – подтвердил дедушка.

Зайцы

Сразу после завтрака, шлепая стоптанными тапочками, Пинька направилась во двор – проверять клетки с кроликами. Она делала это каждый раз после приезда деда, потому что ее дедушка был ревизором и «ловил по вагонам зайцев»! Пинька была совершенно уверена, что все их кролики – это пойманные дедушкой зайцы. Только теперь у них есть дом, и поэтому их зовут кроликами. Одна клетка уже давно пустовала, и Пинька ждала, когда в ней поселится новый заяц-кролик. Она представляла, как поздно вечером, войдя в дом, дедушка с довольным видом вытащит из-за пазухи за уши очередного зайца и скажет: «Вот к нам новый жилец прибыл!» А еще она очень хотела бы знать, как их вообще ловят и куда они едут в вагонах?! Завтра мама собралась ехать в соседний город и обещала взять ее с собой.

«Вот и посмотрим!» – решила девочка, с нетерпением ожидая этой поездки.

Ранним утром Пиньку нарядили в новое платье, надели новые носочки и обули в новые сандалики.

«Наверно, в вагон неопрятных не пускают!» – подумала она и терпела, пока ее шевелюру превращали в два моточка медной проволоки.

Никаких зайцев на станции не было, в вагоне она их тоже не заметила.

«Может, опаздывают, – думала Пинька. – Или прячутся?»

Поначалу она пыталась заглядывать под лавки, потом стала следить за багажными полками, а потом просто заснула и проспала всю дорогу.

Город их встретил тепло и солнечно, оставив кучу впечатлений. В детской головке смешалось все: ступеньки лестниц, ноги, спины, из-за которых ничего не видно, мороженое на палочке, стеклянные прилавки с большим количеством всякой вкуснятины и страх потерять в толпе маму. Пинька упросила маму купить ее любимые сардельки-шпикачки и ради этого согласилась смиренно посидеть на подоконнике магазина. Боясь опоздать, они бежали на электричку, и им было совсем не до зайцев. Вагон, в котором мама с дочкой возвращались домой, был полон народа. И в нем никаких зайцев тоже не было.

«Наверно, потом залезут», – подумала Пинька и разместилась у мамы на коленях. Она обняла ногами сумку с сардельками и мирно дремала, когда в вагоне раздалось: «Зайцы!» Сразу открыв глаза, девчонка увидела двух дядек в форме, как у ее дедушки. Мама что-то им объясняла про деньги, про сардельки, потом извинялась и называла фамилию.

– Ну что же, раз ни денег, ни билетов нет, придется забрать у вас сардельки! – строго сказал один из дядек и посмотрел на девочку.

Расставаться с сардельками Пинька не собиралась! Загородив собою сумку и сжав кулачки, она закричала картавым голосом:

– Это как – забгать сагдельки? Я вам дам, забгать сагдельки!

Все вокруг почему-то засмеялись. Девчушка надула губки и уперлась кулачками в бока: «Ишь вы какие!» Когда дружный хохот затих, строгий дядька, погладил девчушку по голове, махнул рукой и ушел.

Вечером на кухне взрослые обсуждали историю о каком-то очень бойком рыжем зайце и смеялись до слез. А Пинька жевала смачную сардельку и думала: «Враки все! Не было там никаких зайцев!»

Лото

Бахрома скатерти отбрасывала причудливую тень, от чего Пинькино укромное место выглядело таинственным. Ей казалось: оно обладает волшебной силой и исполняет желания. Сидеть под столом в большой комнате девочка очень любила. Там она прятала своих сказочных героев, вырезанных из колоды карт, придумывала всякие фантастические истории. Там же она утоляла свое любопытство, разбирая подаренные игрушки.

– И эта сломалась, – обиженным голосом прошептала Пинька, пытаясь соединить обратно недавний подарок. Игрушек у нее было мало, в основном мягкие. Остальные странным образом разваливались, едва Пинька заглядывала им внутрь.

– Давай спгячем, а ты меня не выдавай, – говорила она черному коту по кличке Цыган. – Бабушка сказала, ты ученый, намуглыкай им, чтобы мне дзугую купили, ладно?

Она спрятала сломанную игрушку между крышкой и верхней перекладной стола и вылезла из своего укрытия.

Как долго тянулся этот скучный осенний день! Пинька с нетерпением ждала вечера. Вечером к ним в гости собирались прийти бабушкины подружки. Не просто так прийти, а поиграть в какое-то лото. Что такое лото, она не знала, но поиграть хотелось очень!

На улице стемнело, когда пришли три тетеньки и сели за Пинькин любимый стол. Они разложили какие-то карточки, достали набитый чем-то мешочек и принялись его трясти. В ожидании чуда егоза затаилась на своей любимой перекладине и прислушалась. Пошумев мешочком, бабушка стала выкрикивать разные непонятные слова: «Туда-сюда, очко, полста, утятя...»

«Утятя! Ура! Началось!» – подумала Пинька и выскочила из укрытия. Но, не обнаружив ничего похожего на утят, залезла обратно.

«Наверно, слышалось», – подумала она.

– Топорики!

Пинька повторила те же действия, но топорики тоже не оказалось.

«Прячут», – решила девочка и вернулась под стол. Вопрос, где прячут, не давал ей покоя. Она внимательно рассмотрела сидящих за столом, потом взялась отгадывать, где чьи ноги, поднимать юбки, проверяя, не лежит ли что-нибудь на коленях. А когда прозвучало «барабанные палочки», ее терпение лопнуло и Пинька вновь вылезла. Она повисла у бабушки на шее и зашептала ей на ухо: «Ба, а где палочки-то?» Бабушка, в ответ показала маленький деревянный бочонок с двумя нарисованными единицами. На столе стояло много таких бочонков с разными цифрами, а палочек там не было.

– Ба-а-а, ба-а-а! Где палочки-то? – не унималась внучка, повышая постепенно голос.

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

Едва бабушка освободилась от детских ручек, как тетеньки наперебой заворчали: «Отправь ты ее спать, Валентина». И Пиньку прогнали в спальню.

– Плохая это игга – лото, – жаловалась Пинька Цыгану. – Столько всего пгинесли, и ничего не дают!

Кот, прищулив глаза, урчал в ответ, а она представляла, как играла бы с утятами и барабанными палочками. Сейчас ей хотелось не спать, а опять залезть под стол, загадать там желание и ждать чуда из волшебного мешочка. Но, увы, пришлось лежать в кровати, за перегородкой. Обидно!

– Чего пгишли, жадины? В иггу не приняли, к загадочному мешочку не подпустили, детей обижают, – возмущалась она, когда из большой комнаты донеслось: «Стульчики, крендельки».

– Даже кгендельки не дадут?! Какие же это подгужки?! Надо бабушке с ними газдгужиться!

Выскочив из кровати, Пинька в чем была появилась перед гостями. Она сжала кулачки и с очень серьезным видом крикнула: «А ну, уходите отсюда злые, жадные бабки!»

Наутро Агриппина проснулась звездой! Пока они с бабушкой ходили по делам, им встречались знакомые тети, смеялись над словами про «злых бабок» и даже угощали кто чем. Только вот крендельков так и не дали, как, впрочем, и утят, и барабанных палочек. Зато играть в плохую иггу – лото – тоже не приходят!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Ефим Гаммер

(г. Иерусалим, Израиль)

РАССКАЗЫ для ДЕТЕЙ

В Иерусалиме, на улице царя Давида, живет старый-престарый человек. С незапамятных времен его величают Сказочником. Изо дня в день он сочиняет сказки, и за это все его любят. Более того, хотят, чтобы он сочинял сказки также о них. А это не так просто. Ведь человеку, о котором сочинена сказка, она не обязательно понравится. И он скажет: «Какой же ты писатель, если не способен написать обо мне хорошую сказку?» Следовательно, чтобы быть настоящим писателем надо писать хорошие сказки, притом так, чтобы они нравились всем, кто хочет стать сказочным героем. А кто хочет? Ты? Но ты еще не попросил иерусалимского Сказочника написать о тебе. А кто попросил? Гномик Икс, затем гномик Игрек, следом за ними гномик Зет и вся развеселая компания гномиков. Интересно? Что ж, не то еще будет, когда ты начнешь читать про их приключения. Начнешь? Ну конечно, начнешь! Куда тебе деваться от такой интересной книжки?

Иерусалимский сказочник

1

В Иерусалиме, на улице царя Давида, живет старый-престарый человек. С незапамятных времен его величают Сказочником. Он ходит от дома к дому, стучит в бубен, и громко-громко, до звона оконных стекол, кричит:

– Покупаю давние, неизвестные мне сказки. Сочиняю современные. Меняю поломанные игрушки на новые! Рассказываю невероятные, но почти правдивые истории!

До сих пор никто не видел, чтобы сказочник купил хоть что-нибудь. А вот игрушки он на самом деле меняет, поломанные на новые. И истории рассказывает, удивительные истории. Послушать его – это сразу стать умнее. Послушать его – это сразу повзрослеть на год или два. А кто хочет стать умным-преумным и повзрослеть, скажем, сразу лет на десять-двадцать, тот должен ходить за Сказочником, не отставая, и слушать все его фантастические рассказы без перерыва.

Я хотел быть умным-преумным, хотел быть взрослым-превзрослым. И поэтому ходил по улице царя Давида за Сказочником изо дня в день. Слушал его истории. Умнел и вырос. И незаметно для себя превратился в представительного мужчину пожилого возраста. И как

положено в этом возрасте, потерял все волосы на голове, зато приобрел шикарную бороду. Ни дать ни взять – дедушка!

Жить без волос на голове не самое большое удовольствие. Холодно. Зато с бородой – приятно. Все тебя уважают. Уступают место в автобусе. А если чихнешь, разом кричат: «Будьте здоровы!»

А я здоров, даже когда чихаю. Ведь мне на самом деле семь лет, хотя выгляжу на все сто. Вот это – великое чудо! Люди думают, что мне сто, а мне всего семь. И при этом – при всем своем богатырском здоровье – я умный-преумный. Умнее не бывает!

И знаете ли вы, до чего я додумался? Нет, этого знать вы не можете. Вам совсем немного лет от роду, на голове у вас еще не выпадают волосы, и борода на лице не растет. А я потерял все волосы, отрастил бороду и заодно столь же могучий ум. И додумался до невероятного. «Если я взрослый, – пришло мне на ум, – то почему я без машины? У каждого взрослого – своя машина. Пора и мне иметь».

Пошел я в магазин детских игрушек.

Обращаюсь к дяде продавцу:

– Дайте мне машину с моторчиком.

– Какой марки? – спрашивает он. – У нас выбор богатый.

– А вот эту, американскую, «Форд». Мой папа катается на такой. И я хочу.

– О! – удивился дядя продавец. – У вас есть папа?

– И папа, и мама, и дедушка.

– Дедушка? – पुще прежнего удивился дядя продавец. – У вас есть дедушка?

Какой глупый дядя продавец! Как он не понимает, что если есть я, значит у меня должен быть папа, должна быть мама и должен быть дедушка. Как мне без дедушки? Кто мне в этом случае будет покупать мороженое, когда мы идем в кино?

– Есть у меня дедушка, – сказал я дяде продавцу. – А у моего дедушки есть папа – мой прадедушка.

Дядя продавец всплеснул руками:

– Смотрите на него! У этого дедушки есть прадедушка! С ума сойти!

Сгрудились вокруг меня и другие дяденьки продавцы, разглядывают, как диковинку.

– Не может быть! У дедушки – прадедушка!

А потом помчались за хозяином магазина, чтобы и он полюбовался мною – негаданным иерусалимским чудом.

– Где дедушка, у которого есть прадедушка? – послышалось из его кабинета.

– А вон там он – собственной персоной! – доложили ему дяденьки продавцы.

Я стоял у прилавка, ждал их возвращения и не понимал, что их так поразило.

Наконец дяденьки продавцы появились. И не одни, а с новенькой машиной «Форд», упакованной в большую коробку с красивыми этикетками.

– Хозяин магазина приказал! Дедушке, имеющему в столетнем возрасте прадедушку, вручить бесплатно детскую машину. С моторчиком. И сказать ему большое спасибо за то, что он жив и здоров.

Я поблагодарил их за подарок и спросил:

– А где же сам хозяин магазина? Я хочу ему тоже сказать спасибо.

– Хозяин магазина не может к вам выйти. Он плачет от счастья, что у вас есть дедушка и прадедушка. У него никого нет. Ни дедушек, ни бабушек. Их всех убили фашисты в концлагере Освенцим.

2

Вышел я на улицу, сел в свой маленький «Форд», включил зажигание. И поехал.

Но тут подбегает ко мне полицейский, усатый-преусатый.

– Куда вы собрались, дедушка?

– Покататься!

– Нельзя, дедушка!

– Как нельзя?

– Нельзя на детской машине кататься по проезжей части! Выруливайте на тротуар. И там катайтесь. А то остановили нам все движение. И не стыдно вам, дедушка?

– Мне не стыдно, – засмеялся я. – Потому что я совсем не дедушка. Мне всего семь лет. А что борода у меня преогромная, так на это не надо обращать внимание.

– Ах не надо обращать внимание? – полицейский протер глаза. – А вы мне не указывайте, дедушка, на что обращать внимание, а на что не обращать. Мне кажется, вы что-то путаете по старости со своим возрастом. И все же, даже для очень стареньких дедушек, правила дорожного движения такие же, как и для семилетних детишек. А не согласны, так платите штраф.

– Какой штраф? – смутился я. – Нет у меня денег, и никогда не было.

– Тогда попросите внуков. Пусть они заплатят за вас.

– Нет у меня и внуков! – вскричал я. И вскричал вполне справедливо: какие могут быть у меня внуки, когда мне семь лет?

Но мое возмущение не остановило усатого полицейского.

– Но есть у тебя кто-нибудь помладше? – любопытствовал он.

– Есть! Сестричка! Правда, ей всего четыре годика.

– Вот она и заплатит штраф! – твердо произнес полицейский и тут же сконфузился из-за того, что сморозил глупость.

– У нее тоже нет денег, – пояснил я и надавил на педаль газа, оставив онемевшего полицейского далеко позади.

3

Лечу себе по шоссе, жму на педали, жму-жму-жму. Выскакиваю на Иерусалимский спуск, и вниз по нему. Из «сухопутного» города к Тель-Авиву и Средиземному морю.

На пляже тишина и спокойствие. Солнышко светит. Вода манит. И машина моя, превратившись в амфибию, смело устремилась в море.

Гребной винт крутится, вода за кормой вспенивается. Покачиваюсь я на волнах, приближаюсь к острову. Ни одного человека на берегу – необитаемый остров! А если остров необитаемый, то на нем непременно отыщется пиратский клад.

«Плыви себе, дедушка семи лет, – говорю сам себе вслух, чтобы не было страшно, – открывай свои америки, как дядюшка Колумб».

Америк я, однако, не открыл. Не осталось, надо думать, неоткрытых америк. Но на необитаемый остров выполз. Почему выполз? Потому что морская вода проникла в мотор, он заглох, и мой «Форд» затонул у самого берега, на линии прибоя.

Выполз я на необитаемый остров. Осмотрелся. Никого! Что делать? Кого позвать на выручку? Приложил руки рупором ко рту, и ну кричать:

– Ау, люди!

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

Никто не пришел ко мне на помощь. И я усек: необитаемый остров потому и необитаемый, что людей на нем нет. А как без людей, подскажите, быть умным-преумным? Как быть взрослым или ребенком? Никак! Что же остается? Остается – искать пиратский клад. Вот я и кинулся к ближайшей пещере, надеясь его там обнаружить. А кто ищет, тот всегда найдет, как поется в старой песне. Я и нашел – настоящий пиратский клад в настоящей пиратской пещере. Причем клад охранял, держа на плече саблю, настоящий пират, лет пятидесяти, с повязкой на глазу, но без усов и бороды.

Сидит пират на сундуке с драгоценностями, держит на коленях мешок, разрисованный небесными звездами, болтает ногами.

- Здравствуйте! – поприветствовал я пирата.
- За чем пожаловал, дедушка?
- Я не дедушка.
- Все равно грабитель с большой дороги.
- С магистрального шоссе, – поправил я пирата.
- А что это такое? – изумился он.

И тут выяснилось, что сидит пират на сундуке и охраняет клад почти уже триста лет. И знать не знает, что такое магистральное шоссе, автомобили, самолеты, компьютеры. Ничего не знает из современной жизни, только помнит: в сундуке драгоценности, и он никому их не отдаст.

Вытащил пират из мешка старинный пистолет, навел на меня.

А я не испугался. И показал ему длинный «нос».

Он тоже не испугался. И нажал на спусковой крючок.

Из ствола выскочил букетик цветов.

- Подарок! – сказал пират.
- За что? – спросил я.
- За уважение, – ответил пират. – Такой древний дедушка, а поздоровался со мной первым.

– Ты старше, – попытался я объяснить ситуацию. – Тебе, наверное, пятьдесят.

– Триста пятьдесят!

– Мне всего семь.

– А выглядишь на сто.

– Это из-за бороды.

– А у меня борода не растет, – печально вздохнул пират. – Триста лет сижу на сундуке, хоть бы на сантиметр выросла! Так нет! Не растет! И все друзья-пираты посмеиваются надо мной: триста пятьдесят лет человеку, а ни усов, ни бороды.

– Давай меняться! – загорелся я. – Я тебе бороду, она мне уже порядком надоела, а ты мне что-нибудь другое.

– Сундук с драгоценностями не отдам. Я его охраняю.

– Мне он и не нужен!

– А что тебе нужно?

– Что-нибудь вкусненькое. А то я ничего не ел с утра. Проголодался.

– Нет проблем! Чего хочешь? Жареную курочку? Вареную картошечку? Колбаску? Треску в томатном соусе?

– У вас все есть?

– Не у меня! А в мешке! Мешок, понимаешь ли, волшебный. Что захочешь, то из него и вытянешь.

– Вытяните мне самое вкусненькое!

Пират засунул руку в мешок и вытащил оттуда клубничное мороженое.

– Это годится?

– А шоколадного нет?

– Это? – пират вынул из мешка эскимо на палочке.

– Это! – сказал я, понимая, что мешок и впрямь волшебный. И попросил его в придачу к вкусненькому.

– Нет проблем! – сказал пират.

Он снял с меня саблей бороду, приклеил ее себе. А я стал обладателем волшебного мешка, из которого тотчас извлек воздушный шар и полетел на нем в Иерусалим.

4

Приземлился я в центре города, на улице царя Давида. И вижу: бегут ко мне со всех сторон дети, принимают меня за доброго иерусалимского Сказочника. А что? Чем я хуже? Мало ли я знаю теперь, после всех моих приключений, удивительных историй? Мало ли у меня в бездонном волшебном мешке подарков? Всего у меня с избытком!

С тех пор и хожу я по улицам со своим волшебным мешком. Раздаю подарки, рассказываю сказки.

Какие? Очень интересные. Хотите послушать? Слушайте!

«Жил да был на свете, в одной удивительной стране, необыкновенный человек...»

Впрочем, эту историю вы услышите в другой раз. Сейчас мне надо раздавать подарки.

Иерусалимский сказочник и веселая компания гномиков

Итак... Жил да был на свете, в одной удивительной стране, необыкновенный человек. Гномик Икс. Из всех насущных желаний он выбрал самое простое. Какое? Это не секрет: гномик Икс хотел жениться.

Так в чем же дело? А дело в том, что он хотел жениться не на ком-нибудь, а непременно на первой красавице королевства. Правда, как это сделать не знал.

Вот и обратился ко мне, иерусалимскому Сказочнику.

– Помоги!

– Как тут поможешь? Ты даже с ней не знаком. Да и росточком не вышел. Какой из тебя муж, когда ты ей по колено будешь?

– А ты придумай что-нибудь. Или у тебя шарики в голове уже не крутятся?

– Что я, сказочник, могу придумать? Разве что сказку...

– Ну и придумай. А я буду считать, что все так и случилось со мной, как в сказке. И другим гномикам расскажу. Пусть их завидки берут.

Шарики у меня еще крутились. Я подумал-подумал и придумал – надо же помочь человеку! А потом, когда эта сказка стала передаваться из уст в уста и превратила гномика Икса в чрезвычайно популярную в народе личность, привалил ко мне его братец Игрек... С той же настоятельной просьбой:

– Придумай что-нибудь и сочини!

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

Пришлось сочинять и про него.

А потом...

Потом навалилась на меня вся компания гномиков этой необыкновенной страны.

– Придумай что-нибудь и сочини!

Куда от них денешься? Не отвертись!

Каждому хотелось в сказку. И мне ничего другого не оставалось, как их туда и отправить, чтобы не надоедали.

Гномик Икс и первая красавица

Гномик Икс решил жениться. На первой красавице королевства.

И женился бы. Но...

Первая красавица королевства была значительно выше его ростом.

Что тут поделаешь? Ничего не поделаешь. Надо подрасти.

А как подрасти? Он ведь гномик, росточком не выше пятидесяти сантиметров.

Другой бы растерялся. Но не таков наш гномик Икс. Он пригласил на помощь младшего брата по прозвищу Игрек, взобрался к нему на плечи, надел долгополое пальто и вышел на площадь.

Здесь и провозгласил, что предлагает руку и сердце первой красавице королевства.

Прохожие посмотрели на его руку и не увидели ничего особенного. Профессор Рентген заглянул через волшебное стеклышко в его грудную клетку – туда, где спрятано сердце, и не увидел ничего особенного.

Тут и первая красавица королевства, привлеченная призывами к замужеству, тоже любопытствовала. Она наклонилась с балкона, ухватила гномика за рукав пальто и потащила к себе наверх.

Велико же было ее удивление, когда вместо одного гномика перед ней оказались сразу два – Икс и Игрек, и оба маленькие, чуть выше ее колена. А два, понятное дело, не один. За двух гномиков сразу замуж не пойдешь даже при большом желании.

И что? Да ничего. Просто все могло решиться по-другому, если бы в этом королевстве имелось в наличии две первые красавицы. Но двух первых красавиц в этом королевстве не предусматривалось.

Вот и остался гномик Икс без жены, а первая красавица королевства без мужа. А гномик Игрек отправился в путешествие и поступил на математический факультет университета.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Мария Чугрова

(Нижний Новгород)

СУДАРЫНЯ ВЬЮГА

Далеко на севере стоит ослепительный ледяной замок. По его залам и коридорам гуляют Буйные Ветры, Белоснежные Метели, Свободолюбивые Бураны, Пушистые Снегопады. А на троне восседает Сударыня Вьюга.

Приходит время, и она спускается, берет свой ледяной посох, отправляется в путь. Гуляет по свету Вьюга и щедро одаривает Мир снегами и морозами, ветрами и ураганами.

Каждый год на пути встречает она доброго волшебника Дедушку Мороза. И вместе они творят чудеса: рисуют неповторимые узоры на окнах, серебрят сосны и ели, строят мосты на речках, превращают озера в великолепные зеркала.

Но в этом году долгожданной встречи не произошло.

По лесам, по полям летает Сударыня Вьюга, но нигде не находит Дедушку Мороза. Ни снега, ни льда. Одни лужи, грязь да старые осенние листья...

Искала Вьюга, искала – и нашла... Только не деда Мороза, а Снегурочку, которая горько плакала под большой елью.

– Что произошло, внученька? – спросила она. – Где наш главный Волшебник?

– Пропал, – отозвалась Снегурочка. – Тетушка Осень выкрала Ларец Сказочных Чудес. А без него перестали люди верить в волшебство, чудо, добро и... Дедушку Мороза. А если в волшебника не верят – он пропадает, – грустно заключила она.

– Как же она посмела?! – топнула ногой Сударыня Вьюга. – Не бывать Осени печальной Хозяйкой Ларца!

– Но что же делать? В ее зыбкие болота нам хода нет!

– Нужен Герой – повелитель Фантазий! – воскликнула Вьюга и полетела по свету в поисках того, чье сердце верит в чудо и согревает теплом.

Пятилетняя Марьянка снова плакала. Ее рассказам никто не верил. Она мечтала, фантазировала, видела прекрасные цветные сны. Ей хотелось делиться этим светом, теплом, сказкой. Но каждый раз ее поднимали на смех или называли обманщицей.

А она не обманщица! Она – фантазерка!

Ее придуманные миры чисты и добры, там нет места злобе, зависти, коварству и обману. Вот и сегодня в детском саду, когда ее лучшие подружки поссорились, она остановила их и сказала:

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

– Послушайте! Далеко отсюда есть Волшебная страна. И там никто не кричит из-за игрушки. Люди в этой стране так счастливы, что с радостью дарят свою улыбку и заботу другим, делятся всем, что имеют. И если мы тоже будем друг с другом делиться и договариваться, мы станем ближе к этой счастливой стране!

Но в ответ девочка услышала лишь недобрый смех.

– Какая еще Волшебная страна? Нет такой. Обманщица!

– Как это можно – с радостью все отдавать? С радостью только забирать можно.

– Марьянка, как всегда, чего-то сочиняет...

От этих слов и ледяных сердец вокруг Марьяне становилось больно. Поэтому теперь она сидела вдаль от всех, на площадке перед детским садом, и плакала.

«Все равно я верю! – говорила она про себя. – И Дед Мороз тоже есть где-то настоящий, а не наш переодетый сторож! Будет снег на новый год!» – топнула она ножкой.

И в этот самый момент откуда-то вылетел вихрь, подхватил девочку и унес.

Марьяна оказалась в лесу. Перед ней стояла Снегурочка, как будто сошедшая со страниц ее любимой книги. И еще одна женщина, в богатом красном кафтане до пят, который то и дело поднимало ветром.

– Здравствуй, Марьяна! – заговорила таинственная женщина. – Я Сударыня Вьюга. Рада, что мы тебя нашли. Нам очень нужна твоя помощь!

И рассказала Сударыня Вьюга о том, что случилось.

– Но как же я помочь могу? – всплеснула руками Марьянка. – Я ведь только плакать могу да обманывать, – хлюпнула она носом.

– Не обманывать, а фантазировать! – поправила ее Снегурочка. – Доброе воображение – твоя суперсила! А вера в чудо укрепляет дух! Стоит тебе представить болото Тетушки Осени, волшебный Ларец в нем – как тут же очутишься там.

– Ну что, готова нам и Дедушке Морозу помочь? – спросила Вьюга.

Девочка кивнула в ответ.

– Тогда закрой глаза и представь Ларец, что освещает темное и мрачное болото Осени.

Девочка послушалась. И вот перед ней ярким светом горит Ларец самоцветный. Только непросто до него добраться! Вокруг – болото. Одни редкие кочки торчат.

– Вера у чудо укрепляет дух! – сказала себе Марьянка. – Верю, что доберусь до Ларца.

И начала осторожно по кочкам перебираться. Устала. Посмотрела вниз.

– Ой, вдруг там лягушки? – испугалась девочка. – Я ведь их так боюсь!

И тут же послышалось страшное кваканье из воды.

– Что я наделала? Здесь же мои фантазии оживают! Скорее, пусть прилетит цапля и съест эту противную квакушку!

И в следующее мгновение большая серая птица опустилась на болото, поймала лягушку и понесла ее в клюве по небу.

Последний прыжок – и Ларец в ее руках. Что ж дальше?

Закрывает глаза девочка, представила, как Снегурочке передает Ларец. И в то же мгновение очутилась снова в лесу.

Открыла Снегурочка Ларец, выпустила яркие огни, звезды, фейерверк, озаривший небо. И послышалась за спиной знакомая мелодия бубенцов.

– Да это же белая тройка саней Дедушки Мороза! – захлопала в ладоши Марьяна.

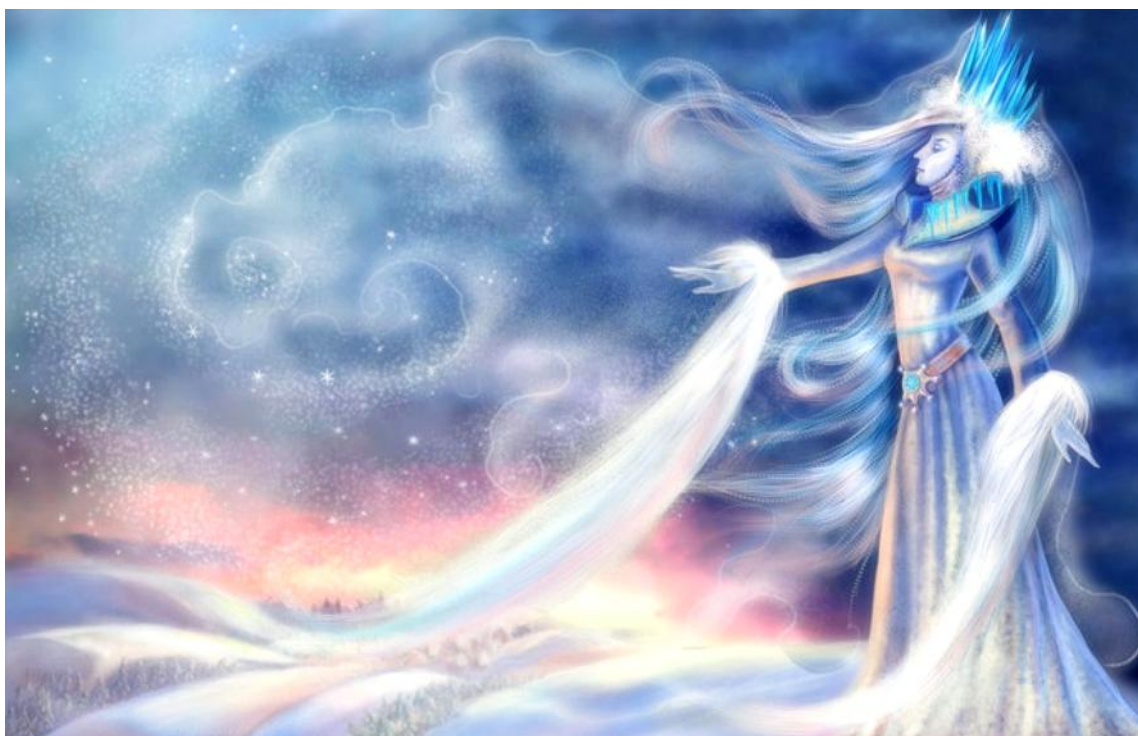
Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

С неба начали падать снежинки, кружась в неповторимом танце.
Снегурочка и Сударыня Вьюга запрыгнули в сани, помахали Марьяне и исчезли в снежном вихре.

– Марьянка, просыпайся! Совсем занесет, – услышала девочка голос воспитательницы и открыла глаза.

Она и правда сидела на лавочке, вся в снегу с головы до пят. А с неба все летел и летел новогодний серебряный пух. Девочка поспешила в группу.

– Я же говорила: будет снег к Новому году! И Дедушка Мороз настоящий! – радостно воскликнула она, забегая в игровую к ребятам.

ПУБЛИЦИСТИКА – ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Петр Дубенко
(МОССАЛИТ, Самарская обл.)

ПРИТЧА: РЕАЛЬНАЯ СКАЗКА ИЛИ СКАЗОЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Главный герой этой статьи – Джон Максвелл Кутзее, дважды обладатель Букера и лауреат Нобелевской премии, которую он получил в 2003 году. Но широкая известность пришла к нему уже в 1980 году, когда свет увидел третий роман Кутзее «В ожидании варваров». Сразу оговорюсь, что это не исторический роман. Его действие разворачивается на вымышленной границе вымышленной империи. И все, что происходит на страницах книги, соответственно, тоже фантазия автора. Однако роман Болеслава Пруса «Фараон» тоже полностью основан на авторском вымысле, что не мешает считать его одним из лучших исторических романов всех времен и народов. Именно поэтому, мне кажется, стоит поговорить и о романе Кутзее, ибо это очень яркий пример того, что не все йогурты одинаково полезны.

Для начала коротко о сюжете и основной идее книги. Есть некая безымянная империя и маленький городок на ее границе, за пределами которой – неизученные владения загадочных кочевых варваров. Дикари никак не беспокоят городок, жизнью в котором заведует главный герой романа; у него нет имени, все называют его просто – магистрат. Да, иногда бывают какие-то недоразумения, мелкие стычки, но в общем и целом империя и кочевники существуют мирно, до тех пор пока не появляется полковник службы имперской безопасности Джолл, который начинает откровенно провоцировать конфликт. Зачем? Ответ прост: он представитель империи, а значит, злой и нехороший человек. Действия полковника делают войну неизбежной, и через это Кутзее подводит нас к логичному вопросу: так кто же на самом деле варвар, дикие кочевники или полковник Джолл, а в его лице и вся империя? Автор преподносит происходящее так, что ответ однозначен.

Таким образом, «В ожидании варваров» это скорее притча, на чем обязательно делают упор поклонники писателя. Дело в том, что Кутзее часто упрекают за сказочность мира, воссозданного в романе. Действительно, хотя в книге нет колдунов, магов, не летают драконы и отсутствуют прочие атрибуты так популярного нынче фэнтези, все же нельзя не заметить, что «В ожидании варваров» полностью оторван от реальности. Но на подобные упреки и сам Кутзее, и критики, разделяющие его взгляды, неизменно отвечают: это притча, так что никаких претензий быть не может. Но так ли это? Давайте попробуем разобраться и начнем с того, что же представляет собой притча как жанр литературы.

С этой точки зрения для притчи характерно наличие целого ряда специфических черт. Это:

- максимально простая строгая композиция;

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

- неразвернутый сюжет;
- сжатые характеристики и описания;
- неразработанные, схематичные характеры персонажей;
- лаконичность повествования.

И главное – опора на пресуппозицию. Что это такое? Пресуппозиция – это некое предварительное знание, которым должен обладать читатель, чтобы правильно понять смысл притчи. Например, чтобы адекватно воспринять басню Крылова «Лебедь, рак и щука», читатель должен знать, что:

- лебедь – птица, и она летает;
- щука – рыба, и она плавает;
- особенность рака в том, что он обычно движется задним ходом.

Только зная все это, читатель сможет понять метафору басни, а главное, почему воз и ныне остался там. А вот если читать басню будет человек, не имеющий этих представлений, то все происходящее будет видеться ему фантазмагорией, бессмысленным бредом.

Отсюда простой вывод: притча, как литературное произведение, хорошо работает в «общих» темах, которые знакомы всем и каждому. Но, к сожалению, тема взаимоотношений разных цивилизаций, сложная тема имперского менталитета, имперского человека, которую пытается раскрыть Кутзее, к простым и хорошо знакомым явно не относится. Согласитесь, это не то, с чем каждый из нас обязательно тем или иным образом сталкивается в повседневной жизни. Это знание специфическое, и обладают им далеко не все. При всем при том некий багаж представлений об этой сфере, конечно, есть у каждого из нас. Правда, если попытаться разобраться, то выяснится, что сформирован этот багаж массовой культурой, отчего объективность таких знаний сразу же оказывается под вопросом.

И проблема романа «В ожидании варваров» как раз в том, что автор, выстраивая сюжет философской притчи, за основу взял ложную пресуппозицию. Он исходил не из реальности, как это в своих баснях делал Крылов, а из широко растиражированных представлений современного интеллигентного европейца, мало знающего по данной теме и еще меньше в ней понимающего. Кутзее не пытался описать сложную действительность в простой метафоричной форме и через это привести читателя к какому-то важному выводу. Он попытался подверстать реальность под представления обывателя. Это все равно что подгонять условия задачи по физике под ответ, который ты хочешь получить. И если вдруг какие-то законы физики противоречат придуманным тобой условиям... Тогда всегда можно сказать возмущенным читателям: «Это ведь притча, поэтому просто игнорируйте ее противоречия с реальностью».

Между тем притча – это не что-то такое, что может быть совершенно оторвано от реальности. Притча и есть сама реальность, только схематично описанная в упрощенной метафорической форме. Но опять-таки никто же не упрекает Крылова за то, что он впряг в телегу лебедя, рака и щуку. Никому же не приходит в голову сказать, мол, басня плохая, потому что в реальности этих животных не используют как ездовых. Нет. Все понимают, что это метафора, воспринимают это нормально и прекрасно считывают основной посыл автора. Но представьте, что дальше лебедь, рак и щука вдруг дружно потянули воз в одну сторону, из чего в конце басни автор сделал вывод: если запрячь трех животных вместо одного, телега поедет в три раза быстрее. Как вам такая басня? Думаю, мало кто из нас всерьез примет это за откровение на грани гениальности. Хотя... Вот если такой вариант басни прочитает человек, который понятия не имеет, что это за существа такие, лебедь, рак и щука, то ему как раз все

Московский BAZAR № 4 (39) 2021 г.

покажется очень даже логичным и правильным. И он будет расхваливать басню и автора, искренне восторгаясь глубиной его мысли. А если какой-нибудь биолог попытается ему объяснить, что в силу физиологических особенностей данных животных и в рамках заданных условий такой исход просто невозможен, и басня, соответственно, как-то не очень... То его обязательно закидают гнилыми помидорами. Потому что – притча ведь... метафора... понимать же надо.

Вот примерно то же самое происходит и с романом Кутзее. «В ожидании варваров» – это не метафоричное описание реальности, это розовые фантазии сферического интеллектуала в вакууме, фантазии, в которых любую глупость можно оправдать тем, что это притча. На самом же деле это такие рассуждения современного европейского Манилова о том, как бы все в мире было хорошо и замечательно, если бы не эти злые имперцы, которым всё что-то неймется, всё они куда-то лезут. Ведь в понимании автора войны и конфликты случаются не из-за экономических интересов, социального неравенства, политических противоречий и прочих *объективных* причин, а просто потому, что империя – это инкубатор плохих людей, которых хлебом не корми, только дай развязать какую-нибудь войну.

Коль скоро это так или иначе связано с историей, то для примера можно взять башкирские восстания, которые полыхали на протяжении двух столетий начиная с середины семнадцатого века. Россия в ту пору стремилась преодолеть аграрную отсталость и стать промышленной державой. За Уралом ударными темпами строились металлургические заводы, они нуждались в сырье – железной руде, которая в избытке имела на землях башкирских племен. Поэтому государственная политика была такова, что кочевников вытесняли с их исконных пастбищ. Вдобавок заводы нуждались в рабочей силе, для чего вербовали тех же башкир. Часто это делалось обманным путем или через долговую кабалу. Вот это все и приводило к восстаниям. А не то, что из Москвы приехали злые дяди, которые просто по причине своей гнусности стали издеваться над местными кочевниками.

Замечу, что не хочу сейчас определять, кто в этой ситуации был прав, а кто нет, кого-то оправдывать, а кого-то осуждать. Говорю только о том, что это был *объективный исторический* процесс. Кочевое земледелие постепенно уходило в прошлое, ему на смену зарождалась промышленность, и остановить это, повернуть вспять было просто невозможно. И не важно, сидели в Москве добрые Магистраты или злые полковники Джоллы.

А вот если верить притче Кутзее, единственная по-настоящему весомая причина конфликтов – полковники Джоллы, которые злые, потому что они злые. Они из империи, поэтому злые и поэтому на ровном месте устраивают войны, которые никому не нужны. А вот если бы Джоллов не было, наступила бы всеобщая благодать, вокруг ходили бы розовые единороги, сияли бы радуги и т. д., и т. п.

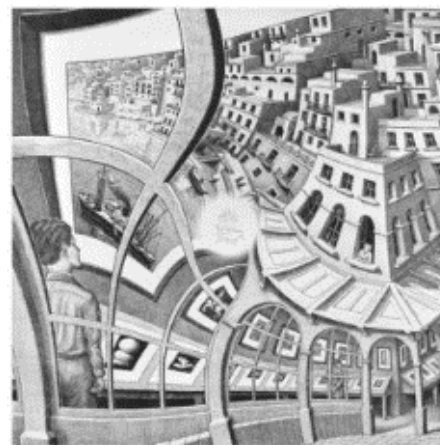
Сами по себе такие идеи, конечно, имеют право быть. Особенно в современном, во многом инфантильном обществе. Но когда подобные мысли звучат из уст большого писателя, нобелевского лауреата и крупного европейского мыслителя, каким Кутзее представляют некоторые критики... Это, мягко говоря, вызывает недоумение. А еще большее недоумение вызывает искренний восторг читателей, пораженных глубокой и многослойной философской мыслью, высказанной в романе «В ожидании варваров». Не хочется верить в то, что современный писатель-мыслитель обмельчал настолько.

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Королев)

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД ХРАМА ИЛИИ ПРОРОКА В ИЗВАРИНЕ¹³

Церковь в 1960-е гг.

Храм Илии Пророка в деревне Изварино истинное украшение поселения Внуковское. Наиболее вероятно, что у ныне существующего храма был древний предшественник – Ильинский храм, стоявший в селе Изварине ещё в XVI веке. Во второй половине XVIII века здесь было уже два храма – каменная Никольская церковь и деревянная Ильинская. Вторая была построена в 1770 году иждивением князя А. А. Черкасова. К началу XX века деревянный храм обветшал, и московские купцы Абрикосов,

Карзинкин, Таумберг решили на свои средства возвести новый каменный трёхпрестольный храм с приделами в честь Казанской иконы Божией Матери и святителя Николая. Пришедшее в негодность здание XVIII века начали восстанавливать в 1904 году по проекту архитектора-эклектика и модерниста Н. М. Садовникова и московского модерниста Б. Н. Шнауберта, главного архитектора купеческого семейства Абрикосовых. Новый проект церкви предполагал здание из красного кирпича в неорусском стиле. Каменная Ильинская церковь была построена в 1904–1905 гг.

¹³ Статья из книги «Внуково. “Московский писатель”. В тени больших деревьев» под ред. О. Грушевской.

Церковь Ильи Пророка. Внуково, 1950 г.

В деревне Изварино есть церковь Ильи Пророка. До 1990 года там был склад киноплёнки Госфильмофонда. В 1990 году склад ликвидировали и церковь начали восстанавливать. Мы с внучкой Катей и другими жителями городка помогли настоятелю храма отцу Андрею наводить порядок. Зрелище на тот момент было удручающее: стены ободранные, с внутренней части купола во время дождя текла вода, полы разбиты, икон не было. В те времена, когда храм закрыли, местные жители спрятали иконы по домам, чтобы их не сожгли.

Когда храм вернули церкви, жители стали робко приносить бумажные репродукции икон – вырезки из журналов, из календарей – и вешать на стены храма. Но скоро отец Андрей начал проводить службы, и тогда жители деревни Изварино стали постепенно возвращать прежние иконы – те, которые в годы гонений их родители сохранили дома.

Мы приносили в храм картонки, стелили на пол, чтобы не ходить по воде. Батюшка начал крестить прихожан.

Постепенно наш храм получил второе рождение.

**Л. В. Прокофьева,
вдова проф. Н. Г. Санникова,
проживает во Внукове**

Но полностью завершить проект не получилось – помешали Первая мировая война и революция. Долгое время храм был закрыт, разделяя судьбу многих храмов того времени. До 1918 года церковь была действующей. По свидетельствам прихожан, при ней находилась приходская школа, но в 1918 году храм был закрыт. В 1920–1940-х годах в здании церкви располагалась конюшня, хранилось зерно и сено. Богослужения возобновились во время Великой Отечественной войны, в 1943 году, а по окончании войны, в 1946 году, храм вновь закрыли. Здание было передано в ведение «Мосфильма» – в нём разместился архив ленинизма и склад архивных киноматериалов.

Церковь разрушалась. «...Со стороны постройка выглядела заброшенной: почерневшие стены с осыпающейся кирпичной кладкой, на перекрытиях – кустарник и бурьян, частично замурованные окна. Было во всей этой разрухе что-то волнующе, загадочное и таинственное», – пишет в своей статье «Доминанта без тайны» журналистка Наталия Судец.

В 1988-90 гг. благодаря усилиям местных жителей и священника Андрея Мельникова церковь Илии Пророка была передана верующим, и началось восстановление святыни – здание было в плачевном состоянии. Облик храма стал быстро меняться: появился иконостас, часть икон для которого была передана жителями Внукова, некоторые написаны самими прихожанами, восстановили кресты на куполах, застелили пол...

Прихожане уважали и любили отца Андрея и, несмотря на молодость, его авторитет среди прихожан был огромен. Однако в 2001 году отец Андрей в возрасте 39 лет умирает.

Имя Илия означает крепость Господня (евр.).

2 августа – Ильин день. В этот день не работали, а накануне переставали заниматься полевыми работами. Старались высушить сено и убрать его в стога.

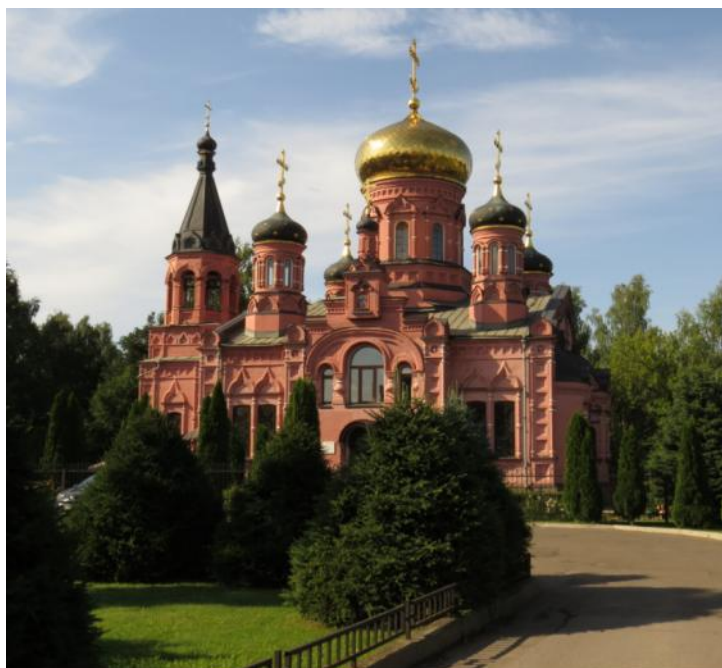
В день памяти пророка Илии, 2 августа, идёт дождь.

На Илью обыкновенно бывают «воробьиные ночи», когда всю ночь раздаются раскаты грома, сверкают молнии.

С Ильина дня устанавливается умеренное тепло. Световой день идёт на убыль, а ночь – на прибавление.

После Ильина дня перестают купаться. С Ильина дня ночь длинна, а вода холодна.

Святой пророк Божий Илия – небесный покровитель воздушно-десантных войск России.

Церковь Илии Пророка, 2019 г.

В отреставрированной церкви появились целых три придела: главный – Илии Пророка и два дополнительных – Казанской Божией Матери и святителя Николая.

2 августа 2005 года состоялось Великое освящение.

Продолжил восстановление храма новый настоятель – протоиерей Николай Олейников. В начале 2003 года по найденным старым чертежам была построена колокольня и вспомогательные помещения, сделан пригодным для проживания дом священника, благоустроена внутрицерковная территория, разбиты газоны, организовано новое ограждение.

Но человеческая натура противоречива, а душа русская вечно сожалеет о чём-то безвозвратно утраченном, а потому сегодня при взгляде на ухоженную, словно начищенную до блеска церковь Илии Пророка «...отчего-то возникает ностальгия, – пишет Наталия Судец, – по чёрному матовому куполу, венчавшему центральный свод почти два десятилетия. Было в нём что-то аскетично задумчивое, когда Илья Пророк своими куполами и скупой потемневшей колокольней прорезал звенящий от мороза или плавящийся от жары воздух, напоминая о противоречивости мироздания и трудностях бытия».

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2021